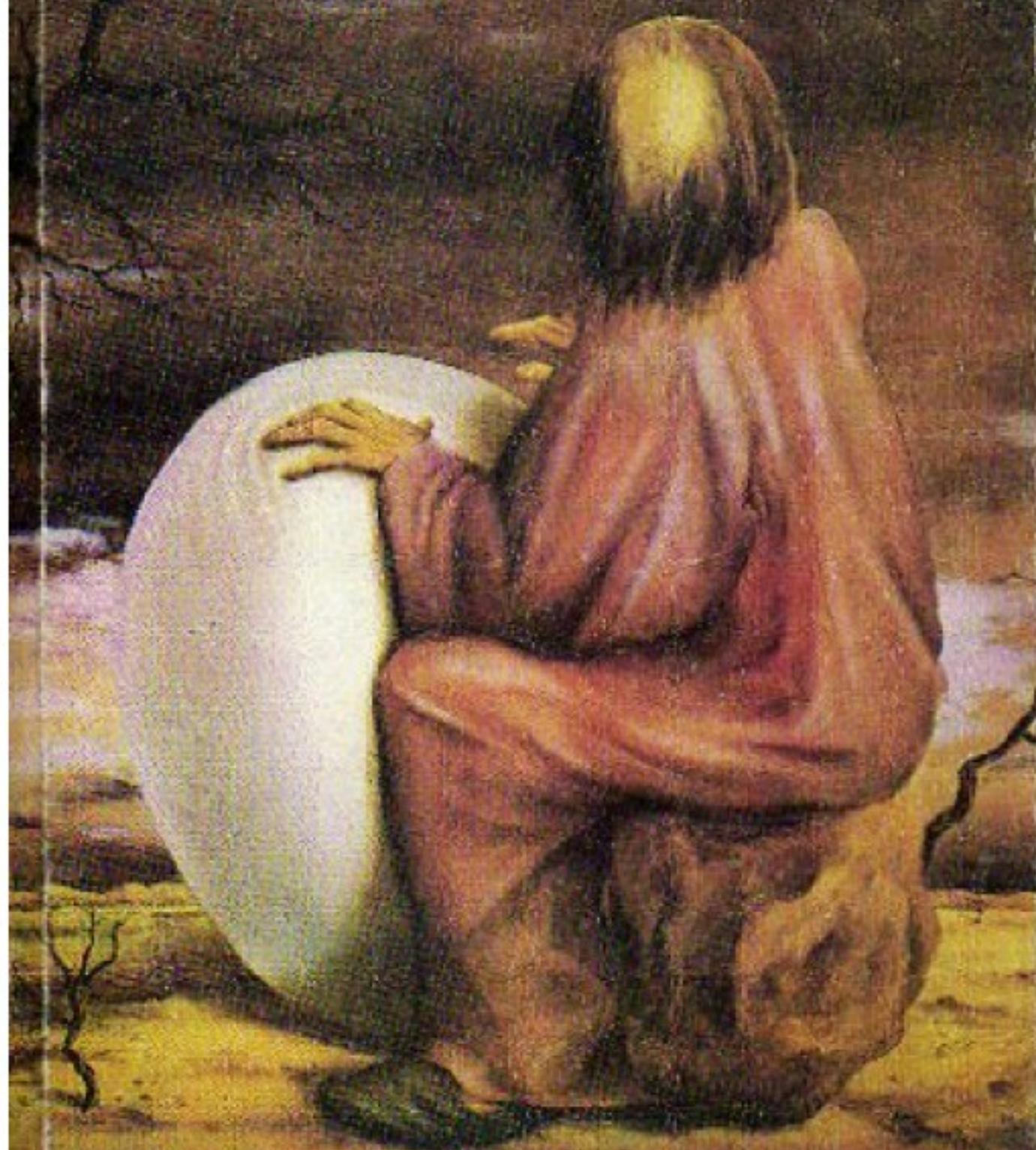

А. А. Горбовский

**ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ,
НЕЗРИМАЯ СИЛА**

А Горбовский. ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ. НЕЗРИМАЯ СИЛА (колдуны, экстрасенсы, целители)

М., Общество по изучению тайн и загадок Земли 1991, 224 с. с ил.
ISBN 5-86422-068-X

© Общество по изучению тайн и засадок Земли, А-Горбовский, 1991.

Власть, о которой идет речь в книге, — это власть шаманов, колдунов, людей с паранормальными способностями. Что знаем мы о случаях, когда предметы и люди внезапно теряли вес, поднимались в воздух, а то и вообще исчезали, появлялись иногда на расстоянии сотен и даже тысяч километров? Реальность этих фактов получила теперь научное подтверждение, хотя объяснение им наука дать не может. Как не может объяснить и причину болезней, перед которыми медицина оказывается бессильной, но с которыми порой успешно справляются шаманы и некоторые экстрасенсы. Не говорит ли это о том, что вековое народное представление о сглазе, наговорах и порче имеет под собой реальную почву?

Некоторые из драматических историй, которые приводятся в книге, также можно было считать фантастическими, если бы они не были правдой. Впрочем, возможно, самое странное, о чем вы сможете прочесть в книге, — судьба тех, кто оказался отмечен этим даром паранормального: колдунов, шаманов, целителей. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

1. ПРЕДМЕТЫ, ПОСЛУШНЫЕ СИЛЕ МЫСЛИ

Способности, в которые трудно поверить

"...На полу стояли деревянные миски, одя была наполнена варениками, другая сметаной ...Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлепнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать".

Эпизод этот, описанный Гоголем сто лет назад, не с меньшим основанием мог бы принадлежать не ему, а скажем, исследователю-этнографу, собирающему сведения о колдунах и шаманах. В работах

таких исследователей нередко встречаются упоминания об этой способности воздействовать на предметы — способности, которую народный опыт по сей день устойчиво связывает с людьми, наделенными некой, как принято говорить сейчас, экстрасенсорной силой.

Судя по некоторым свидетельствам, предметы могут приводиться в движение и непреднамеренно, в результате сильного стресса, душевного волнения или страха. На этом основываются и некоторые русские народные обычаи. Так, еще недавно в деревнях, чтобы разоблачить вора, всех подозреваемых собирали где-то в уединенном месте, в лесу. Подбиралось ружье с "легким спуском", т. е.

такое, у которого спусковой механизм срабатывал от малейшего нажатия. Ружье клали на высокий пенек, и каждый подозреваемый по очереди подходил и целовал его в дуло. Когда это делал вор, ружье стреляло. Трудно судить, происходил ли такой телекинетический эффект в результате страха, испытываемого тем, кто доподлинно знал за собой преступление, или на спусковой механизм воздействовал дистанционно обычно присутствовавший там колдун. Единственное, что можно констатировать более или менее определенно, — это то, что обычай не мог бы существовать, если бы он не подкреплялся, пусть время от времени, какими-то результатами.

Точно так же и эпизод, приведенный Гоголем, по всей вероятности, был рассказан ему кем-то, кто, возможно, сам наблюдал эту сцену. Тем более, что упоминания о людях, способных воздействовать на предметы на расстоянии, встречается время от времени и в исторических записях, и в некоторых воспоминаниях. Один из очевидцев такого феномена рассказывает о некоем артиллерийском офицере Морозове, с которым он служил в 1890 году в Кронштадте.

"Стоило ему долго и пристально посмотреть на какой-нибудь предмет, с желанием, чтобы он пришел в движение, как по истечении некоторого времени предмет действительно приходил в движение.

Однажды, — продолжает автор воспоминаний, — Морозов предложил нам в нашем присутствии сделать несколько опытов.

Мы выбирали какой-нибудь не-тяжелый предмет, вроде стакана, ложки или ножа, и на наших глазах предмет этот приходил в движение и падал на пол, несмотря на то, что Морозов находился на расстоянии в несколько шагов. Все это происходило среди полного дневного света и на глазах полдюжины товарищей, которые не откажутся подтвердить справедливость всего рассказанного".'

Среди историй, которые случилось слышать и мне, рассказ одного бывшего следователя ЧК по Сибири.

Случай этот относился к тридцатым годам и произошел в Иркутске. Нэп уже кончился, но на свободе оставались еще бывшие дельцы, коммерсанты и вообще состоятельные люди. Они вели жизнь, соответствующую их возможностям, многократно превышавшим возможности простых людей, и естественно, чаще других становились жертвами мошенников и грабителей. В отличие от остального населения, у них оставалось еще что грабить.

Очередной арестованный, который был направлен к следователю, чей рассказ привожу я здесь, обвинялся в том, что в ресторане, танцуя вальс с женой местного!

делового человека, похитил у нее прямо с шеи драгоценное ожерелье.'

—Я не поверил, что это можно сделать во время танца, когда обе руки его были заняты, и чтобы она не заметила этого. Но улика была налицо — ожерелье нашли у него в кармане там же в ресторане. И второе, он сам не отрицал этого. Так что формально дело было решенное: улика и признание налицо — чего еще?

Откровенно говоря, если бы он отрицал, что сделал это — можно было бы допустить, что ему подбросили, когда

начался переполох. Такие случаи бывали. Если бы он сказал: "Не брал! Ничего не знаю", — дело бы повисло в воздухе. Может, мне пришлось бы отпустить его. Но он сам признался, что сделал это. "Блефует!" — подумал я.

Зачем? Тут свои игры могли быть. Так что как привели мне его для допроса, я так сразу и сказал ему, что не верю, чтобы во время вальса можно было незаметно снять ожерелье. Сказал, чтобы говорил правду: зачем согласился принять на себя чью-то вину? А то, мол, хуже будет. Ну ему, видно, всякие страхи наговорили про ЧК, он

побледнел даже, говорит: "Я признался уже. Это я сделал". Я спрашиваю: "Как?" И тут он начинает мне врать (вернее, я думал, что врет), будто может взглядом предметы двигать. Я разозлился даже. Думаю: "Образованный. Надо мной смеется. Издевается надо мной".

"Ладно, — говорю. — Докажешь, отпущу. Если врешь, пуцу в расход. Вот часовой — свидетель". А часовой тогда не снаружи, не в коридоре, а прямо в кабинете у дверей стоял. Такое правило было. Одним словом, кладу перед собой на стол первое, что под рукой оказалось, — партийный билет. Всегда его с собой носил, понятно. Говорю ему: "Давай, двигай". Он напрягся весь, лицо даже другое стало, постарел вроде. "Ну, — думаю, — Ваньку ломает".

Не верю. А потом, гляжу, поехал мой партбилет, прямо к нему поехал. Как за ниточку потянул. Глазам не верю. И часовой тоже глядит и рот открыл даже. Подъехал к краю стола и прямо прыг ему в руки. "Вот, — говорит, — так и с ожерельем было". Я партбилет беру у него, думаю: "Отпускать надо". И тут, как молния, мысль у меня: "Ведь партбилет-то мой в руках арестованного оказался! Ведь если это станет известно..." Тем более, что часовой все видел. Все за секунду решать надо было. Чего же решать, ясно все. Короче, часовому кивнул: мол, в камеру! Как уходил он, чудотворец этот, посмотрел на меня. Думаю, понял все. Как вышли они, я оформил все. И передал на подпись. На другой день, кажется, и расстреляли его. Как раз партия собралась. А я запомнил случай этот. И как это делал он. Кому ни скажу, не верят. А я сам видел.

Конечно, революционный террор, а затем репрессии сталинских лет пришлись в первую очередь по людям неординарным, отличавшимся от других. В том числе и по людям, вызывавшим недоумение, зависть или страх окружающих. Были, в частности, люди, обладавшие паранормальными способностями, — ведуны, колдуны и шаманы. Какое-то время казалось, что подобные люди,

носители этого дара, исчезли в народе окончательно и безвозвратно.

Но минуло страшное время, и такие люди необъяснимым образом стали вдруг появляться то в одном, то в другом конце страны. В том числе и те, кто обладает способностью воздействовать

на предметы, передвигать их. Причем почти каждый из них так или иначе имел, оказывается, в своем роду колдунов, ведунов, шаманов.

В условиях эксперимента.

Как правило, телекинез — лишь одна из пара- нормальных способностей. Правда, способность эта достаточно наглядна и убедительна, что особенно важно в обществе, где паранормальное до последнего времени отрицалось вообще. Однако даже когда у кого-то оказывается на руках такой козырь, свидетельствующие о его даре, выясняется, что козырь этот ему некому предъявить.

Ну, хорошо, кто-то может воздействовать на предмет, передвигать его. Что дальше? А дальше начинаются хлопотные и до недавнего времени тщетные попытки заинтересовать собой ученых, лаборатории, Академию наук. Но даже когда это происходит и ему удается продемонстрировать скептической аудитории, как движется предмет, которого никто не касается, что следует из этого, какое продолжение может иметь проведенный эксперимент? Самое большее — на свет появляется акт научной экспертизы, подтверждающий то-то и то-то.

(При условии, что присутствовавшие и видевшие все собственными глазами согласятся его подписать.) После этого ученые возвращаются к основным своим делам и изысканиям, а для носителя этого дара начинается новый круг:

— Изучайте меня! — просит он. — Вот акт экспертизы.

Посмотрите, кто подписал. Нет, вы посмотрите!

— Спасибо, — отвечают ему. — Вас ведь уже изучали.

Допустим, факт имеет место. Чего же вы еще хотите?

И действительно, чего он хочет?

Некоторые ищут признания собственной исключительности, удивления перед даром, которым наградила его судьба. Другие искренне хотели бы услышать от ученых объяснения — как происходит то, что удается им

делать. И меньше всего, наверное, хотели бы они, скажем, такого:

— Здравствуйте, здравствуйте, Павел Иванович, — раздается по телефону голос кого-то из присутствовавших на эксперименте. — Как поживаете? Давно что-то вас не слышно. А тут, знаете ли,

заинтересовались вами. Кто, спрашиваете? Да как вам сказать. Есть одна контора. Очень солидные люди. Они будут звонить вам.

Завтра будете дома?

Современное общество обычно ориентировано на достижение ближайших и конкретных целей. Сами цели могут меняться, но установка остается. Только то, что может быть встроено в эту систему, стать средством достижения той или иной цели, способно вызывать интерес. Интерес политиков, военных, деловых людей.

Интерес человека с улицы. Поэтому если вы способны передвигать взглядом по столу коробок спичек или колпачок от авторучки, это, конечно, хорошо. Это даже любопытно. Но, простите, кому это нужно?

Воздействия на материальный мир более сложного порядка — это уже интереснее. Значительно интереснее.

Такие, например, воздействия, как усилия по отклонению луча лазера. Эксперименты по такому отклонению проводятся, в частности, в Ленинградском политехническом институте. Участникам экспериментов удается бесконтактно воздействовать на луч лазера, рассеивать и отклонять его.

В Ленинграде же подобные опыты по воздействию на лазер не один год велись с известным ленинградским экстрасенсом Н. С. Кулагиной. Инициатор этих опытов — Ленинградский институт точной механики и оптики. Во время её воздействия луч лазера (на длинной волне 10,6 мкм) теряет яркость и меркнет.

В официальном документе, перечисляющем участников опытов, упомянуты академик Г. А. Николаев, группа профессоров, научные сотрудники Московского технического университета им. Баумана, а также группа загадочных "сотрудников некоторых других организаций". Без указания имен, званий, а главное, самих этих организаций.

Имея даже самое общее представление о роли лазера в разработках по космическим исследованиям, связи и в военном деле, нетрудно представить себе, какое значение могут иметь подобные опыты в технологических реалиях завтрашнего дня. Судя по всему, негласно или

полугласно подобные работы ведутся не только в СССР.

Есть сведения, например, о таких исследованиях в Китае: группе экстрасенсов удается отклонять луч лазера.

Среди других воздействий на предметы, которые совершала Кулагина в ходе этих опытов, — засвечивание фотопленки и вращение магнитной стрелки.

То, что я назвал "засвечиванием фотопленки", было, по сути дела, воздействием более сложным. На кусках фотопленки, заключенных в светонепроницаемые футляры, Кулагина усилием воли "высвечивала" разные геометрические фигуры: полосы, крест, звезду.

Что касается воздействия на магнитную стрелку, то опыты эти проводились в Советском Союзе давно, хотя и не имели продолжения. Да и какое продолжение могли бы они иметь, кроме кадров фильма, отснятого в свое время, и официальных актов, подтверждавших, что Кулагина и некоторые другие участники опытов такое воздействие производят? Правда, на этот раз кроме самого воздействия удалось фиксировать магнитную индукцию, исходящую от рук Кулагиной. Величина эта, которую зарегистрировал германиевый датчик Холла*, составила 2,7-10⁻² Тл.

Одна из проблем таких исследований заключается в том, что непонятны и неизвестны сами пределы и области таких паранормальных воздействий. Программа невольно строится вокруг того, как мог бы представить себе эти возможности обыкновенный человек. Тем более непредсказуемы оказались итоги одного из опытов — была составлена разомкнутая цепь: электрическая батарея-электрометр. В месте разрыва были установлены две металлические пластины с зазором между ними более полутора сантиметров. Воздух — надежный изолятор. Однако стоило Кулагиной поднести руки к месту разрыва, как цепь замкнулась! С точки зрения законов физики, для того чтобы это произошло, нужен электрический разряд силой в 30 000 вольт.

Такого разряда не было и быть не могло. Что же тогда, какая сила замкнула цепь?

Другая серия экспериментов проводилась под наблюдением академика Ю. Б. Кобзарева, основоположника советской радиолокации. На опытах присутствовали также академики Я. Зельдович, В. Трапезников, А. Тихонов и

Ю. Гуляев. К недоумению собравшихся, а главное — во-преки хорошо известным им всем законам физики Кулагина действительно бесконтактно передвигала по столу фужер, колпачок от авторучки и другие предметы.

Впрочем, недоумение присутствовавших, возможно, оказалось бы значительно меньшим, знай они о многочисленных подобных опытах, которые проводились ранее, имей они к тому же доверие к свидетельствам своих предшественников. Из русских ученых[^] интерес к этому феномену проявлял еще Бутлеров*). По его заключению, движение предметов "без всякого к ним прикосновения" действительно происходит. Реальность этих и подобных явлений, писал он, "засвидетельствована мною и другими серьезными наблюдателями на основании собственного опыта".

В отличие от Бутлерова, те, кто исследовали феномен Кулагиной, имели в своем распоряжении целый арсенал различных датчиков и приборов. То, что удалось им обнаружить, расширило, однако, лишь область неизвестного, ничуть не приблизив к пониманию того, что же происходит на самом деле. Когда Кулагина "работала", руки ее источали ультразвук, длительность пиков составляла 30 микросекунд. Когда же она подносила ладонь к уху экспериментатора, отчетливо слышались беспорядочные щелчки.

Столь же неожиданным оказалось и то, что фотоэлектрический усилитель зафиксировал сильное свечение ее ладоней. Чтобы уточнить спектр излучений, попытались установить фильтры. Но от этого пришлось отказаться — оказалось, что стекла фильтров быстро мутнеют. Они покрывались легким налетом солей. Такой же налет появлялся на стенках пластмассового куба, в котором был помещен предмет, который Кулагина также передвигала на расстоянии.

Насколько мог я понять из бесед с некоторыми участниками опытов, неизвестно, что повергло их в большее недоумение — сам ли факт бесконтактного передвижения предметов или неожиданные излучения, сопровождавшие феномен.

Впрочем, люди науки вообще не любят, когда им встречается явление, которому они не могут дать объяснения. В этом плане ситуация с Кулагиной усугуб-

ляется еще и тем, что она — не единственная, кто, оказываясь, обладает способностью воздействовать на предметы и передвигать их.

При всем различии носителей этого дара, как и тех, кто проводит эксперименты, программа таких опытов строится, в общем, по одной схеме: сначала подтверждение самого факта передвижения предметов, затем выяснение физических явлений, сопровождающих феномен, и, наконец, главное — попытка определить характер той силы, которая воздействует на эти предметы. Однако вопреки всем усилиям до сих пор удается продвинуться не далее двух первых пунктов. А что представляет собой сила, Бездействующая на предмет, продолжает оставаться столь же неведомым, как во времена Бутлерова или до него.

Наиболее достижимая цель исследования — первая: подтвердить, что предметы действительно бесконтактно передвигаются. Впрочем, и здесь есть свои трудности и проблемы. Основная забота экспериментаторов — гарантировать полную бесконтактность такого воздействия.

В одном из ленинградских институтов испытуемого усаживали на расстоянии не ближе двух метров от стола, на котором помещался предмет будущего его воздействия. При этом сам предмет накрывался стеклянным колпаком. Чтобы исключить влияние вибрации ног, под ноги экстрасенсу клали толстый поролоновый коврик.

Два члена комиссии в течение всего эксперимента сидели рядом, держа его руки в своих руках. Даже рот его заклеивался скотчем, чтобы он не мог незаметно дуть, а также, как пояснил один из участников опыта, чтобы "не отвлекал комиссию разговорами". Тем не менее, при соблюдении всех предосторожностей экстрасенс перемещал предмет (шарик от пинг-понга), лежавший под стеклянным колпаком.

Когда же исследователи перешли ко второй части, выяснению того, какие явления сопровождают феномен, обнаружилось, что на шарике появился электростатический заряд, которого раньше не было. Не это ли, не электростатика ли, передаваемая экстрасенсом

неведомо каким образом сквозь стеклянный колпак, и есть та сила, которая передвигает предметы?

Тогда установили ультрафиолетовую лампу, которая, ионизируя воздух, мешала накоплению заряда. Но шарик, и лишенный заряда, продолжал двигаться. Про-

исходящее явно не вписывается в рамки физических реальностей, какими они известны нам.

Об этом же, о нарушении элементарных законов физики, говорят и некоторые наблюдения, связанные с московским экстрасенсом Валерием Авдеевым. Он не довольствуется тем, что на расстоянии взглядом или движением рук раскручивает магнитную стрелку компаса то в одну, то в другую сторону. Таким же образом он может заставить двигаться и сам компас. "Авдеев напрягся и замер над компасом, — описывает происходящее очевидец. — Его лицо покрылось испариной, на руках вздулись вены, дыхание совсем не слышно. И вдруг, примерно через минуту, компас словно ожил: дернулся несколько раз, а потом стал плавно удаляться от него.

Передвинувшись сантиметров на пятнадцать, остановился и стал медленно вращаться. Сделав несколько оборотов, замер на краю стола".

Как и Кулагина, Авдеев генерирует в эти минуты электромагнитные импульсы. Однако, как показали приборы, мощности самих этих импульсов было бы совершенно недостаточно, чтобы заставить двигаться магнитную стрелку, не говоря уже о том, чтобы сдвинуть с места сам компас. Точно так же и импульсов, которые генерировала Кулагина, было бы недостаточно, чтобы воздействовать на предметы, которые передвигала она.

Исследователям остается лишь констатировать существование силы и признать, что о ее характере у них нет ни малейшего представления.

Еще более непонятно, каким образом "сила" эта может внезапно появляться и у человека, не наделенного этой способностью. Стоит тому же Авдееву взять такого человека за руку или даже просто находиться с ним рядом, как тот оказывается способен проделывать с магнитной стрелкой то же, что делает сам Авдеев.

Вызыватели дождя, гонители облаков

В опытах, о которых я говорил, обычно передвигались предметы довольно небольших размеров. Да и сами опыты эти — не более, чем своего рода подтверждение того, что возможность такого воздействия существует.

В какой мере возможность эта ограничена размером предмета или его весом? И ограничена ли? Древнейшая практика вызывания дождя, воздействия на огромные

многотонные Массы облаков позволяет ответить на этот вопрос самым неожиданным образом.

У лекторов-атеистов есть дежурный пример, который они любят приводить, чтобы опровергнуть веру в необъяснимое и необычное. "Священники, — говорит лектор, — устраивали молебны о ниспослании или пре- кращении дождя, обманывая трудовой народ. Разве не ясно, — восклицает он, — разве не понятно, что подобное невозможно? Смешно даже, что темные массы верили когда-то, будто человек может собирать тучи или, наобо- рот, — разгонять их".

Так ли уж беспочвенна была эта вера? Так ли наивны были наши предки? Я не говорю уже о народах и племенах обширных территорий Африки и Азии, где практика эта бытует и поныне.

Но обратимся к нашей стране. Жития святых содер- жат рассказ о том, что в 1096 году, когда в Новгороде начался великий пожар, грозивший истребить весь город, святой Никития (реальное историческое лицо, епископ Новгородский) низвел дождь, который и пога- сил пожар: "Прилежно моление за. люди своя принося, овогда и граду запаление угасил еси".

Практика вызова дождя существовала в России как бы в двух видах: в церковном и чародейном, восходящем к языческим, дохристианским временам. Крестный ход, моление о ниспослании дождя были частью общепри- нятых церковных служб. Другие воздействия, приписы- ваемые обычно разного рода "облакогонителям", колду- нам и чародеям, губительными, негативными. С ними связывались обычно засухи, проливные дожди, бури или град, губящий урожай.

Очевидно, именно поэтому в русском историческом списке 1282 года осудительно упоминались "облаки прогонники и чаровники", а также "облаки-генештеи".

Надо думать, очевидно, далеко не случайно и то, что Шестой Вселенский собор предусматривал епитимию "облакогонителям".

Знание о том или вера в то, что есть такие "облакогонители", собирающие или, наоборот, разгоняющие облака, порождали особенно настороженное отношение к соседним недружественным племенам и народам: а не готовят ли их волхвы и чародеи гибели православному? Особое подозрение, как никакой другой народ, вызывали почему-то литвины. Впрочем, не только они.

Сохранилось интересное свидетельство Курбского, относящееся ко времени осады Казани. Татарские кудесники с восходом солнца появлялись на городских стенах, вопияли сатанинские слова и махали одеждами. Из-за этого поднимался ветер и нагонял облака, которые несли "плювию" (дождь), так что даже сухие места превращались в болото. В отличие от татар, укрывавшихся в городе под крышами, русскому войску, стоявшему в открытом поле, дожди несли массу неудобств. Только когда из Москвы был привезен честной крест и было совершено водосвятие, писал Курбский, бедствие это прекратилось.

Действительно ли татарские "кудесники" вызывали проливные дожди, чтобы досадить русским, или было это простым совпадением, рассудить сегодня едва ли возможно. Важно, однако, что другие сообщества из прошлого более близкого и даже из нашего времени говорят о фактах более определенных и бесспорных.

Китайские хроники рассказывают о даосском отшельнике Чанг Чуне, о котором известно, что с ним неоднократно встречался и подолгу беседовал Чингисхан. Однажды, когда страна погибала от засухи, правитель Пекина попросил его вызвать дождь.

Отшельник помолился, и прошли обильные дожди, которые сохранили урожай и спасли людей. В ответ на многочисленные изъявления благодарности отшельник ответил:

— Молитва — это не вещь. Единственное, что нужно, это вера. Именно это имели в виду древние, когда говорили, что абсолютная вера может двигать небом и землю.

Действительно ли абсолютная вера в то, что желаемое осуществится, помогает и сегодняшним африканским колдунам,

вызывающим дождь? Во всяком случае, рассказы путешественников и этнографов подтверждают эту практику.

Трудно сказать, обладал ли такой абсолютной верой или, возможно, другими свойствами американский профессиональный вызыватель дождя Чарльз Хэтфильд.

Но то, что он делал (вызывал дождь), приносило ему устойчивый заработок, было источником его существования. Отдавая дань технократическим символам общества, в котором он жил, Хэтфильд обставлял свое действие соответствующим образом. Там, куда его приглашали, он устанавливал нелепое, но, очевидно, производящее впечатление сооружение из деревянных

труб, извергавших дым в раскаленное безоблачное небо.

Проходили сутки, иногда другие, и на иссохшую землю обрушивались потоки дождя. В некоторых штатах, чтобы обеспечить осадки и устойчивый урожай, фермеры нанимали его из года в год. Странностями такого рода не удивишь Америку, поэтому и Хэтфильд, и то, что делал он, не были предметом сенсации. Да, вызывает дождь. Ну и что? Иное дело, когда начался шумный судебный процесс между вызывателем дождя и муниципалитетом Сан-Диего, портового города, расположенного на побережье.

Для Сан-Диего и окрестностей 1916 год выдался на редкость засушливым. Уже к весне источники, снабжавшие жителей питьевой водой, пересохли, а искусственный городской водоем для сбора воды лишился последних запасов. Вода, которую привозили в цистернах и за которую платил муниципалитет, не могла обеспечить и малой части потребностей. И вот когда в городском бюджете, как в водоеме, обнажилось дно, муниципалитет решился на крайнюю меру — нанять профессионального вызывателя дождя. Хэтфильд поставил свои условия: город должен будет заплатить ему по тысяче долларов за каждый дюйм осадков. Если же он заполнит городской водоем до краев (город смог бы тогда жить совсем без осадков целых два года)[^] то это сверх всего будет стоить муниципалитету десять тысяч. Последнее представлялось тем менее вероятным, что за двадцать лет существования водоема он никогда не бывал полон более чем на треть. Прождав еще несколько дней, столь же безоб-

лачных и безнадежных, как предшествовавшие месяцы, муниципалитет подписал контракт.

Не прошло и суток, как Хэтфильд установил свои деревянные трубы, направив их в небо, и хлынул проливной дождь. Он шел беспрерывно. Уже на третий день водоем, как и обещал Хэтфильд, наполнился до краев. Дождь продолжал лить. Озера и реки начали выходить из берегов, затопляя окрестность. Никто не мог поверить в наводнение — слишком засушливы и безводны были все предшествовавшие месяцы года. В это пришлось поверить, когда рухнула дамба и десятиметровая стена воды обрушилась на поселок, сметая дома.

Десятки людей погибли. Сан-Диего был объявлен зоной бедствия, и для спасения жителей в город были направлены войска. А дождь, вызванный заклинателем, все лил и лил.

Когда же Хэтфильд, считая, что он выполнил свое обязательство, предъявил счет, муниципалитет платить отказался. Заклинатель обратился в суд, но позиция города оказалась неуязвима: если допустить, что дождь вызван им, то Хэтфильд ответствен и за все разрушения и убытки, которые последовали; если же считать, что дождь начался сам собой, то Хэтфильд, естественно, не ответствен за убытки. Но тогда за какую услугу ему платить? Адвокату Хэтфильда нечего было противопоставить этой логике, и пришлось отступить.

Не к числу ли подобных воздействий, производимых кем-то, относится и феномен, замеченный недавно в Португалии и собирающий с некоторых пор не только недоумевающих местных жителей, но и не менее недоумевающих репортеров газет. Каждый день ровно в четыре часа на склоне одного из холмов начинается дождь. Через час он прекращается. Это происходит ежедневно с регулярностью часового механизма. Но самое непонятное — это происходит при совершенно ясном небе. Нет ни облачка, а идет дождь.

Ученые, приглашенные из Лисабона, смогли только подтвердить, но ни объяснить, ни как-то хотя бы прокомментировать этот странный и регулярно повторяющийся феномен.

"Облакогонители", о которых упоминали древнерусские тексты, судя по некоторым сообщениям, не перевелись в нашей стране и

сегодня. Один из них — украинский экстрасенс Альберт Игнатенко. Как-то киевское телевидение, прослышав о том, что он может якобы воздействовать на многотонную массу туч и менять погоду, скорее в порядке вызова предложило ему провести такой эксперимент. День, когда съемочная группа приехала за ним, подходил для этого как нельзя более: все небо было покрыто хмурыми тучами, моросил мелкий, непрерывный дождь. Исследователи феномена рассказывают, как проходил этот опыт: "Сотрудники телевидения вежливо, но скептически улыбались. И тогда Игнатенко сел в машину: эксперимент начался. Они приехали на Октябрьскую площадь.

Дождь прекратился, камера зафиксировала плотный слой облаков. До начала выступления осталось семь минут. Альберт Игнатенко вытянул перед собой руки ладонями вверх..."

Что произошло потом, рассказывали работники съемочной группы. "Через минуту, не больше, темно-

серая завеса туч стала светлеть, облачность таяла прямо на глазах... и вдруг засияло солнце. Оператор оказался не из нервных и полностью заснял этот эпизод на пленку. А вот режиссера еще более получаса была нервная дрожь".

Другой, более ранний эпизод рассказал сам Игнатенко. Он работал тогда психологом при команде по академической гребле. Команда проводила тренировку на олимпийской базе в Литве, в Бирштонасе.

— Должны были проводиться соревнования, — вспоминает Игнатенко. — А погода напрочь испортилась.

День идет дождь, второй, третий... Спортсмены и тренеры нервничают все больше. Тогда-то я и попробовал разогнать тучи. И в течение пятнадцати дней держал в радиусе пяти-шести километров солнечную погоду, можно сказать, ладонями. Я представляю себе, что ладонь моей руки излучает энергию. До тех пор, пока не увижу мерцающие точки, поднимающиеся в виде толстого луча к облакам. Пучок энергии я посылаю именно в то место, где в данный момент должно находиться солнце. Когда луч доходит до облаков, мысленно представляю происходящую там реакцию. И

постепенно начинаю ощущать тяжесть, словно держу на весу ядро. Затем появляется легкая вибрация...

Очевидно, не так уж наивны и легковерны были наши предки, когда полагали, что молебен, сильный волевой импульс множества людей, способен воздействовать на тучи, менять погоду.

Обычно только крайние, экстремальные ситуации понуждают прибегать к такому воздействию. Такие обстоятельства диктуют, соответственно, и сильный эмоциональный настрой. Он необходим, чтобы само такое воздействие состоялось. Такая практика до последнего времени хорошо известна была в Поморье, на побережье Белого моря и Ледовитого океана. Здесь не только улов, сама жизнь рыбаков нередко зависит от произвола ветра.

Находившиеся в море рыбаки, а чаще жены, ждавшие их на берегу, собравшись вместе, хором читали заклинания, чтобы подул попутный ветер, ветер с Севера. Самое успешное, считалось, творить такие заклинания на вечерней или на утренней зорьке.

Всплески и выбросы

Впрочем, сколь бы велика, ни исключительна эта сила, возникающая внезапно, меняющая ветер или движущая огромные массы облаков, даже она представляется менее значимой и впечатляющей по сравнению с другими, которым имеются свидетельства. Я имею в виду способность не просто двигать и перемещать объекты, воздействуя на них, как на некую компактную массу, а способностью оказывать влияние на глубинные, субатомные свойства самой материи.

В годы правления Святополка Изяславовича (XII в.) во время очередной междуусобицы, когда в Киев не смели приезжать купцы, в городе и в окрестностях стала кончаться соль. Те же купцы, которые имели ее в запасе, тут же подняли цену на соль ради обогащения. Многим из бедных соль оказалась не по карману.

Тогда блаженный Прохор, игумен Киево-Печерской лавры, собрал в свою келью пепел из печей, что были в монастыре, и по его молитве, гласит предание, зола обратилась в соль. Когда игумен стал раздавать ее нуждающимся, люди потянулись в лавру и лавки торговцев солью опустели. Тогда купцы обратились к Святополку с жалобой: "Прохор, черноризец Печорского монастыря, отнял у нас большие деньги: всех неотступно привлек к

себе за солью, и мы, платящие тебе подати, не можем сбыть своей соли и через него разорились". Князь, решив сам обогатиться, ответил купцам: "Ради вас пограблю монаха" — и приказал отнять соль у бл. Прохора, сложить ее на княжеском дворе и продавать за деньги. Это было сделано, мешки разгрузили, но оказалось, что в них — зола. В недоумении и гневе князь прождал несколько дней, зола оставалась золой, и он, досадуя, приказал высыпать ее за ворота. Когда же поутру князь выезжал со двора, вн увидел у дороги большую кучу соли и множество людей с ведрами и мешками, спешившими к этому месту. То, что было (или представлялось) золой, снова стало солью.

Встречая явление, превышающее наш жизненный опыт и, соответственно, разумение, трудно бывает сразу вместить его, принять в себя. И хотя со временем это все-таки происходит, самое худшее — с ходу пытаться объяснить или отвергнуть его (что в известном смысле одно и то же). Избежем соблазна такой торопливости и, постаравшись вместить услышанное, обратимся к еще одному свидетельству прошлого.

Ученик Аввы Виссариона, египетского подвижника, рассказывал: "Однажды мы шли по морскому берегу, я почувствовал большую жажду и сказал Авве Виссариону: "Отец, меня очень томит жажда". Старец, помолившись, сказал: "Напейся из моря". Морская вода сделалась пресной, и я от нее утолил жажду. Напившись, я налил воды в сосуд с предосторожностью, чтобы иметь при себе воду, если снова начну чувствовать жажду. Старец, увидев это, сказал мне: "Для чего ты сделал это?" Я отвечал: "Прости меня. Я сделал это из опасения, что мне опять захочется пить". Старец сказал: "Как здесь Бог, так и везде Бог".

Истинность этих слов подвижника не нуждается в подтверждении. Известной иллюстрацией их, не более, может служить эпизод, происшедший с экипажем корабля Лара, следовавшего в 1881 году рейсом из Ливерпуля в Сан-Франциско. Когда корабль находился в открытом море, на нем начался пожар. На воду спустили шлюпки.

Среди покинувших объятые огнем судно был капитан Нейл Кэрри с женой и двумя дочерьми. Ближайшая земля — побережье Мексики

— находилась на расстоянии двух тысяч километров. Какое-то время матросы пытались грести в сторону далекого и недостижимого берега, больше надеясь на случайную встречу с каким-то

нибудь кораблем, который мог бы заметить их. Но день шел за днем, океан, который окружал их, по-прежнему был пустынен. Вскоре кончились запасы воды, и потерпевшие бедствие стали испытывать муки жажды, которые возрастали с каждым часом. Из тридцати шести человек, бывших в шлюпке капитана, семеро были уже без сознания. Несомненно, они все погибли бы — одни раньше, другие позже. Кто-то отчаялся, кто-то впал в оцепенение, другие пытались молиться.

Потом, когда после трех недель мучительного скитания по морю они благополучно достигли берега, капитан в следующих словах описал то, что спасло их: "Мы мечтали о пресной воде. Кто-то пребывал в таком состоянии, что мы стали воображать, будто вода вокруг шлюпки из голубой морской превращается в зеленоватую, пресную.

Я собрался с силой и зачерпнул ее. Когда я попробовал, она оказалась пресной". Это писал человек весьма трезвого отношения к действительности, человек, лично переживший этот опыт.

Конечно, подвергнуть сообщения эти сомнению легче всего. И дело не только в том, что самый легкий путь редко бывает путем истинным. Дело в том, что при всем желании невозможно подвергнуть сомнению другие факты, имеющие лабораторное, научное подтверждение. Я не говорю "объяснение", — подтверждение. О растениях, преобразующих элементы, и других экспериментах я говорил выше. Действительно ли во всех этих случаях происходит воздействие на глубинные, субатомные свойства материи?

Зная настороженное отношение официальной науки к паранормальному и всему, что связано с ним, М. Черятев из Ленинградского горного института решился пригласить комиссию из Академии наук только тогда, когда эксперимент удалось повторить тридцать раз подряд.

В чем же заключался эксперимент?

Мысленным, бесконтактным воздействием женщине-экстрасенсу удалось значительно замедлить скорость радиораспада тория. С позиций позитивного, традиционного научного знания это было невозможно, это было необъяснимо. Тем не менее, это происходило.

Результат был устойчив: скорость распада уменьшалась на 30%. Когда Черятьев решился, наконец, пригласить в лабораторию комиссию Академии наук, ни у него, ни у других участников эксперимента не оставалось ни малейших сомнений: они на пороге открытия, меняю-

щего все наши представления о физическом мире и самом человеке.

Однако, когда к условленному часу в лаборатории стали собираться начальники из Академии наук и "сотрудники некоторых других организаций", оказалось, что их опередили. Опередил их господин Случай, который всегда умеет вмешаться в людские дела, когда сами люди меньше всего ожидают этого. И когда они меньше всего догадываются, что кроме того расклада событий, который готовят они, существует другой сценарий и что именно этот другой и есть главный.

Некая реальность, которой не ожидают и к которой не готовы, всякий раз приходит под маской случая, сочетания обстоятельств, которых нельзя было предвидеть. На этот раз господин Случай объявился в форме семейного инцидента, домашней ссоры. Ссора произошла утром именно этого дня в семье той самой женщины-экстрасенса, от которой зависело все. Когда ее привезли в институт, она чувствовала себя настолько не в форме, что просила отложить эксперимент, перенести его. Но все понимали, что это было уже невозможно.

Если бы эксперимент просто не удался, не дал результатов, может, это было бы не самое худшее. Как не самое худшее, когда автомобиль может сдвинуться с места при отказе зажигания. Куда хуже, когда что-нибудь произойдет на полном ходу: рулевое управление выйдет из строя или тормоза. Нечто подобное и случилось.

Когда все было готово и эксперимент начался, внезапно в установку перестала подаваться вода. Неожиданную поломку нашли, устранили и с извинениями готовы были приступить еще раз,

как вдруг перестал поступать жидкий гелий, необходимый для охлаждения.

Техники и лаборанты судорожно пытались найти, в чем неисправность — раньше такого не случалось ни разу.

Члены комиссии между тем начинали поглядывать на часы, прикидывая, успеют ли они сделать свои последующие дела. Прошло около получаса, прежде чем неполадку удалось устранить. Черятьев, который и до этого работал с экстрасенсами и понимал, что происходящее не случайно, ждал, что случится еще. И он не ошибся. Едва снова собрались было приступить к опыту, как во всем институте внезапно погас свет. Включили аварийную подстанцию. Но и там что-то замкнуло, и электричество отключилось снова. Как выяснилось потом, такого, чтобы подстанция отказала, не случалось в

институте с 1949 года. Что было делать? К счастью, в лаборатории оказалась система аварийных аккумуляторов. Они заработали. На приборах наконец-то засветились индикаторы и вспыхнули табло.

— Ну, слава Богу! — произнес не самый терпеливый из приехавших, "сотрудник другой организации", но тут же осекся. Руководитель эксперимента Черятьев, схватившись за голову, с криком повалился на пол. Когда бросились к нему и подняли, оказалось, он ничего не видел. Ослеп.

Пока звонили в соседнюю поликлинику, вызывали скорую помощь, высокие гости, неловко переглядываясь, потянулись к выходу.

К эксперименту больше не возвращались, и об этом случае в лаборатории стараются не вспоминать до сих пор.

Когда экстрасенсу случается быть "не в форме" и энергия выходит из-под контроля, последствия могут оказаться непредсказуемы и порой разрушительны. Мне не раз приходилось слышать: в таких случаях другие участники эксперимента, те, что находились рядом, начинают жаловаться на плохое самочувствие, головную боль и т. д.

Впрочем, от неконтролируемых, разрушительных побочных эффектов не застрахован, возможно, ни один эксперимент такого рода. Сами носители этой энергии далеко не всегда и не всякий раз могут направлять ее только по должным каналам и только на те объекты, на которые они бы хотели. В происходящем участвует,

очевидно, не только дневное сознание, но и различные структуры подсознательного, со всеми их фобиями, тревогами и зонами напряженности. Можно предположить, что большинство таких побочных, неконтролируемых выбросов вообще не попадает в зону внимания экспериментаторов. И не только экспериментаторов.

Какие-то выбросы происходят постоянно, в том числе от людей, о паранормальных способностях которых не догадываются не только те, кто знают их много лет, но даже они сами.

Некоторое время назад на одном из военных предприятий, занятом сборкой чрезвычайно точных электронных устройств, было замечено: в одной из смен внезапно резко возрос процент брака. Все самые тщательные попытки выявить причину долгое время оставались безуспешны. Пока не догадались пригласить

специалистов в области сверхчувственного восприятия.

Носителем неполадок оказался новый сотрудник с очень сильным полем. То, в каком он был настроении в тот или другой день, перепады его семейной и личной жизни — отражалось на надежности микросхем, которыми занималась его смена.

Приборы реагируют на мысль

Среди исследований, которые ведутся по дистанционному воздействию на физические объекты, есть направление, которому придается особое значение. Я имею в виду опыты по воздействию не просто на тот или другой физический объект, а на приборы. В том числе на приборы, которых экстрасенс никогда не видел, и расположенные в местах, где самому ему никогда не приходилось бывать. Причина значения, которое придается таким работам, — это ограниченность информации о подобных экспериментах.

Тем не менее, о некоторых из них я попытаюсь рассказать. Подтверждение, что такое воздействие возможно, было получено совершенно случайно летом 1987 года. В то время проводился опыт с целью узнать, в какой мере возможно бесконтактное целебное воздействие на человека. Проводивший воздействие Евгений Анатольевич Дубицкий находился в Москве. Объекты его воздействия, пациенты, страдавшие разными заболеваниями, — в Софии, на расстоянии двух тысяч километров.

Кроме картины заболевания болгарских врачей интересовали изменения частоты и ритмичности сердечных сокращений у пациентов. Для снятия таких данных использовались микропередатчики с частотой 67 мегагерц, которые находились непосредственно на каждом из пациентов. Радиосигналы о сердечной деятельности исправно поступали с передатчиков и фиксировались приемным устройством.

Однако с момента начала воздействия приемное устройство каждый раз внезапно переставало принимать сигналы. Как только сеанс заканчивался и воздействие прекращалось, прием радиосигналов возобновлялся сам собой. Тщательные поиски какой-либо неисправности, которая могла бы то появляться, то исчезать, результатов не дали. Радиосигналы пропадали, как только начиналось воздействие, и возобновлялись, когда воздействие прекращалось.

Факт такого необъяснимого и полного подавления радиосигнала был зафиксирован в официальном протоколе эксперимента.

Тогда же возникла мысль: а что, если будет сделана попытка направленного воздействия на прибор? Для этой цели болгарская сторона решила использовать прибор "Меттлер" (системы TA 8000), предназначенный для термоаналитических измерений. В прибор входят компьютер, самописец и калориметр. В калориметре в качестве "рабочего тела" использовалась вода объемом 0,5 см³. Компьютер может задавать "рабочему телу" любой изотермический режим от — 100 С до + 1000 С.

При этом температура поддерживается и измеряется с точностью до 10⁻¹ С.

Эксперименту сопутствовало немаловажное условие: Дубицкий никогда не видел ни самого прибора, ни его аналогов. Кроме того, он никогда не был в Центральной лаборатории солнечной энергии и новых энергетических источников при Болгарской Академии наук, где установлен прибор, и не знал даже, в каком районе Софии она расположена.

Перед началом эксперимента Дубицкий составил программу воздействий, которая была неизвестна участникам эксперимента в Софии, которые в оговоренное время должны были только

регистрировать показания прибора, если они будут меняться. Ими действительно было зарегистрировано несколько пиков такого воздействия.

На ленте самописца осталось три резких пика, четко соответствовавших по времени каждому из трех воздействий. Факт дистанционного воздействия на прибор был доказан. Однако после эксперимента система внезапно разладилась, нарушилась стабилизация, и прибор стал неуправляем.

Когда же прибор был отремонтирован и эксперимент возобновили, при последнем воздействии, как в прошлый раз, система вышла из-под контроля. Теперь сломался полупроводник ("цензор") так, что Центру при-

шлось направить заказ на его замену фирме-изготовителю.

Три момента, как видится мне, можно акцентировать в этой связи: 1) сам факт столь сильного и направленного воздействия на прибор на таком большом расстоянии — две тысячи километров; 2) понижение температуры, что, с точки зрения законов физики, особенно необъяснимо, т. к. если имело место воздействие на "рабочее тело" любых излучений, известных современной науке, это могло бы привести только к возрастанию температуры. 3) сила побочного энергетического выброса.

О таких непредвидимых выбросах и возможных их последствиях я уже говорил.

Серии подобных экспериментов — дистанционное воздействие на приборы — проводили и проводят и другие исследователи. Профессор А. В. Чернетский упоминает опыты, в которых на расстоянии нескольких метров производилось бесконтактное, мысленное воздействие на инфракрасный приемник. При этом прибор фиксировал такое воздействие, которое соответствовало "нагреву" на 20 — 30 .

В ходе другого эксперимента, которым руководили исследователи Г. К. Гуртовой и А. Г. Пархомов, было проведено 70 подобных опытов с воздействием на микрокалориметры. В тех опытах, которые оказались успешны (около половины), был зарегистрирован перепад температуры около 10°C . Мысленно воздействуя на прибор, экстрасенс сначала старался установить с

ним связь, а затем создавал яркий образ пламени, погружая туда мысленно "рабочее тело" прибора.

В других опытах проводилось дистанционное воздействие на инфракрасный приемник. Экстрасенс, находясь в нескольких метрах, мысленно воздействовал на него полем руки. При этом в приемнике возникал сигнал, который соответствовал "нагреву" на 20—30.

В опытах профессора Чернетского мысленно воздействие проводилось так же на кварцевые часы, имеющие очень высокую стабильность, равную 10^4 Гц. При таком воздействии регистрировался уход частоты на три порядка. Подобное же воздействие на резисторы вызвало снижение сопротивления на 5%, что также было зафиксировано аппаратурой. Свыше ста опытов по мысленному влиянию на генераторы инфранизких

частот также подтвердили устойчивость такого воздействия на так называемый "фликкер-шум".

При этом был отмечен совершенно необъяснимый всплеск шумов через 5—15 минут после окончания воздействия. Я понимаю, сколь неуместен сам термин "необъяснимый" в отношении некой частности, когда слово это куда в большей мере приложимо к феномену во всей его полноте.

В ряде лабораторий, в том числе в советских, проводился эксперимент с магнитометром, также свидетельствующий о возможности волевого воздействия на прибор или то или иное устройство. Сверхпроводящий экран регистрировал искажение эффекта Джозефсона.

Экстрасенсу показывали запись выходных данных, после чего он старался представить себе внутреннее устройство прибора и воздействовать на него. Когда он делал это, частота на выходе удваивалась. В одном из опытов, когда экстрасенс, отвечая на вопросы экспериментатора, пытался объяснить, как ему удаётся осуществить это, частота на выходе удваивалась опять же безо всякого его воздействия.

Кроме лабораторных исследований, достаточно убедительных и многочисленных, существуют и другие свидетельства мысленного воздействия на приборы и технические устройства.

В одном из украинских сел, недалеко от Киева, живет Петр Дементьевич Утвенко, бывший солдат, израненный, прошедший всю войну. Но главное, чем известен он в округе и далеко за ее пределами, — он лекарь и прозорливец. Рассказывают, что когда один из его посетителей стал было против его воли незаметно записывать на магнитофон то, что тот говорил, Утвенко, заметив это, только усмехнулся. Но ничего не сказал. Когда же потом кассету стали прослушивать, на ней вообще не оказалось ни слова, шла только музыка. При следующей встрече незадачливый посетитель повинился и спросил, как удалось тому так воздействовать на запись. Утвенко с готовностью "пояснил": это было совсем нетрудно, т. к. именно в то время из Киева по радио передавалась музыка.

Думаю, в таком ответе не было ни малейшей попытки поставить кого-то в тупик. Ему, Утвенко, делавшему это, все было действительно и понятно и просто. Ну, а если для кого-то это не так, что же, это уже его трудности и проблемы.

В том же ключе, наверное, мог бы ответить на подобное недоумение и шаман индейского племени Шошоне. Европейец-антрополог, заранее предвкушая изумление дикого человека, увешанного лисьими хвостами и колокольчиками, решил сделать его фотографию при помощи "Полароида" — камеры, сразу выдающей готовое фото. Однако, вопреки его ожиданиям, фотоаппарат один за другим стал выдавать засвеченные снимки. Это было невероятно, потому что камера была **СОВЕРШЕННО ИСПРАВНА**. После третьей такой неудачи подряд, шаман позволил себе усмехнуться:

— А вот сейчас у тебя получится.

И действительно, после этих разрешающих слов шамана на четвертой попытке из бокового отверстия камеры вышло фото во всей яркости своих красок. Ни до, ни после этого случая "Полароид" не отказывал ни разу.

Известны случаи, когда такое воздействие на приборы происходит как бы помимо воли самого экстрасенса.

Именно такое воздействие послужило причиной того, что в книге этой оказалась не представлена Эльвира Алексеевна Романова. Встречаясь с ней, целительницей и экстрасенсом, с её разрешения,

как я делаю это обычно, я включил диктофон. Сделав один-два оборота, он тут же остановился. Это было странно, так как перед встречей я поставил новые батареи. К счастью, у меня была с собой ещё одна пара. Пока я менял их, Романова рассказала, как на телевидении, куда пригласили её, таким же образом несколько раз отказывала аппаратура.

— Как вы понимаете, — пояснила она, — это было не в моих интересах, я вовсе не старалась воздействовать на них. Хотя и могла бы.

Тем временем я сменил батареи, и запись началась.

Мы говорили достаточно долго, но велико было моё разочарование, когда, вернувшись домой, я попытался прослушать запись. После нескольких первых слов дальше шёл сплошной шум. Вернее, какой-то шорох. И я, и она поняли это как перст судьбы и не возобновляли попыток.

Можно ли эпизод этот понимать как ещё одно из свидетельств того, что в человеке присутствует более чем одно сознание, более чем одна воля?

Я упомянул о том значении, которое, судя по всему, придается самой возможности мысленного воздействия на технические устройства и приборы. Чем может быть вызван такой интерес — мой ответ на этот вопрос, я и

полагаю, будет неполон, как неполна и неисчерпывающая информация, которой я располагаю. Какие организации, на чьи приборы и в каких обстоятельствах хотели бы воздействовать — не стану об этом ни гадать, ни делать предположений. Вместо этого я позволю себе привести высказывания двух человек, стоящих к проблеме достаточно близко, чтобы не только иметь о ней суждение, но и чтобы просить меня не называть их имен.

Говорит научный сотрудник института, занимающегося космическими исследованиями:

— В чем главная проблема, связанная с аппаратурой, которая работает в космосе? Главная проблема — надежность. Надежность и безотказность — самое слабое звено аппаратуры, которая работает в космосе. А прочность цепи определяется по самому слабому ее звену. На Земле сотни раз мы опробуем каждую систему, каждый ее

компонент. При этом — в разных режимах, максимально приближенных к тем, которые возможны в космосе. И все-таки случаются отказы. Я думаю, в открытом космосе существуют факторы, которых мы просто не знаем и которых не можем учесть. Из-за этого приходится каждую систему, по крайней мере, дублировать.

Тем не менее, определить и устранить такую поломку, когда аппарат в полете, необычайно трудно. А если аппарат непилотируемый, то и вообще невозможно. И тогда из-за какой-нибудь ерунды может пойти прахом программа, над которой работало множество Специалистов. Я не говорю уже о стоимости, о тех миллионах рублей, которые при этом тоже погибнут. Поэтому, если бы существовал надежный метод бесконтактного воздействия на аппаратуру на больших расстояниях, это бы очень помогло. Помогло бы в аварийных ситуациях и там, где нет человека. То, что я знаю, делается в этой области, такую надежду дает.

А вот точка зрения человека, который, участвуя в подобных экспериментах, сам воздействует на приборы и устройства.

— В чем для меня смысл всей этой работы? Сейчас мы как бы учимся мысленно воздействовать на тот или другой прибор, на какую-то конкретную его часть. Или просто на показания, что он дает на выходе. В этом деле у нас есть прогресс. Сегодня мы делаем то, чего не могли вчера. Но пока мы воздействуем по одному. Завтра будем делать это группой. У нас были уже такие попытки, но мы очень осторожны, потому что существуют опасности

и мы их еще не знаем. Если это удастся, точность и сила воздействия возрастут многократно. Тогда мы, экстрасенсы, могли бы попытаться сделать кое-что и на свой страх и риск. Скажем, не дожидаясь, пока политики договорятся между собой, заблокировать ядерные испытания.

И под Семипалатинском, и в Неваде, и где угодно еще.

Мы сможем сделать это, если нам удастся систематически выводить из строя системы, управляющие такими испытаниями. И тогда, сколько бы генералы ни бились, у них ничего не получится. Принципиально это вполне реальная вещь. А кто делает это, какая группа, генералы никогда не узнают. Ни наши, ни американские. Я потому говорю это, что думаю об этом не я один. И в других странах

есть люди, обладающие соответствующими способностями и настроенные так же. То же самое с испытаниями новой военной техники. В перспективе это тоже можно будет блокировать. Ради этой, пусть не ближней, цели я и кое-кто, кого я знаю, согласились участвовать в подобных экспериментах. Есть и другие, которые в них не участвуют. У них свои соображения. Но мы в контакте друг с другом.

2. ЗВЕРИ ПОВИНУЮТСЯ СЛОВУ Ни гад, ни лих человек

Это наблюдение натуралистов известно столь хорошо, что стало, по сути дела, общим местом. Малоподвижный удав не спеша приближается к своей жертве, та же вместо того, чтобы пытаться скрыться, убежать, спастись, покорно и неподвижно ожидает своей неизбежной участи. В такое же странное оцепенение впадает и тарантул, ядовитый и беспощадный, когда к нему подлетает и садится прямо против него оса-землеройка. Тарантулу ничего не стоило бы в мгновение ока убить ее и сожрать, как поступает он с другими насекомыми, встречающимися на его пути. Но, подобно кролику перед удавом, он даже не делает таких попыток. Вместо этого он терпеливо ждет, пока оса выроет рядом с ним глубокую, около четверти метра, нору. После этого, также не встречая ни малейшего сопротивления, она влезает на тарантула и, не слеша, жалит его в нервный центр, парализуя, но не убивая. Втиснутый после этого в нору, тарантул превращается в своего рода живые консервы для личинок осы.

Впрочем, какое бы слово, какой бы термин ни подобрали мы для обозначения столь странного явления — внушение, гипноз ли, — это не имеет ни малейшего значения и совершенно неинтересно. Обозначим ли мы неизвестное через "X" или через "У", ни понятным, ни известным оно от этого не станет. Гораздо важнее терминологических соображений представляется другое. Я имею в виду способность человека, обычно колдуна или шамана, точно таким же образом подчинять себе другие существа. При чем не только теплокровных, но и рептилий и даже насекомых.

Змеи считаются существами совершенно неконтактными по отношению к человеку. Я знаю герпетолога, который исключительно из профессиональных симпатий уже несколько лет содержит в

своей московской городской квартире кобру в самодельном террариуме.

— Кормлю ее обычно я сам, и она отлично знает меня, отличает от других домашних, узнает. Любое другое животное давно бы привязалось ко мне. Здесь ничего подобного нет даже близко. Каждую секунду я знаю, что, если окажусь неосторожен, она способна ужалить меня.

Тем не менее, на другом уровне, который бывает недоступен обычному человеку, такой контакт оказыва-

ется возможен. В некоторых странах есть христианские секты, участники которых во время службы, исполняя гимны и танцы, приходят в экстатическое состояние, когда, как считают они, на них находит Святой Дух.

Один из признаков этого — чувство особой защищенности, отстраненности от зла и всякой опасности. Когда члены секты достигают такого состояния, настоятель открывает террариум, который стоит там же, в молитвенном зале, и передает им из рук в руки ядовитых змей. Их носят на руках, передают друг другу, вешают на шею. Извивающиеся змеи, маленький укус которых вызывает мгновенную смерть, ведут себя с безобидностью ручных ужей.

Вспоминаю в этой связи рассказ одного бурята о своем родственнике шамане. Когда наступил 1937 год, год сталинского террора, и шаманов стали арестовывать, расстреливать или ссылать, этот шаман решил не ждать своей очереди. Он бежал и скрылся в тайге, в заимке, в гиблом змеином месте. Там сложил избу из бревен и стал жить охотой, надеясь переждать страшное время. Но кто-то, очевидно, выдал его, и осенью, в сентябре, рано утром за ним приехали четверо вооруженных, на лошадях. Пятую лошадь вели для него.

— Он только присвистнул, так тихо-тихо, — рассказывал бурят, — громко в тайге свистеть нельзя. Не полагается. И со всех сторон к нему поползли змеи. А там страшные змеи водятся. Как по-русски называются, не знаю. Обычно у змей укус смертелен только весной, у этих круглый год. Сползлись к нему змеи, обвили всего.

Не человек, а клубок шевелящийся. "Ну, — говорит, — берите меня теперь". Они назад, назад, стали пятиться к коням, а он на них

идет: "Берите!" Не помнят, как ускакали. Я знаю, как это было, не от него самого. Сам он ничего не говорил об этом. Шаман не рассказывает о себе. Мне сотрудник органов говорил, один из этих четырех. Потом у них большие неприятности были из-за того, что не привезли его. Начальник кричал: "Надо было стрелять! Почему не стреляли?" Они говорят: "Приказа не было. Сказано было: арестовать". Он хотел в трибунал их передать, это верный расстрел. Но не успел, начальника этого самого забрали, так и забылось все. И больше шамана этого, родича моего, не трогали. Забыли.

Так он и выжил.

То, что делал этот сибирский шаман, повторяют некоторые из 1)елириозных сект. Члены- одной такой

группы (США, штат Теннесси), распевая молитвы и гимны во время своих радений, приходят в состояние экстаза, когда, как считают они, Дух Святой ограждает их от всякого зла. В таком состоянии они безбоязненно держат в руках ядовитых змей, к которым в других случаях человек не может -приблизиться, не рискуя жизнью. Они играют с ними, передают друг другу. При этом сами смертельно опасные рептилии, которых остальное время содержат с величайшими предосторожностями, ведут себя на таких радениях с безобидностью домашних кошек.

Другой эпизод такого же направленного контакта со змеями — назову это так — связан с именем известного русского святого Сергия Радонежского. Когда в XIV веке святой поселился в глухом лесу, положив начало сегод-

няшней подмосковной Троице-Сергиевой лавре, те места изобиловали змеями. По прошествии времени другие отшельники стали селиться рядом, появились богомольцы, тоже страдавшие от обилия змей. Тогда-то, гласит предание. Сергей Радонежский и повелел змеям удалиться от тех мест. С тех пор район вокруг лавры радиусом километров в двадцать обведен как бы незримой чертой, которую не переходит ни одна змея. Впервые я услышал об этом от крестьян, когда сам жил в тех местах.

— По эту сторону луга нет их, змей, ни одной и не видели их никогда. И в лесу нашем тоже их нет. А чуть дальше, за лугом, такой же, вроде, лес, только там они уже водятся и много их, просто кишат.

И дальше тоже, до самого Владимира, по всем лесам. А здесь, по эту сторону луга и до самой лавры, — чисто. Это отец Сергей когда-то так оградил от них свою обитель. Они послушались его и до сих пор помнят.

В Саратовской области, в Пугачевском районе тоже, рассказывают, есть место, где змеи, чья наложенный кем-то запрет, не пересекают тропинку, идущую через луг и лес. Живут только по одну ее сторону.

Впрочем, святые крайне редко и лишь в исключительных случаях уделяли внимание этому ограждению от зверей или змей. Обычно это было делом бабок-ведунь, что помогали людям, и колдунов. Для этого есть у них свои отработанные методы и заговоры. При их помощи они якобы могут освободить лес или другое место от нежелательного присутствия. "А гады с моего островника проч отбегали бы. Мое крепкое слово будет всему превозмочь". "А было бы в моей дуброве по-живу, по-добру, по-здорову. А в мою бы зеленую дуброву не заходил бы ни зверь, ни гад, ни лих человек..."

От диких зверей защита

Считается, что сильный колдун может на какое-то время оградить заклятием, мысленным карьером большое пространство — запретить, скажем, волкам приближаться к лугу, куда по ночам выгоняют пастись коней. Или не дать волкам входить в деревню, когда зимними ночами они кружат голодные вокруг нее.

Самые действенные и сильные тексты таких заклятий не становятся обычно достоянием ни этнографов, ни собирателей фольклора. Догадываться о них можно толь-

ко косвенно по другим отрывкам, оказавшимся в руках исследователей.

Впрочем, само такое знание текста мало что дает, кроме удовлетворения чисто исследовательского, академического любопытства. Это примерно то же, что изучение правил дорожного движения, когда нет автомобиля. Знание заговоров предполагает и владение весьма непростыми приемами их применения, главное же — посвящение, причастность к особым способностям и состояниям.

Иногда защиту от диких зверей брал на себя пастух, посвященный в такие заговоры и колдовскую практику.

Так, в Поморье, на русском Севере, такой пастух обходил по весне свое стадо с заклинаниями, заключая его в магический круг. После этого до самого конца сезона нельзя было забирать из стада ни одной скотины. Если же кто-то делал это, магический круг оказывался разомкнут и стадо открыто нападению диких зверей.

Такое ограничение, запрет, может иметь не общий, а более конкретный, индивидуальный адрес, быть обращен к отдельному зверю, обитающему в данной местности. В этом случае между заклинателем и зверем устанавливается некий контакт, понимание, система определенных отношений.

Но разве тысячи владельцев собак и кошек не находятся в таком каждодневном словесном общении со своими животными? И те отлично понимают слова, обращенные к ним, команды и даже просьбы. Есть ли основания считать животных, вынужденных жить в трудных условиях выживания, глупее выросших в четырех стенах?

Исследователь, естествоиспытатель В. К. Арсеньев вместе с местным охотником-гольдом Дерсу Узала пробирается по Уссурийской тайге. В какой-то момент его спутник догадывается, что сзади за ними крадется тигр.

Оказывается, Дерсу знает этого тигра и определяет по следу, что это — Амба. Так, во всяком случае, называет его он.

"Не успели мы сделать и двухсот шагов, — продолжает Арсеньев, — как снова наткнулись на следы тигра.

Страшный зверь опять шел за нами и опять, как и в первый раз, уклонился от встречи. Дерсу остановился и, оборотившись лицом в ту сторону, куда скрылся тигр, закричал громким голосом, в котором я заметил нотки негодования:

— Что ходишь сзади? Что нужно тебе, Амба? Что ты хочешь? Наша дорога ходи, тебе мешай нету. Как твоя ходи сзади? Неужели в тайге места мало?

В таком возбужденном состоянии я его никогда не видывал. В глазах Дерсу была глубокая вера в то, что тигр Амба слышит и понимает его слова. Он был уверен, что тигр или примет вызов, или оставит нас в покое и уйдет в другое место. Подождав минут пять,

старик облегченно вздохнул, затем закурил трубку и, взбросив винтовку на плечо, уверенно пошел дальше по тропинке. Лицо его снова стало равнодушно-сосредоточенным. Он устыдил тигра и заставил его удалиться".

Тигр действительно ушел и несколько дней не приближался к ним.

В другом случае Арсеньев и Дерсу вечером расположились было на привал, когда рядом внезапно раздался рев тигра.

"Дерсу встревожился:

— Худо! Наша напрасно сюда ходи. Амба сердится.

Это его место.

Вдруг Дерсу быстро поднялся с места. Я думал, он хочет стрелять. Но велико было мое изумление, когда я увидел, что в руках у него не было винтовки, и тогда я услышал речь, с которой он обратился к тигру:

— Хорошо, хорошо, Амба! Не надо сердиться, не надо!

Это твое место. Наша это не знал. Наша сейчас другое место ходи. В тайге места много. Сердиться не надо!

Гольд стоял, протянув руки к зверю. Вдруг он опустился на колени, дважды поклонился в землю и вполголоса стал говорить что-то на своем наречии...

Наконец Дерсу медленно поднялся, подошел к пню и взял свою берданку.

— Пойдем, капитан, — сказал он решительно и, не дожидаясь моего ответа, быстро через заросли пошел на тропинку.

Я безотчетно последовал за ним.

Спокойный вид Дерсу, уверенность, с какой он шел без опаски и не озираясь, успокоили меня: я почувствовал, что тигр не пойдет за нами и не решится сделать нападение"

В другом случае, рассказывает Арсеньев, однажды Дерсу стал кричать что-то в тайгу на своем языке. Когда другие спутники, охотники-русские, спросили его, кому кричит он, Дерсу ответил, что он предупреждает Амбу,

что здесь много людей с ружьями и что если они будут стрелять в него, в Амбу, то он, Дерсу, в этом не виноват.

Здесь мы видим очень персонифицированные отношения между человеком и зверем, живущим в лесу. Это отношения как бы взаимного уважения, симпатии и приязни. Именно такие отношения лежат, очевидно, и в основе тех случаев, когда на поверхности мы видим только то, что воспринимаем, как ограничения или запрет. Очевидно, это не просто приказ или запрет, налагаемый на зверя, а скорее договор, уговор между ним и человеком.

Многочисленные свидетельства понимания и контакта между человеком и зверем содержат и христианские хроники. В годы гонений на христиан в Риме, желая угодить нравам черни, императоры приказывали бросать их на съедение зверям на арене цирка. Но ничто не могло в большей мере свидетельствовать в пользу христианства, чем случай, когда на глазах у десятков тысяч зрителей дикий голодный зверь вместо того, чтобы растерзать очередную жертву, повинувшись одному слову и взгляду праведника, покорно усаживался у его ног.

Записи тех лет содержат целый ряд подобных рассказов.

О таких же отношениях понимания, симпатии и приязни между человеком и зверем рассказывают и многие жития святых — в частности Сергия Радонежского и его современника Павла Обнорского. Как и к Сергию Радонежскому и его скиту, к хижине Павла в лесу на реке Нурме приходил медведь, а также лисы и зайцы, не страшась ни медведя, ни друг друга.

Сохранилась грамота Ивана Грозного: "Пожаловали мы Печенгского монастыря, что у холодного моря, у мурманской границы..." Преподобный Тихон, живший в том монастыре, однажды, вернувшись в свою келью, застал там медведя. Преподобный повелел зверю: "Уйди из кельи и стань кротко". Когда медведь повиновался, Тихон попросил, чтобы впредь он и другие медведи не беспокоили обитель. С тех пор, повествует житие, медведи не приближались к обители и не трогали монастырских оленей.

А вот свидетельство этого же рода, относящееся к католическому миру. Эпизод из жизни святого Франциска Ассизского (XII — XIII в.), изложенный так, как он был записан в его время:

"Близь Губбио появился громадный волк, нападавший на людей, так что никто не осмеливался выхо-

дить из города без охраны. И вот Св. Франциск, сжалившись над горожанами, осенил себя знаменем Креста и вышел навстречу волку, возлагая все свое упование на Бога.

Когда волк с разинутой пастью побежал к Св.

Франциску, тот осенил его знаменем Креста и сказал:

— Поди сюда, брат волк; повелеваю тебе именем Христа не делать зла ни мне, ни другому.

Чудно вымолвить, едва Св. Франциск совершил знамение Креста, как страшный волк закрыл пасть, кротко подошел и лег у ног святого. И Св. Франциск сказал ему:

— Брат волк, ты причиняешь много вреда в этих местах, ты совершил величайшие преступления, обижая и убивая Божьи твари, ты даже имеешь дерзость убивать людей, созданных по образу Божию; и весь народ кричит и ропщет на тебя, и вся страна во вражде с тобой, но я хочу, брат волк, установить мир между тобой и здешним народом, так, чтобы ты не обижал их, а они простили бы тебе все прошлые обиды и чтобы не преследовали тебя больше ни люди, ни собаки. ...Брат волк, — продолжал Св.

Франциск, — с тех пор, как тебе угодно будет заключить и соблюдать этот мир, я обещаю тебе, что будешь получать пищу от жителей этой страны постоянно, пока ты жив, так что не будешь терпеть голода. Обещаешь ли ты не причинять больше вреда людям?

И волк наклоном головы показал, что обещает.

— Заверь меня в этом, чтобы я вполне мог жить на тебя.

И волк поднял переднюю лапу и положил в протянутую руку Св. Франциска. Затем волк пошел вслед за Св. Франциском в город и там на площади повторился этот чудесный разговор Св. Франциска с волком в присутствии жителей всего города. После этого волк прожил два года как ручной ходил от двери к двери, все любезно кормили его, и никогда ни одна собака не залаяла на него";

Как и в других случаях, понимание и контакт происходят здесь как бы на индивидуальном, личностном уровне между человеком и зверем. Когда же животные живут в стае, такой контакт происходит со стаей, совокупностью, как с неким целым.

В Москве есть писатель Владимир Файнберг, обладающий незаурядными способностями экстрасенса. Несколько лет назад

многоквартирный дом, где жил он,

постигло нашествие тараканов. Вывести их из такого дома оказалось довольно сложно. Когда служба, которая занимается этим, приезжала, чтобы произвести дезин- фекцию, каких-то жильцов не оказалось на месте и в их квартиры нельзя было войти, другие же просто отказа- лись: "От ядохимикатов ваших умереть можно. А от тара- канов еще никто не умирал. Уж лучше пусть тараканы".

Проходило какое-то время, и из тех квартир, где они уцелели, тараканы вскоре опять расселялись по всему дому. Как-то после нескольких таких безуспешных попыток домашние Владимира особенно сетовали по этому поводу.

— Я остался один на кухне, — рассказывал он, — было уже очень поздно, в квартире все спали. И я подумал: "А почему, собственно говоря, мы так ненавидим их, травим и гоним? Почему кухню эту я считаю своей?"

Ведь для них это такое же пространство их обитания, не менее, чем мое. Они ведь тоже твари и тоже хотят жить".

Это были даже не фразы и не слова. Я не знаю даже, мои ли это были мысли. Это сейчас я перелагаю то, что я понял, почувствовал, подумал тогда — в слова. Тогда слов не было. Но все было понятно. Понятнее, чем когда нужны слова. И еще я подумал, что вот моя мама так переживает из-за них, из-за тараканов, когда видит их в квартире. Как хорошо было бы, если бы они жили себе, как живут, но только не приходили бы сюда. Она так огорчается, а мне так ее жалко. Тоже без слов как-то подумал все это. И тогда же почувствовал то, что некоторые называют "экстаз удачи". Я уж потом узнал, что есть такой термин. Экстаз удачи.

На другой день он не стал ничего объяснять своим домашним, попросил только не убивать больше ни одного таракана: "Они уйдут".

— Сейчас я вспоминаю, что, сказав так, я почему-то был безусловно уверен в этом. Домашние послушались меня. Я сказал это потому, что после того, что произошло, я почувствовал в тот вечер, когда был на кухне, я понял одно — этого делать нельзя. Нельзя убивать.

И действительно, минуло три или четыре дня — все тараканы ушли. С тех пор прошло восемь лет. В других квартирах этого дома с

ними воюют по-прежнему. Здесь же с того самого дня никто не видел больше ни одного таракана.

"Воздействие на биологические объекты" — так называют это на своем жаргоне ученые. Правда, то, чего удается достичь им, я не решился бы сопоставить с тем, что происходит вне лабораторных стен. И не только потому, что такое сравнение было бы не в пользу науки.

Но, главным образом, потому что сами приемы, к которым прибегают исследователи, и их цели весьма отличны от приемов и целей шаманов, колдунов и экстрасенсов.

А возможно ли вообще такое воздействие? Вот главный вопрос, который забывают они. И именно на него пытаются искать ответа.

Как пример таких исследований я мог бы назвать опыты С. В. Сперанского из Новосибирска по мысленному воздействию на белых мышей. Дети (от 6 до 10 лет), посылая волевые импульсы, старались мысленно понудить мышей бегать по вольтеру как можно быстрее. В другой серии опытов ставилась противоположная цель — дети, тоже мысленно, старались заставить мышей бегать медленнее или вообще не двигаться. Всякий раз полученные результаты сопоставлялись с данными контрольной группы. "Проведенное исследование, — заключает свой отчет ученый, — доказывает принципиальную возможность мысленного воздействия человека на двигательную активность белых мышей".

Другая группа исследований связана с растениями.

Таковы, например, опыты по мысленному воздействию экстрасенса на пшеницу. Было установлено, что "положительный" благожелательный волевой импульс может увеличивать длину ростков на 80%. В другом случае, при "негативном" посыле, когда импульс был задан на "подавление", рост побегов оказывался на 40% меньше контрольного.

Исследования этого же рода проводились и проводятся за рубежом. Результаты, получаемые там, оказались еще более впечатляющими. В некоторых из таких опытов, чтобы стимулировать рост, над растениями читают молитвы, благословляют их, говорят им, как они прекрасны и т. д. В других, когда импульс

проводится на подавление, по несколько раз в день растения прокли-нают, говорят им, что они плохие, не вырастут...

Многочисленные опыты эти подтвердили, что расте-ния чутко воспринимают слово, волевой импульс, посы-лаемый человеком. Однако задолго до этих эксперимен-тов практика общения, разговора с растениями известна была в народе. Позитивное воздействие — это крестное

знамение и молитва, которыми в былые времена освящались обычно посе́вы. Негативное, а иногда нужно было и такое, тоже хорошо было известно. В Абхазии, например, если плодое дерево не плодоносит, перед ним разыгрывали своего рода действо. Хозяин бросался к нему с топором, крича, что срубит такое негодное дерево, а другие удерживали его, уговаривая подождать еще хотя бы год. Тогда, обращаясь к дереву, говорили, что дают ему еще год, если оно будет по-прежнему таким же, то срубят его. Говорят, что, как правило, на следующий же год на дереве появлялись обильные плоды. В Сухуми я знаю человека, который при мне проделывал 'этот ритуал с неплодоносящим кустом мандарина. На другой год я видел этот куст весь покрытый плодами. Интересно, что такой же обычай и подобные же конкретные случаи знаю я и по Средней Азии.

Так что опыты по словесному, волевому воздействию на растения не есть открытие чего-то неведомого и нового, скорее это лишь подтверждение в лабораторных условиях практики, которая давно известна у разных народов.

3. ОБЪЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ - ЧЕЛОВЕК • Бессильные противостоять

Соловецкий патерик рассказывает о старце, в огород к которому однажды забрались воры. "Наполнив свои влагалища овощами, они возложили их на себя, с наме-рением унести, по не смогли и с места сойти, и так простояли два дня и две ночи неподвижно, под тяжелым бременем. Потом начали кричать: "Отче святой, пусти нас с места". На голос пришли некоторые из братии, но не смогли свести их с места. На вопрос ищюков: "Когда вы сюда пришли?" — они отвечали: "Два дня и две ночи стоим здесь". — "Мы всегда ходили сюда, почему же не видели вас?" — "Да и мы, если бы видели вас, давно уже со слезами просили бы прощения у вашего старца".

Пришел и сам старец и сказал ворам: "Вы всю жизнь пребывая в праздности, без трудов, крадете чужие труды, поэтому стойте здесь в праздности все годы вашей жизни". Со слезами воры умоляли отпустить их, обеща- ясь впредь не делать ничего подобного. Старец сказал:" "Если хотите руками своими трудиться и от труда вашего других питать, то отпущу". Они с клятвою дали обещание исполнить его веление. Тогда он сказал: "Благословен Бог, укрепляющий вас; потрудитесь год в этой обители на братию". После этого разрешил их от невидимых уз своею молитвою, и они действительно трудились год в скиту".

Такие приемы, очевидно, безотносительные к свято- сти, издавна известны народу и по сей день хранятся в тайне теми, кто их знает. Записи этнографов и рассказы очевидцев свидетельствуют об этом.

Вот рассказ, записанный в наше время этнографами в сибирской деревне: "Мне папа рассказывал. Говорит, приехали на конях с грузом мужики и остановились на Шилке. Зашли к кому-то ночевать. А хозяин: — Дак у вас че там?

— Да груз: пшеница...

— А караулит-то кто?

— Че караулить? Никого нет. А кто возьмет, так без меня никуда не уйдет.

Но а были воришки-то. Водились. Пришел один, значит, мешок на плечо-то заворотил с пшеницей, вроде, "упру". И давай ходить кругом саней. До утра и проходил в зимнюю ночь. И бросить не может, и уйти не может.

Хозяин выходит к возу утром, тот ему: — Извините, — гыт, — меня! В жизни больше этим делом не займусь.

— Но, положь. Иди да запомни".

Я упоминал уже П.Д. Утвенко, целителя и прозор- ливца. Каждый день у его ворот выстраивается очередь — люди приезжают со всех концов страны. Какое-то время назад в эпоху гонений на все, чего не может объяснить наука, погромные статьи об Утвенко печатала главная газета республики, орган ЦК коммунистической партии Украины. Тогда-то и заявился к нему под видом пациента один такой корреспондент, имевший задание написать о нем очередной пасквиль. Понятно, о цели своего приезда он говорить не стал. Но

прозорливцу этого и не надо. Молодой человек не успел и рта раскрыть, чтобы сказать какую-то заранее приготовленную ложь, как тот молча вывел его из дома во двор и поставил возле забора: — Стоять будешь до вечера.

До самого вечера он так и стоял, как вкопанный, на том же месте и не мог ни сдвинуться, ни сойти с него.

Только когда в конце дня, окончив прием, старик подошел к нему и, пристыдив, разрешил идти, он смог тронуться с места.

Можно предположить, однако, что диапазон таких воздействий на человека значительно шире, чем в слухах, которые я привел.

А. И. Куприн, движимый писательским, а возможно, и более глубинным интересом, с вниманием следил за явлениями, которые принято называть необъяснимыми и загадочными. В результате возник рассказ "Олеся". Героиня его — дочь ведьмы, живущей на отшибе маленькой белорусской деревни. Позволю себе привести отрывок из "Олеси", имеющий отношение к нашей теме, а главное — довольно точно воспроизводящий один из приемов, которыми издавна пользуются колдуны и колдуньи при воздействии на человека.

"— Что бы вам такое показать? — задумалась она. — Ну, хоть разве это вот: идите впереди меня по дороге.

Только смотрите, не оборачивайтесь назад...

Я пошел вперед, очень заинтересованный опытом, чувствуя за своей спиной напряженный взгляд Олеси.

Но, пройдя около Двадцати шагов, я вдруг споткнулся на совсем ровном месте и упал ничком.

— Идите, идите! — закричала Олеся. — Не оборачивайтесь! Это ничего, до свадьбы заживет... Держитесь крепче за землю, когда будете падать.

Я пошел дальше. Еще десять шагов, и я вторично растянулся во весь рост.

Олеся громко захохотала и захлопала в ладоши...

— Как ты это сделала? — с удивлением спросил я...

— Все не секрет. Я вам с удовольствием расскажу.

Только боюсь, что, пожалуй, вы не поймете... Не сумею я объяснить...

Я действительно не совсем понял ее. Но, если не ошибаюсь, этот своеобразный фокус состоит в том, что она, идя за мной следом, шаг за шагом, нога в ногу, и неотступно глядя на меня, в то же время старается подражать каждому, самому малейшему моему движению, так сказать, отождествляет себя со мной. Пройдя таким образом несколько шагов, она начинает мысленно воображать на некотором расстоянии впереди меня веревку, протянутую поперек дороги на аршин от земли.

В ту минуту, когда я должен прикоснуться ногой к этой воображаемой веревке, Олеся вдруг делает падающее движение, и тогда, по ее словам, самый крепкий человек должен непременно упасть... Только много времени спустя я вспомнил сбивчивое объяснение Олеси, когда читал отчет доктора Шарко* об опытах, произведенных им над двумя пациентами Сальпетриера**, профессио-нальными колдуньями, страдавшими истерией. И я был очень удивлен, узнав, что французские колдуньи из про-стонародья прибегали в подобных случаях совершенно к той же сноровке, какую пускала в ход хорошенькая полесская ведьма.

Очевидно, однако, что это — заставить кого-то упасть на ровном месте — едва ли предел возможного воздействия на человека. Само собой, такого воздействия, о котором тот не догадывается, которого не ожидает и которое не имеет, понятно, обратного адреса. К тому же, как сама жертва, так и окружающие мало бывают склонны искать объяснения за чертой хорошо им известных и привычных реальностей. Вот почему о характере и пределах таких возможных воздействий остается только догадываться. Правда, одно из публичных выступлений

Игнатенко, разгоняющего тучи, о котором я уже говорил, дает некоторую пищу для раздумий в этом направлении.

Вот рассказ очевидца:

"На сцене пятеро добровольцев. Альберт Бенедиктович предупредил участников опыта, что им предстоит несколько необычная задача: одного из них он ударит с расстояния в несколько шагов, а другие не должны дать ему упасть. Игнатенко отошел к краю сцены и сделал легкий взмах рукой в сторону улыбавшегося парня. В следующее мгновение он согнулся, потом неведомая сила оторвала

его от пола, развернула в воздухе. Растерявшиеся помощники едва успели подхватить падавшего парня".

Опасные эксперименты

Некоторые из исследователей, занимающихся сегодня проблемой воздействия на человека, проявляют интерес к разного рода колдовским приемам. Кое-кто пытается даже испытывать их в лабораторных условиях, в условиях строгого эксперимента. Несмотря на то, что другая сторона — те, кого называют ведуньями и колдунами, — мало бывает склонна идти навстречу этому интересу. Им это не нужно, в лучшем случае — ни к чему.

В худшем — такое сотрудничество может оказаться и потенциально опасным, — считают они. Если не сегодня, то, возможно, впоследствии.

Дело не только в том, что уцелевшие колдуны, ведуньи или потомки их не забыли ни сталинских репрессий, ни гонений недавних лет. Дело скорее в ощущаемой ими полнейшей иллюзорности тех структур, которые олицетворяют власть и начальство. "Волхвы не боятся могучих владык, а княжеский дар им не нужен".

Призрачны карты владык, призрачны их награды, призрачны те, кто служит им. Это отторжение, отстраненность распространяется и на людей науки, нанятых властью, а значит — служащих ей. Вот почему сокровенные знания остаются недоступны этим людям и, надеюсь, и пребудут так. не обратясь в средство удовлетворения чьей-то любознательности, амбиций или устремлений, куда более опасных.

Впрочем, это лишь одна. и не главная, из причин существующей закрытое™ этих знаний. Лишь один. но достаточно непреодолимый ров. отделяющий счетные

игрища науки от мира, который неподвластен и неподсуден ей.

На первый взгляд опыты исследователей по воздействию человека на человека не выходят за рамки весьма скромной цели: узнать, возможно ли такое вообще, в принципе. Если представление о такой ограниченности и справедливо, то не в большей мере, чем утверждение, будто ящик динамита сам по себе совершенно безопасен.

Это, может, и так, но только до той минуты, пока кто-нибудь не вложит в него крохотный предмет — детонатор. Что касается экспериментов, о которых говорю я, то такой детонатор заложен в них изначально.

Это условие, по которому человек — объект эксперимента — не должен знать, что именно собирается проделать с ним исследователь.

То, что такое условие необходимо ради нагной достоверности, — очевидно. Как очевидна и опасность, которая стоит за этим.

Именно таковы проводимые без ведома и согласия человека опыты по дистанционному введению его в состояние сна. Вот как описывал серию таких экспериментов их участник:

"Объект приглашался на опыты под предлогами, которые не могли привлечь его внимание ни на какие догадки, зачем он приглашен. Во время опыта внимание девушки занималось максимально всем, чем только возможно было его занять. Ей не давалось возможности сосредоточиться на чем-либо самостоятельно.

Первые опыты были проведены в одном здании. Нас разделяло несколько комнат. Потом перешли к опытам, когда мы находились в разных концах города. Успешность была одинакова. Связь была так хорошо налажена, что не терялось ни одной минуты наблюдений. Все фиксировалось самым точным образом.

Один только дефект в этой работе одинаково волновал всех участников опыта. Это ТQ, что девушка все же была предупреждена об опытах. Но все делалось так ловко и аккуратно, что об опытах она не знала. Это доказывалось тем, что она до самого последнего момента, до самого последнего опыта спрашивала нас, когда же, наконец, начнутся опыты с нею.

Поясню, подопытная издавала эти вопросы, не догадываясь и не подозревая, что происходит с пей.

Заслуживает внимания и интересна сама техника, то, как проводилось воздействие. Вот как описывал это врач-психиатр доктор Котков:

"Я садился в удобное кресло в абсолютной тишине.

Закрывал глаза. Мысленно я шептал своему объекту слова внушения: "Спи! Спи! Спи!" Это я назову первым фактором мысленного внушения.

Второй фактор. Я до галлюцинаторности или до самой яркой сновидности представлял себе образ объекта. Я рисовал ее в своем воображении глубоко спящую, с закрытыми глазами.

И, наконец, третий фактор. Я считаю его самым важным. Я назову его фактором хотения. Я сильно желал, чтобы девушка уснула. Наконец, это желание переходило в уверенность, что она уже спит, и в какой-то своеобразный экстаз торжества удачи.

Я отмечал этот момент и прекращал опыт. Время точно фиксировалось. Я ждал сигнала начать пробуждение и проводил его по тому же методу. Снова сигнализировал о пробуждении объекта. Пробуждалась она также в момент моей сигнализации. Все эти три фактора действовали одновременно длительностью в 3-5 минут".

Важно отметить то обстоятельство, что воздействие осуществлялось именно через образ, который индуктор формировал в своем сознании. • Приведу в этой связи свидетельство другого исследователя, профессора К. И. Платонова, также проводившего опыты с дистанционным воздействием:

"Важно отметить, что когда я оказывал воздействие на испытуемую в форме мысленного приказа — "Засыпай-те!", "Спите!", то последний был всегда безрезультатен.

Но при моем зрительном представлении образа и фигуры заснувшей М. (или же проснувшейся М.) эффект всегда был положительным".

Деталь эта представляется мне многозначительной по той причине, что создание "образа" и потом мысленное "наведение" его на объект, т. е. на конкретного человека — это испытанный колдовской прием. Неизвестно, знали ли о нем исследователи или, что более вероятно, пришли к нему случайно, в ходе эксперимента, но это, пожалуй, и не столь важно, как сама эта общность.

Расстояние в таких опытах не имеет значения. Это обстоятельство характерно и для воздействий, которые колдун, или шаман проводит в отношении своей жертвы.

В одном из экспериментов, например, усыпление и

пробуждение подопытного осуществлялись на расстоянии около двух тысяч километров. Индуктор воздействовал из Севастополя на женщину, находившуюся в Ленинграде.

Доктору Коткову принадлежат также опыты по "вызову перципиента", которые он в свое время проводил в Харькове. Объектом воздействия была девушка-студентка 18-19 лет. Находясь у себя в квартире, во время, строго обусловленное с другими участниками опыта, доктор Котков мысленно вызывал подопытную в лабораторию. "Когда наступал "экстаз удачи", — рассказывает Котков, — я прекращал опыт и шел в лабораторию. Обычно я или заставлял девушку уже там, или она приходила немного позже меня. Когда у нее спрашивали: зачем она пришла, она обычно отвечала смущенно: — Не знаю... Так просто... Захотелось прийти..." И снова приходится констатировать — прием, который использовал экспериментатор, хорошо известен в сфере магических знаний. Правда, порой им неосознанно пользуются и люди, наделенные просто сильным воображением. Интересно, что точно так же не догадываясь, что прибегает к колдовскому приему, поступал иногда и Гете.

"В молодости, — рассказывал он Эккерману, — со мной случалось нередко, что если во время моих уединенных прогулок мною овладевало сильное желание видеть мою возлюбленную, то я принимался думать о ней до тех пор, пока она, наконец, ко мне не приходила.

— Мне не сиделось дома, — говорила она мне о своем ко мне приходе, — я ничего не могла с собой поделать, не могла не прийти".

Другой писатель, Марк Твен, также пользовавшийся этой своей способностью, прибегал к более усложненному приему воздействия. "Когда мне надоедает ждать вести от кого-нибудь, — вспоминал он. — от кого я хотел бы получить такую весточку, я заставляю его написать мне письмо, желает он этого или нет. Для этого я сажусь и пишу ему письмо сам, после чего рву свое письмо потому, что знаю — то, что сделал я, заставит его сесть и написать мне письмо в то самое время, когда делал это я".

Прием, к которому прибегал Твен, один из самых простых, хотя и требует определенной психической тренировки.

Человек, обращенный в работа

Воздействовать на человека на расстоянии, понудить его совершить те или иные поступки — это умение включает в себя древнейшую шаманскую и колдовскую практику разных народов. В китайских провинциях Гуандуне и Гуанси до последнего времени существовал, например, следующий прием поимки вора. Когда на земле удавалось найти его след, пострадавший звал человека, владеющего таким приемом, — обычно опытного даосского монаха. Тот вбивал в след бамбуковый кол и начинал внушать вору неодолимое желание вернуться, вновь посетить место своего преступления. Когда вор, будучи бессилен противостоять охватившему его желанию, крадучись приходит на это место, его уже ждут.

По сообщению русского исследователя дальневосточного шаманизма, маньчжурские шаманы также владеют приемами на расстоянии внушать своей жертве те или иные действия. Если связать это с теми примерами, которые я уже назвал, и с фактами, которые приведу далее, утверждение это заслуживает, по крайней мере, внимания.

В такой извечно авторитарной стране, как Россия, где жизнь каждого зависела всецело от произвола правителя любого ранга, естественно, что многие колдовские действия издавна направлены были на то, чтобы снискать его благосклонность и любовь. Когда же эта попытка удавалась, то это было ни чем иным, как насилием над таким правителем, над его волей и личностью. Множество сыскных и тайных дел посвящено было раскрытию таких попыток. Злоумышления такого рода карались особо беспощадно, и те, кто решался обращаться по этому поводу к ведуньям и колдунам, шли на великий риск. Так рисковал жизнью не только своей, но и своих близких князь Василий Голицын, попытавшийся посредством чар снискать расположение, любовь и милость царевны Софии. Когда же колдовство совершилось, чтобы обезопасить себя, чтобы ведун, помогавший ему в этом, не разгласил тайны, князь повелел сжечь его в бане.

Некоторые свидетельства более близкого времени говорят, что практика таких воздействий на человека, насильственного

подчинения его воле другого, не была потеряна и не исчезла в прошлом. Распознать, когда происходит нечто подобное, чрезвычайно трудно. Жертва

такого воздействия никоим образом не догадывается об этом. Человек сам не может объяснить, почему возлюбил одного, не возлюбил другого, почему поступил таким или иным образом.

"Не знаю... Так просто... Захотелось прийти", — говорила девушка, объект дистанционного воздействия, в экспериментах Коткова. "Я ничего не могла с собой поделать, не могла не прийти", — это слова возлюбленной Гете, которая повиновалась мысленному его приказу, даже не осознавая и не понимая, почему делает это.

А ведь человека можно понудить совершить и куда более серьезный поступок, когда он не будет даже подозревать, что им манипулируют, управляют на расстоянии.

Мысль эта слишком очевидна, чтобы она не могла прийти в голову кому-то еще, кроме меня.

Если допустить, что какие-то попытки в этом направлении и происходят, то где можно было бы искать проявления этого? Наверное, среди разного рода поступков и преступлений, когда совершивший не может дать им убедительного объяснения и когда они никак не согласуются со всем предшествующим его поведением.

Промозглым дождливым днем 29-го марта 1951 года в один из банков Копенгагена вошел Неприметный молодой человек и приблизился к ближайшему окошку.

Когда кассир поднял на него глаза, в лицо ему уставилось дуло пистолета. Успел ли грабитель потребовать у него деньги и что ответил ему кассир, этого никто не успел расслышать. Все услышали только звук выстрелов, последовавших один за другим, и кассир, убитый наповал, повалился на свою конторку. Клиенты, оказавшиеся в зале, метнулись к дверям, остальные кассиры и клерки повалились на пол. Единственный человек, который попытался было противостоять убийце, менеджер, через секунду лежал на полу с простреленной головой.

Угрожая убить каждого, кто станет на его пути, грабитель бросился к дверям и исчез в потоках дождя.

Вскоре полиция все-таки нашла и арестовала грабителя. Им оказался некий Палл Хардруп, до этого не замеченный ни в чем ни предосудительном, ни преступном. Тем не менее, вина его была очевидна, и он был арестован. Благодаря его задержанию вскрылось еще одно нераскрытое преступление: оказалось, что этот же человек год назад, с пистолетом в руке, также, ограбил другой банк.

Возможно, Хардруп так и предстал бы перед судом, получив заслуженный им приговор, если бы что-то в его поведении не привлекло внимание тюремного психиатра. Начав работать с Хардрупом, он помог следствию выйти в конце концов на совершенно другого человека, оказавшегося истинным преступником. Это был человек, державший Хардрупа под полным своим контролем. Более того, сознание его жертвы оказалось заблокировано столь плотно, что Хардруп полностью и искренно отрицал, будто кто-то управляет им. Когда один из ведущих психиатров Голландии попытался подвергнуть Хардрупа гипнозу, чтобы узнать, действительно ли кто-то манипулирует им и кто делает это, оказалось, что Хардруп совершенно не гипнотабелен. Это был еще один барьер, установленный в его сознании тем, кто управлял его действиями. Психиатру понадобился целый год упорной работы с арестованным, чтобы сломать эту установку. Но это было сделано и когда власть чужой воли над ним была сломлена, Хардруп стал говорить.

Человека, который сначала подчинил его себе, а затем заставил пойти на преступления, удалось найти, и он был арестован. Вина его была доказана в суде и, учитывая исключительную опасность такой личности, суд приговорил его к максимальной мере — пожизненному заключению.

Насколько я знаю, это чуть ли не единственный случай со времен Средневековья, когда общество сделало попытку оградить себя от такого человека. И то понадобились величайшие усилия и профессиональное искусство, чтобы обнаружить преступника и доказать его вину.

Есть ли основания полагать, что случай этот столь уж исключителен и неповторим?

На сомнения этого рода наводит, в частности, то, что судебные дела и криминальные эпизоды часто содержат случаи совершенно необъяснимых поступков и немотивированных преступлений. Скажем, человек безупречной репутации, не испытывающий недостатка в средствах, беспричинно совершает кражу, прячет украденное и тут же забывает об этом. Другой, отправившись на рыбалку с приятелем, во время завтрака на полуслове без малейшего повода или ссоры убивает его. На все вопросы следователя и адвоката, который хочет помочь ему, отвечает: "Не понимаю сам. Не знаю. Что-то нашло на меня". При этом врачи признают его вменяемым и совершенно здоровым.

В тридцатые годы в Германии имел место криминальный случай, на фоне событий тех лет не привлечший особого внимания. Молодая женщина вскоре после замужества несколько раз пыталась убить своего мужа. К счастью, безуспешно. Когда встревоженный муж обратился в полицию, оказалось, что та не может сказать ничего вразумительного. Мужа она любит, почему же временами ею овладевает неодолимое желание убить его, она не знает. Она боится за себя, а, главное, за мужа потому, что противиться этому желанию у нее нет сил.

Как и в случае с ограблением банка, о котором я говорил, делом занялся полицейский врач. Ему повезло, направление поиска, которое он избрал, вывело его на человека, с которым потенциальная убийца долгое время до этого была близка. Им оказался некий Франц Вальтер, обладавший, как установила полиция гипнотическими способностями, которые он тщательно скрывал. Подав ей гипнотическую команду, приказав совершить убийство, он позаботился обрубить концы, заставил забыть о том, что команда была и от кого она исходила. Вина его, однако, была доказана и десять лет каторги были той ценой, которую пришлось ему заплатить за злодейство.

Как бы ни старался преступник, память о нем, след его присутствия остается в глубинах сознания его жертвы. И, если след этот удалось обнаружить в случае, происшедшем в тридцатые годы, то сегодня возможности врачей-криминалистов возросли многократно. Хотя по понятным причинам распространяться об этом

они не склонны. Разговаривая с некоторыми из них, я получил достаточно убедительные подтверждения этого — в обмен на обещание не касаться этой темы подробнее (условие, которое я соблюдаю на этих страницах).

Не связаны ли некоторые из так называемых "немотивированных" преступлений прямо или косвенно с таким насилием чужой воли? При этом не обязательно, чтобы за каждым из немотивированных, спонтанных преступлений обязательно стояло чье-то осмысленное злое желание. Возможен сильный эмоциональный выброс от какого-то человека, даже не подозревающего о своих пси-способностях. Этот выброс, идущий без ад-реса, либо даже будучи направлен кому-то, может быть принят совершенно другим, подобно тому, как случается нам порой по ошибке находить в своем почтовом ящике чужое письмо. Не тогда ли, повинясь непонятному

импульсу, человек совершает нечто, что тщетно потом пытается объяснить себе и другим?

Как известно, совершенно открыты и легко поддаются гипнотическому внушению 30% людей^ каждый третий, Не гипнотабельны или поддаются гипнозу с большим трудом только 4-5%. Особенно легко бывает подвержен внушению тот, кто вырос в авторитарной семье или в авторитарном обществе. Например в нашей стране.

Вот почему, когда я читаю в прессе восторженную публикацию о московском инженерере, который, играя в шахматы, может внушить партнеру ^аведомо проиг-рышный, ложный ход, я не спешу разделить этот во-сторг. Я не могу не думать, какой еще поступок или дей-ствие придет ему в голову внушить другому завтра или послезавтра или на службу каким силам могут быть поставлены способности этого человека.

Когда в Ленинграде в 1934 году был убит Киров, которого влиятельные силы в стране собирались поставить на место Сталина, его убийца, даже не пытав-шийся скрыться с места преступления, не мог дать вра-зумительного объяснения, почему он совершил это.

Убийство Кирова сегодня видится как часть сценария, который был тщательно продуман заранее. Именно убийство послужило

сигналом .к началу сталинских' чи- сток, аппарат для которых был уже наготове и, казалось, .

только ждал такого сигнала.

Вспомним другое событие — поджог рейхстага в 1933 году. Ван дер Люббе, человек, совершивший его и тоже не пытавшийся скрыться, как и убийца Кирова, точно так же не смог сказать ничего убедительного о мотивах своего поступка.

Не вправе ли мы вспомнить в этой связи и Джека Руби, которому оказалось легче совершить "убийство века", чем объяснить, что побудило его к этому? Или — убийство Роберта Кеннеди человеком, не имевшим ни малейшего отношения ни к убитому, ни к Америке, ни к политической жизни, поступок которого оказался немотивирован до такой степени, что спасительное объяснение было найдено только в объявлении его сумасшедшим? Такое же объяснение было дано и в отношении поджигателя рейхстага Ван дер Люббе.

Я очень хорошо понимаю соблазн увидеть во всем этом действия, исходящие из некоего единого центра и сверхзасекреченных лабораторий.

Но при всем стремлении к однозначности принять

эту точку зрения как единственно возможную было бы трудно: я назвал только несколько фактов, лежащих на поверхности и хорошо известных каждому. На деле же сообщений таких и свидетельств, значительно больше. А главное, некоторые из подобных фактов относятся к тем временам, когда не существовало ни лабораторий, которые можно бы было иметь в виду, ни тех ведомств и сил, которые могли бы предположительно стоять за ними.

, По воспоминаниям современников, одним из людей, способных манипулировать, управлять другими, заставлять их поступать не по своей, а по его воле, был, например, Распутин. Вот эпизод, рассказанный человеком, входившим в его окружение и испытавшим это на себе: "Уже много лет я был страстным игроком и проводил много ночей напролет за карточным столом. Я основал несколько карточных клубов. Однажды я так сильно увлекся игрой, что трое суток подряд провел в клубе. Как раз в то время Распутин имел важное дело ко мне..."

...Он пригласил меня сесть за стол и воскликнул повелительно: — Садись, теперь выпьем!

Я последовал его приглашению. Распутин принес бутылку вина и налил два стакана. Я хотел пить из моего стакана, но Распутин дал мне свой, затем он перемешал вино в обоих стаканах, и мы должны были его одно- временно выпить. После этого странного действия наступило молчание. Наконец, Распутин заговорил:

— Знаешь что? Ты в свою жизнь больше не будешь играть. Конец этому. Ступай куда хочешь! Я хотел бы видеть, исчезнешь ли ты еще раз на три дня...

... После этого я до смерти Распутина никогда не играл, хотя оставался владельцем карточных клубов.

Также я не играл на скачках и сберегал этим много денег и времени. После его смерти прекратилось действие странного гипноза, и я начал опять играть".

Термин "гипноз", который был упомянут скорее в силу отсутствия другого понятия, не выражает ни сути, ни силы, оказанного воздействия. Что касается колдов- ского действия с вином, к которому прибегал Распутин, то он использовал его и в других, в том числе более сложных случаях. Один из них связан с хорошо известным фактом отстранения Верховного Главно- командующего тогдашней действующей армии великого князя Николая Николаевича. В отличие от случая пре-

дыдущего, здесь воздействие на человека, навязывание ему определенных действий осуществлялось на расстоя- нии и так, что сам он не знал об этом. Вот как расска-

зывает этот случай секретарь Распутина А. Симанович.

"Он имел очень утомленный вид и молчал. Мне было знакомо это состояние, и я не беспокоил его разго- ворами, и даже распорядился, чтобы в этот вечер никого не принимать. Молча, ни на кого не смотря, Распутин прошел в свою рабочую комнату, написал что-то на записке, сложил ее и направился в свою спальню. Здесь он засунул записку под подушку и лег. Как я уже говорил, и раньше приходилось наблюдать у Распутина такого рода напоминающее колдовство поведение. Так как он в таких случаях не желал, чтобы его

беспокоили, то я не тревожил его в спальне. Распутин сейчас же заснул и проспал без перерыва всю ночь.

На другой день после переданного случая он еще спал, когда я к нему пришел. Он вышел только спустя некоторое время, и я сразу заметил, что его вид был совсем другим, чем за день перед тем. Он был оживлен, благожелателен и любезен. Он сказал мне с любезной улыбкой:

— Симанович, ты можешь радоваться. Моя сила победила.

— Я тебя не понимаю, — ответил я.

— Ну, так ты увидишь, что случится через пять или шесть дней.

Попросив соединить его по телефону с Царским Селом и поговорив с царем, Распутин немедленно отправился туда и был тотчас же принят. Там он сказал царю, что после трех дней царь получит телеграмму от Верховного Главнокомандующего, в которой будет сказано, будто армия обеспечена продовольствием только на три дня.

Распутин сел за стол, наполнил два стакана мадерой и велел царю пить из его стакана, между тем, как он сам пил из царского.

. Потом он смешал остатки вина из обоих стаканов в стакане царя и велел ему выпить это вино. Когда царь этими мистическими приготовлениями был достаточно подготовлен, Распутин объявил, чтобы он не верил телеграмме великого князя, которая придет через три дня. Армия имеет достаточно продовольствия. Николай Николаевич желает только вызвать панику и беспорядки в армии и на родине, затем под предлогом недостатка в продовольствии начать отступление и, наконец, занять Петроград и заставить царя отказаться от престола.

Николай был ошеломлен, так как он верил предсказаниям Распутина. Можно представить себе его потрясение, когда через три дня от Верховного Главнокомандующего пришла телеграмма, которая сообщала, что армия снабжена хлебом только на три дня. Этого было достаточно, чтобы решилась участь великого князя.

Никто уже теперь не мог разуверить царя в том, что великий князь замышляет поход на столицу и намеревается свергнуть с престола царя".

Не берусь утверждать, сколь велики оказались политические последствия этого события в последующих судьбах России. Но я и не об этом. Я о другом — о самом факте такого воздействия, понуждающего кого-то, в данном случае второго человека в государстве, совершить поступок, ему навязанный: в нужный день отправить телеграмму определенного содержания.

Был ли это единственный случай, когда государственное лицо, общественный деятель оказался объектом тайной манипуляции? Как бы то ни было, эпизод этот дает повод предположить, что некоторые не до конца понятые свершения или, наоборот, несвершения в истории могли бы происходить под воздействием подобных обстоятельств.

Хорошо известно, что Наполеон не только твердо намерен был высадиться в Англии, но и вел интенсивную военную подготовку к вторжению. Вот как пишет об этом советский исследователь А. З. Манфред: "На западном побережье, близ Булони был создан огромный военный лагерь. Бонапарт хотел нанести врагу удар прямо в сердце: поразить Британию на ее островах, продиктовать мир на берегах Темзы. Все было подчинено этой задаче. Тысячи рук напряженно работали над сооружением новых кораблей, транспортных судов, барж; все, что держалось на воде и не шло сразу ко дну, было пригодно для поставленной цели".

"Приготовления к экспедиции против Англии, — писали "Московские ведомости" в те дни, — проводятся с неутомимой деятельностью... Консульская гвардия получила приказ быть в готовности к походу". Вся эта активность была отражением величайшей решимости самою Наполеона произвести вторжение в кратчайшие сроки.

"Мне нужны только три туманных ночи" — повторял он.

И вдруг все эти лихорадочные усилия армии и государственной машины были прекращены. Причем это не было вызвано появлением каких-то новых военных или политических факторов, которых не существовало бы ранее и возникновением которых можно было бы объяснить эту перемену.

Через сто с лишним лет интенсивную подготовку к тому, от чего отказался Наполеон, начинает Гитлер.

Стягиваются транспортные плавучие средства, ведется отработка деталей операции, морские и сухопутные штабы работают день и ночь, стремясь предусмотреть все обстоятельства предстоящей высадки. В разгар подготовки 16-го июля 1940 года Гитлер подписывает план "Морской лев" — детальный план вторжения на Британские острова. Задача военной кампании была сформулирована следующим образом: "Устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии, и, если это потребуется, полностью захватить ее". На окончательное завершение подготовки был отведен всего месяц. Но, как и в предыдущем случае, все было прекращено столь же внезапно. Прошло всего две недели, 31 июля на совещании руководителей фашистской Германии Гитлер внезапно делает заявление, полностью отменяющее решение, которое только что было принято. Вся деятельность по подготовке к вторжению была тут же свернута.

Как и в ситуации с Наполеоном, за время между принятием решения и внезапной отменой его не появилось никаких новых факторов, которые могли бы объяснить эту перемену.

"Почему Гитлер не вторгся в Англию в 1940 году, — недоумевал У.Черчилль позднее в своих мемуарах, — когда его мощь была наивысшей, а мы имели всего 20 тысяч обученных солдат, 200 пушек и 50 танков?" Не слишком ли странно повторяется история?

Заурядному уму (а что есть массовое сознание, как не квинтэссенция такой заурядности?) представляется, будто, каждое действие исторической личности непременно логично, обоснованно и рационально. Не потому ли уже не одно поколение военных исследователей и историков прилагает столь большие усилия, чтобы выстроить систему собственных и политических объяснений, этих неожиданных перемен: сначала в военных намерениях Наполеона, затем Гитлера.

Некоторые факты биографии Гитлера, рассказы людей из его окружения свидетельствуют, что это был не только чрезвычайно неординарный медиум, но и человек, мысливший в магическом плане. Такие личности, оказывая сильное влияние на окружающих, сами в

силу своей резонансности нередко более других оказываются открыты для постороннего влияния и воздействия. Не оказался ли Гитлер объектом такого воздействия?

Английский исследователь Д. Х. Бреннан в своей работе "Оккультный Рейх" приводит свидетельство, согласно которому, когда над Англией со всей неотвратимостью и силой нависла угроза немецкого вторжения, группа самых сильных британских колдунов и экстрасенсов совершала магические действия с целью внушить Гитлеру импульс, должный отвлечь его от такой попытки. Предварительно обмазавшись жиром, они входили в холодное Северное море, образуя там магический круг, и посылали Гитлеру чувство неуверенности, тревоги и мысль о невозможности задуманного им предприятия. Как сообщила исследователю одна из участниц этого действия, ее прапрадед в свое время участвовал в подобном же ритуале, направленном против Наполеона.

Цель этого действия была та же — подавить решимость и желание Наполеона пересечь Ла-Манш.

Как мы знаем, Наполеон, как и Гитлер, оба немотивированно и внезапно отказались от этой мысли.

Возвратимся к нашим дням. Можно ли представить себе, что существуют некие лаборатории, сверхсекретные центры неких еще более засекреченных ведомств, пытающихся воздействовать на политических, государственных деятелей в мире, в котором мы живем?

Косвенным свидетельством интереса к подобному кругу проблем со стороны спецслужб могло бы быть сообщение, появившееся какое-то время назад в зарубежной печати об американском корреспонденте в Москве Роберте Тосе, проявлявшем повышенную любознательность к работам закрытых советских парапсихологических центров. Интерес этот привлек внимание КГБ, и корреспондента несколько раз приглашали для собеседования, чтобы выяснить, что именно удалось ему узнать.

Очевидно с моей стороны равно бессмысленно было бы утверждать, что такие работы ведутся где-то, как и настаивать на том, что они не ведутся нигде. Я этого просто не знаю. Такое незнание не исключает, однако, некоторых соображений на этот счет.

Когда Петр 1 вводил в свое время картофель в России, некоторые крестьяне, едва дождавшись всходов, пытались использовать в пищу ботву, полагая, что это и есть то, ради чего его растят. Не так ли поступает и тот, кто,

едва почувствовав какие-то свои возможности, начинает пытаться практиковать, воздействовать на других? Как торопливые и неразумные крестьяне, он не догадывается, не ведает, где есть истинные плоды и, не дождавшись их, получает лишь отравление и резь в животе. Ужасный конец Распутина не случаен. Но даже это далеко не самое ужасное в его участи.

Для человека, который хотел бы приблизиться к истинам высшего плана, суетные реалии этого мира теряют свой смысл и значение. Такой человек не переступит порога секретных лабораторий, не сможет и не станет служить ни властителям, ни политическим группам, как не сможет служить ни собственным амбициям, ни интересам повседневного бытия. И наоборот.

Тот, кто готов служить политикам и владыкам, кто приемлет ценности их круга, неизбежно оказывается чужд, отторжен от высших истин.

В этом и есть неизбежность и суть выбора.

4.ЛЕГЧЕ ВОЗДУХА, БЫСТРЕЕ СВЕТА Власть над телом

Если экстрасенс не впал в губительный соблазн манипулирования другими, то, продолжая свое восхождение, он начинает обнаруживать, что куда более благодарный и благодатный объект такого воздействия — это он сам. Те, кто преуспел в этом или, говоря точнее, чей путь вывел их достаточно далеко, редкие люди эти являют порой пораженным современникам удивительные возможности и поразительные способности воздействия на самих себя.

Некоторые из "туземных" обычаев поверхностному и неискушенному европейскому взгляду представляются порой воплощением варварства и отсталости. Что, кроме возмущения и ужаса, может испытать, например, такой наблюдатель при виде мусульманского обряда, сопровождающего праздник шахсевасхей: по улице медленно движется толпа верующих, время от времени они останавливаются, и под дружные выкрики каждый принимается зверски царапать себе лицо и тело, избивать себя плетью,

железной цепью, наносить себе удары кин- жалом. После того как шествие удаляется, постовая оказывается обильно окрашена кровью. Казалось бы, это ли не варварство, это ли не дикость!

Однако все куда сложнее, чем видится на первый взгляд. Судя по всему, обряд этот — не более, чем блеклый след, полузабытая память уникальных способ- ностей, бытовавших среди шаманов в давние домусуль- манские времена. О таких способностях, делающих тело не только невосприимчивым к боли, но и неподвласт- ным даже ударам ножа, кинжала, — сегодня можно найти свидетельства в шаманской практике там, где она сохра- нилась.

Этнографы и антропологи, наблюдавшие шаманов во время камлания, констатируют значительное изменение их психико- физиологических и личностных свойств.

Масштабы таких изменений, однако, значительно глуб- же, чем это могут вообразить себе ученые.

Вот рассказ очевидца о том, что делал на глазах многих собравшихся туркменский шаман Оразназар.

"Во время закира* впавший в экстаз Оразназар бросался на отточенную саблю, которую острием вверх держали за оба конца два человека. Задрав рубашку, обнаженным животом он наваливался на саблю, и приказывал двоим людям сесть на него с двух сторон, как на качели. На глазах зрителей под тяжестью этой ноши сабля входила в тело шамана и разрезала его до позвоночника. Затем все, кто держал саблю или сидел на шамане, возвращались на свои места, в ряды зрителей.

Оразназар оставался один с саблей в теле. Он садился один посреди юрты, играл на дутаре и пел песню туркменского поэта Кемине "Гелиндлер" на высоких нотах. Окончив ее, начинал гладить себя по животу, приговаривая: "Уфф!", постепенно выпрямлялся и вдруг рывком, как из ножен, вытаскивал саблю из тела и бросал ее в сторону. Все видели, что крови на животе нет".

В других случаях, сообщал тот же свидетель, Ораз- назар в присутствии множества зрителей пронзал себя ножом и также оставался невредим.

Одна из характерных черт мистических приемов и практики — их удивительная всеобщность. За тысячи километров от Туркмении, в

Сирии, нечто подобное наблюдал недавно советский журналист Сергей Медведко. Действующее лицо — шейх небольшого сирийского города Абдель Кадар ар-Рифаи. Вот как рассказывает об этом сам Медведко:

"Собравшиеся прочли молитву, затем трое мужчин в рубахах до пят — галабиях — извлекли из шкафа огромные бубны. Остальные раскачивались в такт ритмичным ударам и повторяли какие-то слова. Затем ритм ускорился. Люди постепенно входили в экстаз, многие неистово раскачивались, иные, закрыв глаза, мотали в такт головой. Затем все встали, образовав нечто вроде хороводного круга. Под влиянием ритма люди приходили в исступление.

Потом в центре круга оказался шейх, смуглый человек среднего роста, одетый в черную галабию. Он достал из шкафа две сабли и какую-то трость. Положив на ковер сабли, он поднял "трость". Неуловимое движение — и в одной его руке осталась "трость", служившая, стало быть, ножнами, а в другой появилось нечто вроде шпаги без эфеса. Взмахнув этим оружием несколько раз,

он внезапно бросился ко мне. Скажу честно, я испугался.

Шейх, подбежав ко мне, задрал свою галабию и обнажив живот, заорал: "Коли! и сунул мне рукоять "шпаги".

Мне стало не по себе, я пробормотал: "Не могу!", но шейх вложил в ладонь рукоять "шпаги", приставил острие к своему животу правее пупка и навалился на клинок всем телом. Народ исступленно кричал, оглушительно били бубны. Поняв, что от меня проку мало, шейх схватил лезвие двумя руками, и я почувствовал, как рукоять (я все еще держал ее) на несколько сантиметров продвинулась вперед. Конец клинка исчез в его животе.

Он прижал мою руку к тому месту, где холодный металл вонзался в живот. Мои пальцы ощущали, как лезвие уходит все глубже, но никакой крови не было! Внезапно шейх отпрянул с торчащим из живота клинком, потом вновь ринулся ко мне и резко наклонился: рукоятка уперлась в пол, он с размаху навалился на острие — из спины появился конец клинка. Еще один такой прыжок и рукоять приблизилась к животу вплотную. И вот, вложив ее в мою ладонь, он закричал: "Тяни!" Я потянул клинок на себя. Шейх уперся, народ

неистовствовал. Я вытащил лезвие. Общий экстаз постепенно спадал".

Похожие рассказы мне приходилось слышать о суфиях и о сибирских шаманах. В состоянии экстаза такой шаман наотмашь бьет себя ножом, вонзает лезвие в тело, также не причиняя себе вреда и не испытывая боли. То же делают и киргизские шаманы, с размаху вонзая себе в живот нож по самую рукоять. Потом на этом месте, как и у туркменского шамана, и у сирийского шейха, не остается следа.

Не напоминает ли это в какой-то мере то, что происходит, когда работают филиппинские врачи-целители? Как рассказывают очевидцы и подтверждают кадры фильмов, снятых во время операций, такой целитель пальцами руки безболезненно и бескровно раздвигает мышцы пациента и ткани его тела. Потом после операции он рукой же соединяет их, и на этом месте также не остается следа. Если шаман или шейх — расчленяют ткань своего тела посредством сабли, "шпаги", ножа, то целитель делает то же пальцами рук.

Если другие совершают все это в состоянии транса, то целитель — в медитативном, молитвенном состоянии.

Назовем ли мы происходящее властью человеческого духа над телом, властью воли или иных состояний сознания — это не имеет ни малейшего значения. И не

малейшего смысла. Феномен существует независимо от терминов и наших попыток свести его к словам или понятиям, доступным нашему пониманию.

Впрочем, и эта способность, сколь исключительной ни представлялась бы она, далеко не самое поразительное из возможностей воздействовать на себя и свое тело.

Предметы, висящие в воздухе

Прежде чем сказать об еще одной уникальной такой способности, как бы поясняя и предваряя то, о чем пойдет речь, я должен буду остановиться вкратце на еще одной форме воздействия человека на предметы — о левитации.

Среди прочего, что делала Кулагина, было "подвешивание в воздухе" шарика от пинг-понга. Этот опыт проделывался в условиях

самого строгого контроля, фиксировался на фото- и киноплёнке и подтверждался многочисленными и авторитетными комиссиями.

Как может выглядеть такой сеанс левитации, можно представить себе из описания очевидца, наблюдавшего такой опыт, который проводил экстрасенс Е. К. Рогожин из небольшого крымского города Саки. Объектом воздействия был волан от пинг-понга. "Волан немного подпрыгнул, медленно поднялся в воздух и завис между ладонями Рогожина. Вот он поднимает их вверх, словно держа невидимый аквариум, а волан плавает в нем, как золотая рыбка. Руки начинают дрожать от напряжения, но волан остается неподвижным. Наконец, он опускается на стул вслед за ладонями".

Что происходит в физическом смысле, когда тот или иной предмет оказывается вот так, как бы "подвешен в воздухе"? Можно ли понимать, как то, что некая неведомая сила, порождаемая экстрасенсом, как бы уравновешивает силу тяжести? Или же — усилие экстрасенса уничтожает саму силу тяжести и именно поэтому предмет левитирует, т.е. висит в воздухе?

Сделав эту оговорку, отмеченную знаком вопроса, расскажу о том, чего удалось достигнуть в этой области московскому экстрасенсу Б.Ермолаеву в ходе экспериментов, которыми руководил профессор В.Н. Пушкин.

Взяв какой-нибудь предмет, Ермолаев какое-то время держит его пальцами обеих рук, затем разжимает руки и предмет остается висеть в воздухе. Вот как сказано об

этом в официальном отчете: "Длительность эффекта оказывалась в прямой зависимости от времени задержки дыхания. Разжатие пальцев происходило после вдоха, предмет падал после того, как Б.Ермолаев выдыхал воздух. Средняя длительность подвешивания оказывалась при этом несколько больше 30 секунд".

Женщина-экстрасенс Э. Шевчук заставляла левитировать преимущественно удлиненные предметы: деревянные палочки, линейки длиной до метра, металлические спицы, а также сосуды с подкрашенной жидкостью или сыпучим материалом. "Удлиненный предмет брался в руки за конец, Э. Шевчук садилась на стул и свободный конец предмета опирался на пол (в качестве опоры в одном из экспериментов применялся лист стекла). Через некоторое

время Э-Шевчук медленно разводила руки и свободный конец наклоненного под острым углом предмета оставался висеть в воздухе. В некоторых случаях удавалось наблюдать зазор между опорой и нижним концом предмета (в этих случаях предмет целиком оказывался в воздухе). При отрыве рук обычно наблюдались слабые колебательные затухающие движения предмета, которые не совпадали с движением рук".

Однако за все надо платить. За чудо — тем более. Во всех случаях за усилия по "подвешиванию предметов" тем, кто делал это, приходится расплачиваться резким ухудшением самочувствия. Кулагиной после опытов по левитации не раз приходилось вызывать "Скорую помощь". У Ермолаева сеансы завершались иногда обмороками и рвотой. Шевчук для возвращения в нормальное состояние требовалось длительное время — иногда до месяца.

Как те, кто "подвешивают" предметы, комментируют то, что они делают?

Шевчук, говорится в официальном отчете, "находясь в измененном, особенно напряженном психическом состоянии, обращается с объектом, как с живым существом". Несколько иначе, но столь же несообразно с обыденным жизненным опытом, поступает и Ермолаев.

В самом начале эксперимента он "входит в своеобразный контакт с предметом, "уговаривает" предмет, "вводит в предмет часть себя самого, и подвешивание оказывается взаимодействием с этой мысленной моделью".

Небезынтересно, как случайная встреча оказалась тем поводом, который пробудил в Ермолаеве спавшую эту способность, о которой сам он не догадывался и не

подозревал. Как-то в гостях один из присутствовавших стал показывать то, что остальными воспринималось, как фокус: "подвешивал" в воздухе носовой платок, цветок астры.

Несколько недель под руководством нового своего знакомого Ермолаев тренировался упорно, и тщетно пытаясь научиться делать то же. Наконец, однажды, устав от многочасовых напрасных попыток и находясь как бы в полудремотном состоянии, он почувствовал вдруг, что пальцы его словно прилипли к предмету, который он

держал. С большим усилием он оторвал руки и... предмет повис в воздухе.

Позднее Ермолаев научился "подвешивать" предметы, не прикасаясь к ним.

Человек прагматичный вправе спросить, а зачем вообще понадобилось ему все это? Мне нечего ответить прагматичному человеку. Я знаю только один-единственный случай, когда Ермолаев попытался применить это поразительное свое умение в конкретной жизненной ситуации. Каким образом это происходило и что из этого вышло, рассказывает он сам:

— Однажды я совершил дорожную аварию. Мое дело вел следователь, очень культурный такой, с универси-

тетским значком, и я попытался, сам не знаю зачем, воспользоваться этой моей способностью. Обычно я могу только удерживать предметы в воздухе. Поднять и держать очень трудно. Но я все-таки попробовал. У него на столе стоял стакан с карандашами. Я очень постарался, "вынул" несколько штук и "подвесил" их. Они "плавают" над столом, я изо всех сил "держу" их, а он не видит! Склонился и пишет. А я не могу "держатъ" долго.

Секунд сорок держу. А он себе пишет. Тогда я взмолился: "Господи! — говорю про себя, — Если ты есть, сделай так, чтобы он посмотрел". И тут он поднял голову. Увидел штук пять карандашей, которые висели, плавая в воздухе, потом посмотрел на меня и говорит: "Вы мне это — бросьте?" И опять стал писать. Он продолжал вести мое дело и встречался со мной еще около месяца. И при этом ни разу, ни разу даже не спросил, что это было, как я делал это. Очевидно, настолько был уверен, что это невозможно, что сознание его просто отбросило то, что было у него перед глазами. И это человек с университетским значком!

Невольно вспоминается другой эпизод, связанный со следователем, занимавшимся похищенным ожерельем — у него на глазах был продемонстрирован телекинез.

Тот, если помните с готовностью принял феномен (не говорю, каким последствием обернулось это). Второй же не только не проявил ни малейшего интереса, но оказался не способен даже воспринять то, что происходит у него перед глазами. Понадобились

два поколения, чтобы появился тип человека, чье восприятие необычного, необъяснимого чуда оказалось заблокировано столь глухо. Едва ли, думаю, правомочны обида, недоумение или досада в адрес таких людей, с детства попавших под чудовищный идеологический пресс и превратившихся в то, что они есть. А разве научное сообщество не точно так же реагирует на эксперименты Кулагиной и других, подтвердивших факт телекинеза, и левитации?

Что касается науки, то, если говорить о советской, здесь одно нашло на другое: традиционная инертность научной парадигмы оказалась подкреплена еще и жесткой идеологической догмой. Вот почему, как узника, заключенного в камере, нельзя винить за то, что он не выходит на свободу, так и узников мысли и невольников духа не должно упрекать за их несвободу.

Сами факты и свидетельства левитации известны были с древнейших времен.

Люди же науки впервые соприкоснулись с феноменом, насколько могу я судить, лишь в прошлом веке. Я имею в виду опыты известного английского экстрасенса [^] Дугласа Юма, которые он проводил в присутствии МНО- IS гих известных ученых. В 1874 году Юм побывал в России.

На его экспериментах в Петербурге присутствовали 1 ряд выдающихся русских ученых того времени. Любопытную запись о виденном оставил такой авторитетный свидетель, как Бутлеров.

"- "Заседание, — писал он, — " происходило в моей квартире, " в моем кабинете; поэтому я не мог положительно знать, что ,ду не было сделано никаких механических или других приготовлений: все присутст

вовавшие были мне знакомы; общество сидело за четырехугольным столом, покрытым короткою шерстяною скатертью, на нем во время происшедших явлений горели две свечи (стеариновые). Кроме сидящих за столом никого в комнате не было.

Юм взял со стола стоявший на нем колокольчик и подержал его на некотором расстоянии от края стола и немного ниже уровня столешницы. Колокольчик и рука Юма были освещены светом свечи. Спустя несколько секунд Юм отнял руку, и колокольчик остался свободно висющим в воздухе, не прикасаясь ни к столу, ни к

ковру, ни к чему-либо другому. Господин, между которым и Юмом стояло кресло, мог совершенно близко наблюдать за висящим в воздухе колокольчиком. Замечу, что этот господин был хорошо известный русской публике пожилой ученый и литератор*, с Юмом он незадолго до того

познакомился у меня, желая воспользоваться случаем видеть странные явления. Я сидел на противоположной стороне стола; в то время как колокольчик висел в воздухе, я встал и через стол совершенно ясно видел верхнюю часть колокольчика. Вскоре после того колокольчик упал на колени Юма, но вслед затем опять поднялся в воздух без всякого к нему прикосновения, и после того спустился на ручку кресла, где и остался. Во все это время колокольчик не выходил из ярко освещенного пространства. Руки Юма и других присутствовавших, а также все предметы находились на некотором расстоянии от висящего в воздухе колокольчика".

Безусловно, кто-то может сказать, что сообщение о фактах, когда кому-то удавалось изменять вес предмета или даже "подвешивать" его в воздухе, разрозненны и одиночны. Но кто возьмется утверждать, сколько раз

факт должен воспроизводить сам себя, чтобы подтвердить собственную реальность? Четыре раза? Шесть раз?

Восемьдесят восемь? Впрочем, тот, кто способен производить такие действия, бывает мало озабочен — кому-то доказывать что-то, кого-то в чем-то убеждать. Зачем?

Продолжая экскурс в историю вопроса, приведу эпизод, связанный с Е.П. Блаватской*. Как-то, когда по возвращении из Тибета в Россию, она была в доме своих родных, брат ее, подшучивая над ней, стал предлагать ей продемонстрировать что-нибудь загадочное, чего бы никто из присутствовавших не мог объяснить. Наконец, когда ей надоело это, она предложила ему поднять первое, что оказалось перед глазами — небольшой шахматный столик, стоявший рядом. Он без труда сделал это. Несколько секунд Блаватская смотрела на столик, после чего предложила ему сделать это еще раз. К величайшей его растерянности и изумлению теперь поднять его он не смог — таким тяжелым стал он внезапно. Другие присутствовавшие тоже пытались сделать это, но с тем же успехом.

Они оторвали даже крышку, но не смогли ни приподнять, ни сдвинуть столик с места.

По словам самой Блаватской, способности эти она почерпнула из эзотерической практики Индии и Тибета, где провела не один год.

В нашей стране магическая практика тибетского ламаизма издавна известна была в Бурятии. В числе ее приемов было и изменение веса предметов, левитация.

О таком факте рассказывается в очерке русского путешественника Черепанова, побывавшего в середине прошлого века у бурят Восточной Сибири. Не с чужих слов, а как очевидец описывает он сцену левитации, которую наблюдал сам.

"Собственник украденной вещи, — писал он, — просит у ламы указать ему место, где спрятана вещь, и лама называет ему день, когда тот должен явиться за ответом.

В назначенный день он садится на землю перед небольшим квадратным столиком, кладет на него руки, углубившись в чтение книги на тибетском языке. По прошествии около получаса он отнимает от стола свои руки, но оставляет их в том же положении, в котором они были на столе. Тотчас же стол сам собой поднимается в воздух, следуя за движением рук. Лама поднимает, наконец, руки выше головы и стол, по-прежнему следуя за движением его рук, поднимается до уровня глаз. Тогда лама делает движение вперед и стоя опять следует перед ним. Лама идет вперед и стол идет перед ним в воздухе с такою все увеличивающеюся быстротою, что лама под конец едва успевает за ним. В том случае, свидетелем которого я был сам, стол пролетел большое пространство около ста метров".

Такое движение стола в воздухе указывает ламе место, где была спрятана украденная у кого-то вещь. Безошибочность такого указания подтвердилась и в случае, свидетелем которому был путешественник. Правда, в этой ситуации я акцентирую не это, а факт левитации, поднятия предмета в воздух.

Магические ситуации изменения веса предмета известны и в практике русских гаданий. Если в деревне по какому-нибудь криминальному делу оказывалось несколько подозреваемых, то, чтобы не доводить дело до суда и до властей, решали это проще. Каждый из подозреваемых бросал в воду ветку. Тот, чья ветка не

тонула, считалось, был виноват. Обычай этот, до последнего времени сохранявшийся в отдаленных местах, имеет вариант: вместо веток в воду одновременно бросают свернутые записки с именами подозреваемых.

Если среди них есть записка с именем того, кто действительно виноват, она не пойдет ко дну или будет тонуть последней.

Иными словами, изменение веса несет совершенно четкий смысл по двоичной системе "да — нет".

Любопытно, что такой же смысл придается изменению веса предмета и в шаманской практике. У юкагиров, обитающих на самом дальнем северо-востоке Сибири, существует обычай по смерти шамана изготавливать из дерева нечто вроде его копии. Деревянная статуя облачается в соответствующие одежды, помещается на почетное место. Там же, где должна была быть голова, водружается череп умершего шамана. В трудных жизненных ситуациях к этой статуе юкагиры обращаются за советом. Ей задают вопрос и потом поднимают ее. Если она оказывается необъяснимо легкой, это означает "да", если тяжелой — "нет". Различие веса в том и другом случае оказывается столь велико и наглядно, что не вызывает разночтений.

Магический смысл изменения веса предмета, известен был и в Древнем Египте. В городе Карнаке, когда торжественная процессия несла изображение Амона-Ра в священной ладье, по ходу церемонии в какой-то момент ладья становилась такой тяжелой, что носильщики не могли нести ее и им приходилось останавливаться и ставить ее на землю. Считалось, что этим знаком Амон-Ра являл свое присутствие.

Ситуация эта, не вписывающаяся в реальность нашего мира и опыта, тем не менее имеет как бы продолжение. Ныне в тех же местах почитаем местный мусульманский святой Абу-эль-Хагаг. Когда хоронили одного из его потомков и носильщики несли его к Нилу, произвольно повторяя путь древней церемонии, им дважды пришлось останавливаться и ставить носилки на землю: тяжесть их внезапно становилась непомерной.

Никто не знает и не может сказать, каким образом, под воздействием чего происходит это: действительно ли действуют силы, лежащие за пределом нашего мира и дающие знать о себе, или,

может, в этом проявляется что-то осознанное или направленное воздействие. Как делает это Блаватская.

Возможный взгляд на физическую сторону феномена несут опыты, которые ведутся в лаборатории А. Ф.

Охатрина. "В серии экспериментов по левитации, — рассказывает он, — участвовала женщина-экстрасенс.

Сосредотачиваясь определенным образом, она делала так, что предметы зависали в воздухе. Такой предмет, даже камень, берешь двумя пальцами, поднимаешь его и чувствуешь, что он ничего не весит. Потом разжимаешь пальцы и некоторое время, доли секунды, он висит в воздухе. Затем начинает медленно падать, потом еще раз сам зависает в воздухе. Очевидно, в этот момент "наводка" из него выходит окончательно и после этого он падает уже как "обычно".

Говоря о физической стороне происходящего, я имею в виду некоторые открытия, сделанные в последнее время. В ряде лабораторий были обнаружены признаки существования новых сверхлегких слабо взаимодействующих частиц. А.Ф. Охатрин и его коллеги обозначают эти частицы, как "микролептоны". За рубежом их называют иногда "аксионами". Масса частиц определяется как 10^{-36} – 10^{-41} грамма. Микролептоны, по мысли Охатрина, заполняют практически все среды — и землю, и воду, и воздух, и космос, как ближний, так и дальний. Частицы эти образуют поля, очень тонкие, слабые. По мысли Охатрина, микролептонная концепция объясняет эффект левитации следующим образом. Масса, как инертная, так и гравитационная, зависит от плотности и температуры микролептонного газа в предмете. Конкретно — от сверхтонких микролептонов с массой 10^{-36} г. Они-то и определяют гравитацию. Если этот микролептонный газ из них удалить любым способом, тогда получается компенсация массы, т.е. предмет на это время теряет вес.

— Мы, — говорит он, — в лаборатории делали это посредством генераторов микролептонных полей и микролептонных волн. Сколько работает генератор, столько длится эффект. Такие результаты достигнуты не только нами. Мне известен примерно десяток исследований, советских и зарубежных, которые работают в этом направлении. Достигнута компенсация массы от 1/2% до 15%, иногда до 100%. Иными словами, до полной потери

веса. Пока из такого предмета микролеп-тоны убраны, оно висит. Мы использовали в наших опытах предметы до 20 килограмм. Такой тяжелый предмет висел доли секунды. Более длительная полная потеря гравитации достигалась у предмета, весившего граммы, это был древесный уголь.

Значит ли это, что экстрасенсы, ламы и колдуны, вызывающие левитацию предметов, воздействуют на них по тому же принципу, что и генераторы микро-

лептонных полей. Во всяком случае, такова одна из точек зрения.

Упасть и не разбиться

С тех пор, как начали возводиться многоэтажные дома, с разных их этажей стали вываливаться на улицу кошки. Если, зная вес животного и высоту падения рассчитать силу удара, оказывается, что у кошки, упавшей с 10—12 этажа, уцелеть нет ни малейшего шанса.

Тем не менее, если судить по свидетельствам и сообщениям, временами появляющимися в прессе, чаще всего животное отделяется лишь царапинами и испугом.

Сила удара зависит от трех переменных: веса, высоты падения и деформации (меры сопротивления) поверхности, на которую падает кошка, любое существо или предмет. Сила удара, который испытывает животное, вычисляется по формуле $F = p \cdot H/h$, p — вес кошки, H — высота падения, h — глубина, на которую она упадет.

Если рассчитать силу удара, которую испытает кошка весом в 1 кг, упав с 11-этажного дома и оставив в земле вмятину, скажем в 3 см, то удар этот окажется равным одной тонне!

От силы такого удара не уцелела бы не только кошка, но, думаю, даже бык или буйвол. Остается предположить, что в реальности удар этот оказывается во много раз меньше, чем следовало бы из расчета. За счет чего? Посмотрим на формулу еще раз. Высота падения H стать меньше, очевидно, не может, h — углубления от удара практически обычно не остается. Значит p — вес? Получается, что кошка может уцелеть только в одном случае: если вес ее во время падения уменьшится в несколько раз.

Напомню опыты по левитации, когда экстрасенс усилием воли уничтожает вес предмета, заставляя его "повиснуть в воздухе". Если это действительно происходит, а свидетельства, акты экспертизы,

фото- и кино- документы подтверждают это, остается предположить тогда, что живое существо в состоянии крайнего стресса способно оказывать подобное же левитирующее воздействие на свое собственное тело. Наблюдения над животными, падающими с большой высоты, — не единственный аргумент в пользу того, что происходит, очевидно, именно это.

Время от времени газеты сообщают также о детях, падающих из окон или с балконов верхних этажей домов.

Причем такие падения иногда совершенно необъяснимо завершаются благополучно. Трехлетняя Анни Дарбинян, упав с девятого этажа, пролетела около тридцати метров.

"Ее сразу же увезли в больницу, — сообщали корреспонденты "Известий". — Но врачам не оставалось делать ничего другого, как угощать необычную пациентку конфетами и дарить ей игрушки. Девочка отделалась легкими ссадинами и небольшой царапиной. Рентген не показал никаких изменений, подробнейшее обследование подтвердило первоначальный вывод — ребенок практически здоров. Анни была выписана из больницы".

Если попытаться рассчитать силу удара при падении, то согласно уже известной нам формуле, она должна была бы составить около пятнадцати тонн. Страшно представить себе, что стало бы с ней, если бы такой удар ей пришлось принять в действительности.

Появляясь время от времени в разных газетах, такие сообщения как бы повторяют друг друга. В Ленинграде Андрюша Иванов свалился в лестничный пролет, пролетев пять этажей. Причем приземлился он не на снег, не на землю, хотя и они в этом случае мало чем помогли бы, а на бетонную, покрытую керамическими плитами лестничную площадку. Мальчика сразу отвезли в больницу, но после тщательной проверки он тоже вскоре был выписан: ни ушиба, ни синяка, ни царапины.

Судя по всему, дети ближе к неким исходным параспособностям, которые покидают человека в более зрелые годы. Известно, например, что именно дети пригодны для некоторых ясновидческих сеансов. Дети же — неременная деталь, сопровождающая явление полтергейста. По всей вероятности, в момент падения в стрессовой

ситуации у них включается на какие-то секунды некий механизм, блокирующий силу тяжести.

В отличие от детей, для взрослых падение с большой высоты завершается обычно трагически. Единственно исключение, которое известно мне, — случай, зафиксированный в советском издании "Книги Гиннеса".

Пассажирский самолет Ан-24 столкнулся в воздухе с военным самолетом. Произошло это на высоте 5600 метров. Лариса Савицкая, одна из пассажиров, падавшая с этой высоты, осталась жива. Пользуясь формулой, которую я привел выше, нетрудно рассчитать ту чудовищную силу удара, который должна была бы она претерпеть, если бы в этой ситуации сработали (а они

должны были бы сработать) неумолимые законы физики. Но этого не произошло. Законы природы, известные нам, отступили перед иным началом, иной силой. Силой, очевидно, как я говорил уже, исходно заложенной и в человека, и в животное и пробуждающейся в исключительных обстоятельствах.

Возможно, к этому же числу наблюдений относится утверждение, будто тело спящего человека или умершего становится тяжелее. Мне неизвестны попытки как-то проверить это наблюдение, но одним из первых высказал его еще Плиний Старший*.

Парящие силою молитвы

Можно только гадать, на каком из пультов сознания или бессознательного лежит та кнопка, прикосновение к которой включает этот механизм, механизм потери веса своего тела. Как бы то ни было, сами ситуации, в которых срабатывает он, оказываются разбросаны достаточно далеко. Механизм левитации может включаться во время падения с большой высоты — у животных (кошек) и человека (детей). Либо в состоянии гипноза (речь об этом впереди), либо в молитвенном состоянии. Большая группа таких сообщений относится к святым.

Однажды, повествуют Четьи-Минеи*, Иоанн Новгородский, архиепископ Новгорода и Пскова, досадуя за что-то на свою паству, решил покинуть город. Утром новгородцы увидели своего пастыря на плоту, который, к изумлению и ужасу всех, медленно двигался не по течению, а против него. Весь причт и народ поспешили "по берегу

реки Волхова ко святого Георгия монастырю, умилне глас испущающе, глаголаху: возвратися, честный отче, великий святителю Иоанне, на престол свой, и не остави чад своих сирых, и не помяни еже согрешихом к тебе". Сжалившись над ними, "святой же послуша моления их, тако по воздуху носим к берегу приплоче".

Если новгородцы видели своего архиепископа летящим по воздуху над Волховым, то москвичи, утверждает предание, не раз видели Василия Блаженного, перебежав-

шим Москву — реку прямо по воде. Другой случай левитации, как называли бы это сегодня, связан с именем игуменьи Старо-Ладожского Успенского монастыря Епраксии (начало XIX в.). Послушницы и посетители монастыря свидетельствовали, что не раз замечали: когда она шла на лыжах, на снегу не оставалось следа.

Игуменья двигалась над снегом, не касаясь его, подобно тому, как Василий Блаженный, левитируя, "бежал над водой" Москвы-реки.

Но Василий Блаженный был не единственный, кто делал это. Другим, о ком известно это, был блаженный Федор, юродивый новгородский. Старинная надпись на раке над его мощами среди прочего гласит: "...с Софийской на торговую сторону прехождаше по воде реки Волхова аки по суху".

Еще одно упоминание о феномене связано с именем тоже юродивого, блаженного Симона из городка Юрьевец-Повольска. Некоторые жители несколько раз случайно видели его ночью переходящим Волгу прямо по воде. Когда же один из них, некий Петр Сутырев встретил его, выходящим на берег, юродивый просил его никому не говорить о виденном, пока он жив.

Многочисленны сообщения и свидетельства о святых, которые во время горячей молитвы также теряли вес тела и, поднявшись вверх, парили в воздухе. Как-то к Серафиму Сарочскому привезли больного юношу. Петербургские врачи не могли помочь ему и его, как он был на кровати, внесли а ' пастырскую ограду. Старец велел перенести больного в свою келью. Когда же они остались одни, сказал ему:

— Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться.

Только, смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся.

Больной, послушный слову старца, долгое время лежал, не оборачиваясь, когда же любопытство взяло верх и он оглянулся, то увидел отца Серафима стоящего в воздухе в молитвенной позе. От неожиданности он вскрикнул, старец же не прервал молитвы, а когда кончил молиться, подошел к нему и сказал:

— Вот теперь будешь всем толковать, что Серафим святой, молился в воздухе. Господь тебя помилует. А ты смотри, огради себя молчанием и не открывай того до дня преставления моего. Иначе болезнь к тебе опять вернется.

Больной вышел из кельи сам, без чьей либо помощи, опираясь лишь на костыль, а вскоре бросил и его — стал совершенно здоров. Слово же свое он сдержал и о том, что видел в келье, рассказал только узнав о кончине старца.

Если верить авторитетным историческим свидетельствам (а не верить им нет причин), во время молитвенного экстаза поднимались в воздух и многие католические святые. Один испанский святой в присутствии толпы паломников по воздуху перелетел через реку. Другой, епископ Валенсии, вообще парил в воздухе целых двенадцать часов. Множество монахов и мирян, писал современник, сбегалось и съехалось с окрестных мест, чтобы наблюдать это чудо.

Общее число святых, которых католическая традиция связывает с феноменом левитации, приближается к 230, но два имени стоят в этом перечне обособленно, отдельно от других. Это святая Тереза из Авила (1515 — 1582) и святой Иосиф из Копертино (1603—1663). Главным поводом для канонизации явилась очевидность благодати, в которой пребывали они. Проявилось же это в них — поднятием в воздух и парением во время молитвы.

В подробной биографии св. Иосифа, составленной волей Святого престола еще при его жизни, упоминается около шестидесяти случаев, когда он поднимался и парил какое-то время в воздухе в присутствии множества свидетелей. В их числе, кроме многочисленных прихожан, монахов и иерархов церкви, влиятельные и авторитетные люди того времени. Среди них был и Лейбниц*.

Будучи привезен в Ватикан и представлен папе Урбану УШ, Иосиф тут же, в приемном зале в молитвенном экстазе поднялся в воздух. Это произвело такое впечатление на самого папу, что он, благословив Иосифа, сказал, что готов лично подтвердить то, что произошло в его присутствии.

Входя в транс, св. Иосиф полностью терял контакт с внешним миром и не помнил ни себя, ни того, что происходило с ним. Иногда, поднявшись в воздух, он пролетал по нему какое-то расстояние. Несколько раз экстаз охватывал его, когда он находился под открытым небом и тогда он взлетал до вершин деревьев. В одном случае он так и остался на верхушке дерева, причем очень тонкая ветка, на которой оказался он, не только не сломалась, но даже не согнулась под ним. Послушникам пришлось нести длинную лестницу, чтобы снять его оттуда.

В отличие от Иосифа, св. Тереза сохраняла полное сознание, когда во время молитвы она чувствовала вдруг, что ноги ее отрываются от пола и какая-то сила поднимает ее к потолку кельи.

Упоминания о левитации можно найти и в практике других вер. Достаточно много таких сообщений, исходящих от европейцев, относится, в частности, к Индии.

Известный французский путешественник и исследователь Жаколио в своей книге, вышедшей в прошлом веке, описывает эпизод, свидетелем которого был он сам. По просьбе ученого некий йог, которого Жаколио называл "факир", как принято было в то время, продемонстрировал ему сеанс левитации. "Я мог. — пишет Жаколио. — с

точностью определить высоту, на которую он поднялся благодаря тому, что позади факира находилось шелковое драпри, окруженное цветными полосами, и я заметил, что достигнув наибольшей высоты, ноги его находились в уровень с шестой полосой. Видя его поднимающимся, я тотчас же вынул свой хронометр и мог определить, что с того момента, как он стал подниматься, до момента, когда ноги его снова коснулись земли, прошло немного более восьми минут. Он оставался около пяти минут совершенно неподвижным, достигнув наибольшей высоты".

Оставляя в стороне другие многочисленные свидетельства такого рода, относящиеся к Индии, упомяну из них лишь два. В 1862 году принцу Уэльскому во время его визита в Индию был продемонстрирован сеанс левитации. В 1936 году в Индии же был снят документальный фильм, запечатлевший этот феномен. Такой же фильм о левитации колдуна был отснят в 1975 году в Того (Африка).

Как подтверждение того, что феномен левитации не оказывает предпочтение ни одной из религий, ни одной из вер, приведу свидетельство, относящееся к мусульманской практике. Знаменитый дервиш Туркмен-суфиев Кебалёк (Бабочка) во время радения ("закра") сначала впадал в беспамятство (очевидно, глубокий транс), а затем, рассказывали очевидцы, принимался бегать по стенкам кибитки, "как муха", т. е. потеряв свой вес.

Без святости, вне благодати

Итак, углубленное молитвенное состояние, религиозный экстаз — условие появления феномена. Именно в таких состояниях тело внезапно теряет вес и человек поднимается в воздух. Однако помимо случаев, когда в воздух поднимались люди, осененные дарами духовности и благодати, известны и иные ситуации, когда проявление феномена отмечено не добром, а совершенно другим, диаметрально противоположным знаком.

Один из таких случаев произошел совсем недавно.

Женщина средних лет, сама какое-то время практиковавшая целительство, оказалась, как считает она, жертвой одной из ее пациенток. Ее, как говорят в таком случае, "смыли с креста". Иными словами, она оказалась как бы выведена из-под сени крещения и отдана во власть темных сил. Один из путей снять заклятие, т. е.

вернуть человека в лоно церкви, делается при помощи "отчитывания" — специальных служб и молитв, которые читает священник, наделенный этим даром.

Вот как рассказывала она сама о том, что за этим последовало:

— Была я в Печорах, в Печорском монастыре. Они, кто был там, сами удивились, что со мной там было. Я полетела там прямо по воздуху. В церкви во время "общей отчитки" мне приложили к голове пузырек с маслом от чудотворных икон. И у меня такая легкость

появилась, я как перышко стала. И полетела. Тело было в горизонтальном положении, летела метра полтора от пола. Все заахали. Священник говорит: "Расступитесь! Не трогайте ее". Я все слышала, все чувствовала. Просто не могла двигать ни рукой, ни ногой. Так спокойненько приземлилась. Встала — и все.

Ясно, что в этой ситуации не о святости и не о благодати может идти речь. Как-то в подмосковном совхозе "Коммунарка" появился полтергейст, и сама

собой начала подниматься на воздух и перемещаться мебель. Кульминацией стал случай, когда объектом воздействия оказался мальчик Юра, сын хозяйки. Рассказы вают его мать и старшая сестра:

— Как раз мы в больницу собрались, — вспоминает сестра. — Я вышла в коридор. Смотрю, Юра летит, как на воздушном шарике.

— Я говорю, — дополняет мать, — Юра, ты чего. — Он: Я прилетел. — Говорю: Как прилетел? — Он: Так. По лестнице летел, снизу вверх. Меня кто-то нес и вот сюда принес.

Вот так, в общем ряду, где проявляется феномен

левитации, и святые, и йоги, и шаманы, и темные силы, и полтергейст. Иначе говоря, ситуации, когда возникает этот феномен, столь различны, что представляется невозможным назвать какую-то общую закономерность, которая объединяла бы их. Значит ли это, однако, что такой общности вообще нет? Или вопреки нашему бессилию назвать ее, закономерность такая все-таки существует, но она лежит за пределами нашего опыта и нашего понимания происходящего? Второе представляется мне более вероятным. Это допущение дает мне повод упомянуть еще один факт левитации. Случай этот произошел с человеком, вообще не отмеченным, казалось бы, никакими паранормальными способностями, ни дарами благодати, ни безблагодатным знаком. Рассказ исходит от самого, пережившего этот опыт:

"В 1837 году, — вспоминал он, — мне было восемь лет от роду. Я был тогда хотя и крайне впечатлительным и нервным ребенком, но обладал вообще прекрасным здоровьем. Однажды летом в июне, когда все семейство уже жило в сельце Спешнево, Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, я спал в своей детской, находящейся во втором этаже очень большого дома, причем дверь из комнаты

этой выходила на незапертый и открытый балкон, обращенный фасадом своим в сад, близ которого протекала река Свияга.

Ночь, о которой пишу я, была довольно темная и душная, собиралась гроза, слышались отдаленные раскаты грома и блистала сильная молния. Разбуженный громом, я сел на постель и вдруг, когда молния озарила комнату, к ужасу моему увидел, что в двух шагах от моей кровати на балконе, держась за ручку стеклянной двери, стоит высокий седой лысый старик, с седой бородой, в длинной синей рубашке и босиком. Пораженный мгновенно непобедимым паническим страхом, я стремглав бросился бежать, вниз по лестнице, в сад и побежал по направлению к реке. Разбуженный шумом моих шагов, за мною бросился бежать спавший рядом в прихожей лакей Василий Кондаков и другая прислуга. Что было со мною далее, я не помню, но бежавшие за мною нашли меня в бессознательном состоянии на той стороне реки Свияги, переплыв ее вплавь. Свияга в сказанном месте шириною 12 сажень и глубиною до сажени, причем ближайший мост находится в трех верстах от дома. Я лежал в кустах ракитника — как был со сна, в одной рубашке и совершенно сухой. Привели меня в сознание очень скоро

вспрыскиванием воды, и случай этот никаких дальнейших последствий для моего здоровья не имел. Описанное в высшей степени загадочное происшествие было записано в календаре отца моего и помечено 1837 годом, 18-го июня, 24 минуты первого часа пополуночи.

Бежавшие за мною люди Василий Кондаков и Федор Плотников, а в особенности садовник Николай Ермаков и кузнец Архипов, переплывшие вплавь Свиягу, клятвенно удостоверили, что они ясно видели, как я быстро по воздуху переносился через реку почти наравне с водою.

Они только не могли точно определить места, где я упал, но нашли меня в кустах не более как минут через десять по переправе через Свиягу, так как беспрерывно блиставшая молния хорошо освещала всю ближайшую местность".

Насколько можно судить, в этой ситуации такая спонтанная левитация спровоцирована была сильным страхом. Страх же, эмоциональный стресс вызывает (предположительно) потерю веса и

в других случаях, как мы видели — при падении с большой высоты. Характерно, что и там, и здесь такая внезапная потеря веса оказывается возможна именно детей.

Вот еще один случай спонтанной левитации, происшедшей уже в наше время. Мне рассказывали об учительнице, которая как-то приехала со своим классом на экскурсию в Киев. У спуска к Днепру, на Владимирской горке, когда она была на верхней части лестницы, а ученики внизу, они стали махать ей и звать, чтобы она скорее спустилась к ним. И тут все увидели пожилую женщину с развевающейся юбкой, летящей по воздуху. Позднее моему корреспонденту, который встречался с ней, она сказала, что до этого такое было с ней только один раз, в детстве. Они с матерью собирали хворост в овраге, она очень захотела перебраться к матери на другую сторону, но овраг был глубокий, она не знала, как это сделать и вдруг — мгновение, в глазах темно, и через секунду она стоит уже на другой стороне оврага. Мать ее, которую в селении, где жили они, многие считали ведьмой, отругала ее и сказала, чтобы больше она никогда так не делала: "Если люди узнают, что ты это можешь, тебя все будут ненавидеть". Очевидно, мать знала, что говорила. Во всяком случае, когда она выросла, до этого случая с пей ни разу не происходило ничего подобного. А, может, просто не случилось ситуации, когда бы это могло произойти.

То, что люди с явным или скрытыми паранормальными способностями склонны к спонтанной потере веса, это в народе замечено было давно. Именно по этому признаку выявляли заподозренных в колдовстве в средневековой Европе. К этому же способу с древнейших времен прибегали славяне, причем традиция эта оказалась весьма живуча. Еще в прошлом веке на Украине в некоторых селах, чтобы выявить ведуний, вызвавших засуху*, женщин связанными опускали в воду. Те кто погружались и начинали тонуть, считали невиновными.

Если же какая в таком положении не тонула, это почти талось точным свидетельством, что она — ведьма.

В 1838 году киевский суд рассматривал дело по такому насильственному поголовному "купанию" женщин. Очевидно, суду хорошо известно было отношение народа к этому способу

выявления тех, чьи способности могли причинить вред окружающим. Возможно, поэтому, вынося решение, суд постановил оставить виновных без наказания по причине, как было сказано в решении, "их простоты". Правда, позднее высшая инстанция постановила все-таки наказать виновных десятью ударами плети через полицейских служителей, "чтобы удержать других от подобного бесчинства".

Сам прием этот, выявляющий носителей паранормальных способностей, имеет, очевидно, свой смысл.

Недаром народы пользовались им в течение многих веков. Очевидно, в ходе такого испытания срабатывает тот же механизм, что и у детей, падающих с большой высоты, когда они (предположительно) теряют вес. Как и ребенок, падающий вниз, оказывается во власти страха, так и женщина, связанная по рукам и ногам и брошенная в воду, должна испытывать животный, слепой страх, страх реальной смерти. Этот до-человеческий, над-человеческий, биологический страх смерти и включает, очевидно, тот самый неведомый механизм, который вызывает потерю веса.

Левитация по своей воле

Кроме всех этих свидетельств и фактов существует еще один, полученный в условиях эксперимента. Факт этот, который желающие могут возвести в ранг

доказательств, говорит о том же — человек наделен неким механизмом, способным уменьшать, а то и полностью лишать веса свое тело.

Университет в г. Грозном, на Северном Кавказе.

Кафедра психологии. Идет сеанс гипноза. Звучит голос гипнозистера:

— Вы находитесь в космическом корабле. Корабль выходит на орбиту. Все системы работают бесперебойно.

Как ваше самочувствие? Что видите в иллюминаторе?

Подопытный отвечает, что чувствует себя хорошо, никаких негативных ощущений нет. В иллюминаторе он видит удаляющуюся Землю и часть звездного неба — картина, очевидно, хорошо знакомая ему по многим репортажам из космоса. Сам он располагается в кресле, которое в свою очередь стоит на плоских

напольных весах. На табло горит постоянная цифра — отражающая вес испытуемого.

— Внимание! — продолжает гипнотизер. — Когда корабль выйдет на орбиту, вы придете в состояние невесомости. Тело ваше полностью утратит вес. Я предупрежу вас, когда это случится. Будьте готовы. Это произойдет на счет "три". Внимание: Раз! Два! Три!

При счете "три" цифры на индикаторе дрогнули и сместились. Испытатели не верили своим глазам. Вес исчез! Хотя продолжалось это только секунду-другую, эффект был! Человек стал невесомым.

Результат эксперимента был зафиксирован соответствующим актом.

Как полагают профессора В. М. Инюшин и А. П. Дубров, биополе может излучать гравитационные волны с определенными характеристиками. Возможно, именно такие гравитационные волны, гасящие естественное притяжение Земли, и могут нейтрализовать вес тела, вызывая подобный эффект.

Мне удалось связаться с Е. С. Волковым, проводившим этот опыт. Вот, что он мне написал: "Я действительно проводил в Чечено-Ингушском университете в лаборатории Яна Владимировича Пантюхина эксперименты по снижению и исчезновению веса у человека в состоянии измененного сознания (гипноз и проч.). Испытуемым был студент географического факультета Сулумов Лева. Сейчас он работает в районной школе. "Доброжелатели" рекомендовали мне прекратить эти и другие эксперименты в состоянии измененного сознания. В общем, теперь я работаю в пединституте.

Я. В. Пантюхин сейчас тоже не работает в университете, живет в Ростове-на-Дону".

Результаты этого эксперимента опубликовать не удалось до сих пор.

О том, что люди науки не любят, когда кто-то из их коллег получает результаты, расходящиеся с общепринятой догмой, я уже говорил. Впрочем, это известно и так.

Точно так же, вызвав только газетную, но не научную сенсацию, прошли сеансы левитации английского экстрасенса Даниеля Дугласа Юма, которого я уже упоминал.

В течение сорока лет он многократно демонстрировал левитацию в присутствии многих выдающихся людей, как, впрочем, и научных экспертов. Вот как описывал происходящее один из очевидцев, газетный репортер, настроенный достаточно трезво и скептически: "Совершенно неожиданно для большей части собравшихся, Юм поднялся в воздух. Я держал его за руку все время и я ощущал его ноги — они висели на расстоянии фута от пола. Он дрожал всем телом от противоборствующих чувств страха и радости, что заставляло его говорить голосом, который прерывался. Несколько раз он так взмывал с пола, пока в третий раз не оказался поднят к потолку, с которым его руки и ноги мягко соприкоснулись".

Что очень важно — левитация Юма не была спонтанной. Он мог управлять феноменом и вызывать его, когда хотел. В Париже Юм встречался с Блаватской, и какое-то время они проводили эксперименты совместно.

Среди тех, кто присутствовал на сеансах Юма и видел его летящим по воздуху, были известный ученый Уильям Крук, президент английской Академии наук ("Ассоциации по развитию науки"), другие ученые, писатели Марк Твен, В. М. Теккерей, Бульвер Литтон, Раскин. Во время посещения Юмом Петербурга на его сеансе левитации присутствовал известный писатель и поэт А. К. Толстой. "Юм поднялся в воздух, — писал Толстой в письме своей жене. — Когда он висел над нами, я мог обхватить руками его ноги".

Интересно, как комментировал происходящее сам Юм, что, по его словам, чувствовал он во время таких полетов. "С первого же раза, — писал он, — когда я испытал это, я никогда не чувствую страха, хотя, если бы я упал с потолка тех комнат, где я поднимался, мне бы не избежать серьезных повреждений. Как правило, меня поднимает перпендикулярно вверх. Руки часто я ощущаю как

бы скованными, они вытягиваются вверх над моей головой так, как если бы я пытался ухватить ту незримую силу, которая медленно поднимает меня над полом".

Я упоминал о св. Терезе и многочисленных случаях левитации, которые переживала она во время молитвы.

Вот как описала она сама, что испытывала при этом: "Когда я пыталась сопротивляться, я, казалось, чувствовала, будто какая-то

сила под моими ногами поднимает меня вверх... Ощущение это, должна признаться, повергало меня в великий страх, особенно первое время.

Осознавая, что тело мое поднимается подобным образом вверх, а дух, следуя за ним, ликует (если я не сопротивляюсь происходящему), я понимала, что сознание не покидает меня. Во всяком случае, я пребываю достаточно в своих чувствах, чтобы осознать, что тело мое поднимается в воздух... Когда это восторженное состояние проходит, тело часто продолжает оставаться как бы плавающим, и словно полностью утратившим вес, так что когда ноги мои касаются пола, я едва осознаю это".

К этим описаниям Юма и Св. Терезы, пытавшихся передать что испытывает человек, когда тело его становится невесомым и начинает подниматься вверх, как воздушный шарик, я добавил бы еще одно. Это рассказ Л. А. Корабельниковой. Я говорил уже, что в детстве она перенесла то, что очень напоминает "шаманскую болезнь". Одним из ее проявлений было то состояние, которое на языке обычных понятий обозначается как "лунатизм".

— В таком состоянии, — рассказывает она, — каждую ночь я выходила из дома. Неподалеку был пруд, и я часто приходила туда. О том, что я делала там, мне потом рассказывали родители, да я и сама хорошо помню. Я становилась в воду и шла по ней. Никогда не проваливалась. Всякий раз родители очень беспокоились за меня, хотя я умела плавать с четырех лет. Что я особенно хорошо помню — это лунная дорожка на воде.

Мне казалось, это так же естественно, как идти по земле.

В таком состоянии я стремилась залезть куда-то на самое высокое место. Это могла оказаться крыша или высокое абрикосовое дерево с шипами, которое росло возле дома.

Родители каждую ночь по очереди караулили меня. Но окликнуть или остановить не решались. Я могла испугаться — так сказали врачи. На дереве меня выдерживала самая тонкая ветка, которая была наверху.

Она не выдержала бы даже кошки. Днем, когда на нее садилась птица, она прогибалась. Иногда я стояла так на кусте шиповника, который был за домом...

Невольно вспоминаются случаи левитации св. Иосифа. Когда он оказался на дереве, на самой вершине, верхняя топкая ветка, на которой был он, не ломалась и даже

не прогибалась под ним.

Как видится из всего сказанного, поднятие в воздух, левитация, может проявляться как бы в двух формах.

Первая — это спонтанная левитация. Теряют вес либо даже поднимаются в воздух люди, наделенные какими-то паранормальными способностями. Происходит это в состоянии транса, либо даже в совершенно обыденной обстановке. Причем совершается это независимо от их воли, сами они на уровне сознания не прилагают к тому ни малейших усилий.

Другая группа случаев, это когда человек, наделенный этой способностью, знает, как достичь такого состояния и делает это намеренно. Так поднимался в воздух перед заранее приглашенной публикой Даниель Дуглас Юм.

Так поступали индийские "факиры" в случаях, упомянутых мной, и в других, которые я не назвал. Это же делают африканские колдуны. Так же, намеренно и осмысленно поднимался якобы в воздух исторический персонаж — Симон-волхв, упоминаемый в Евангелии, в Деяниях

16

апостолов, который "волховал и шумлял народ самарийский".

Очевидно, не только самарийский. Как утверждают апокрифы, Симон-волхв демонстрировал это свое

искусство и в Риме перед Нероном и его двором.

Называется конкретное место в окрестностях Рима, где по его просьбе была воздвигнута для этой цели специальная башня. "Затем Симон на глазах у всех поднялся на башню и, увенчанный лаврами, простер вперед руки и полетел. И когда Нерон увидел его летящим, он сказал Петру: — Симон был прав, ты же и Павел обманщики".

Тогда апостол, продолжает апокриф, стал пристально смотреть на летящего волхва и по его слову и молитве тот стал падать и упал на месте, которое называлось Сакра Виа (Священный путь).

Одно из частных проявлений того же феномена левитации — хождение по воде. Об этом также имеются свидетельства,

относящиеся как к близкому, так и к более

отдаленному времени. Одно из таких упоминаний содержит русская летопись (Лаврентьевский список).

"В Новгороде под 1071 год объявился волхв, который стал говорить, что перейдет всенародно Волхов прямо по воде. Народ новгородский взволновался. Тогда епископ облачился в священные одежды, взял крест и сказал:

— Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним. А кто верует во Христа, пусть идет к кресту.

Но жажда чуда оказалась столь велика, что весь народ пошел за волхвом. На сторону же епископа стал только князь Глеб Святославович с дружиной.

Видя это и чтобы не дать волхву действительно на глазах у всех пройти по водам Волхова, князь сам явился к волхву, спрятав при этом под полою топор.

— Знаешь ли, что будет сегодня? — спросил он кудесника.

— Сотворю великие чудеса, — ответил тот.

Тогда князь выхватил топор и убил его. Народ же, видя в происшедшем лишь то, что волхв не сумел предугадать ожидавший его конец и потому разуверившись в возможности чуда, разошелся.

Другое упоминание хождения по воде, известное в русских текстах, связано с именем Василия Блаженного.

Об этом я уже говорил. Надо полагать, что и волхв, явившийся в Новгород и так уверенно бросивший вызов епископу и самому князю, тоже владел техникой этого феномена.

Некий намек, как бы упоминание об условии такого хождения содержит эпизод, приводимый в Евангелии от Матфея. Когда лодка с учениками была на середине озера, апостол Петр, следуя примеру Христа, попытался идти по воде. "И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утонать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: "маловерный! зачем ты усомнился?"

Очевидно такая абсолютная вера — деталь не случайная, причем относящаяся не только к этому проявлению паранормального. Напомню: не это ли отсутствие малейшего

сомнения чувствовала и Корабельникова, когда в сомнамбулическом состоянии она ходила по воде пруда: "Мне было совершенно не странно, что я не проваливаюсь, не тону. Мне казалось, это так же естественно, как идти по земле".

•
Возможно, феномен этот — преднамеренной левитации, исчезновения веса — имеет еще одно проявление.

Существует обширный этнографический и фольклорный материал, упоминающий о полетах колдунов и ведьм. В сообщениях этих при всем их разнообразии присутствует, однако, одна общая черта: ни ведьма, ни колдун не могут просто так взять и подняться в воздух, как происходит это с разными чисто сказочными персонажами. Предварительно они должны принять некое снадобье и совершить определенные магические действия.

Только после этого, приведя себя в определенное состояние, могут они заставить свое тело потерять вес и подняться в воздух.

По русским народным повериям, раз в году ведьмы и колдуны слетаются на Лысую гору, сакральный пункт подобных встреч. Такие Лысые горы, с которыми связывается обычно дурная слава, мне показывали в разных регионах страны.

Этнографам удалось записать текст песни-заклинания, которую ведьмы поют якобы во время таких встреч. Песня эта представляет собой набор звуков и слов непонятных, не имеющих смысла и не поддающихся расшифровке. Правда, ключом, позволяющим догадаться, к чему восходит этот магический текст, может быть повторяющееся там слово "абракадабра". Насмешливое невежество обывателя сделало это слово синонимом "чепухи", "вздора". По иному расшифровали его исследователи. Оказалось, звукосочетание это встречается в магических заклинаниях, начертанных еще на глиняных табличках Древнего Шумера.

Если магический текст этот восходит к прошлому, столь отдаленному, можно предположить, что и сама практика эта имеет не менее древние корни.

То, что у человека действительно имеется некий механизм, способный вызвать уменьшение и полную потерю веса его тела, явствует из примеров, которые я приводил.

Механизм этот включается бессознательно в мгновенья крайней опасности, либо, как видели мы, под гипнозом.

Однако я хотел бы сказать здесь о другом. Я имею в виду свидетельства, пусть весьма косвенные и неопределенные, о том, что по сей день существует древняя практика, позволяющая преднамеренно вызывать потерю веса тела и левитацию. В отличие от феномена Юма, который мог вызывать это состояние просто усилием воли, практика эта предполагает соблюдение некоторых условий: пользоваться ее приёмами может только человек, наделенный паранормальными способностями;

применяются некие составы, изготовленные определенным образом, заклинания и магические действия; все это делается в строго определенный день и час.

Так, во всяком случае, явствует из разного рода сообщений и текстов, которые оказались доступны мне.

Вопрекиволс.

Некогда передвижение человека ограничивалось возможностями его собственных физических сил. С использованием животных возможности эти стали шире — появились кареты, коляски. Пределы эти раздвинулись еще больше с появлением разного рода технических средств — поездов, автомобилей, самолетов и даже ракет. Но, несмотря на эти столь разительные, казалось бы, перемены, все это — танцы, как бы не выходя из круга: передвижение человека продолжает оставаться чисто механическим. И сознание его, ограниченное рамками этого опыта, не может и представить себе, что возможны какие-то совершенно иные формы перемещения в пространстве.

В литературе, посвященной явлениям необычным и странным, существует термин "телепортация". Им обозначают перемещение человека или предмета на какое-то расстояние. Говоря точнее, перемещением в обычном смысле назвать это можно весьма условно: объект попросту исчезает в одном месте, чтобы тут же объявиться, материализоваться в другом. Как и в спонтанной левитации, перемещение такое может происходить совершенно произвольно. И так же, как и для ясновидения, расстояние для этого феномена не

играет ни малейшей роли. Мгновенный, неведомо чем вызванный перенос человека может совершиться как в

1 Г1Г

пределах каких-то десятков метров, так и на тысячи километров.

Приведу случай такой "ближней" спонтанной телепортации. Сообщение было опубликовано в одном из русских журналов начала века. "Г-жа А., возвращавшаяся в 1 классе почтового поезда из своего имения в Петербург вместе со своими детьми, была разбужена гувернанткой, сообщившей ей об исчезновении из вагона 11-летней ее дочери. Поднялась тревога, поезд задним ходом прошел 6 верст, искали девочку с фонарями по дороге, но нигде не нашли. По прибытии поезда на ст. Марьина Горка был послан экстренный поезд с 30-ю рабочими и факелами, причем г-жа А. всю дорогу прошла пешком, отыскивая дочь, но все напрасно.

Каково же было удивление и радость матери, когда она вернувшись на ст. Марьина Горка и войдя в общий зал, увидела свою дочь целою и невредимою, спокойно сидящую за чашкой чаю. Девочка ничего не помнила, что с ней было; по ее словам, она видела во сне, что она находится среди своих подруг, прыгающих с большой скирды сена на лежащие вокруг сенные копны (чем они и в самом деле в минувшее лето часто забавлялись), и она, взяв с собой подушку и плед, чтобы не ушибиться, тоже прыгнула; когда же очнулась от сна, то увидела, что лежит в мягкой мокрой траве, невдалеке от рельсов железной дороги, а потому подумала, что, вероятно, поезд потерпел крушение и ее выбросило вон. Вставши, она пошла на огонек и попала в избу какого-то крестьянина, который, по неимению лошадей, не мог ее тотчас же отвезти на станцию Марьина Горка, а доставил ее туда только уже утром, когда рассвело..." Прыжок, совершенный девочкою во сне, переместил ее вместе с подушкой и пледом из вагона идущего поезда на обочину железной дороги. Причем, поскольку по ее словам, какое-то время она продолжала спать и только проснувшись пошла на огонек, перемещение это, даже не прервавшее сна, произошло без-малейшего толчка и удара.

Не окажется случай этот известен журнальному репортеру, не будь он опубликован, не попадись он много лет спустя на глаза мне

или кому-то еще, эпизод этот так и был бы забыт и потерян, как, вне сомнения, потеряно и забыто множество подобных случаев. Точно так же, следя подобной случайности, сам я оказался однажды собеседником человека, пережившего подобный феномен.

Какое-то время назад в Москве при Политехническом музее, где есть отдел редких часов, работал мастер- часовщик. Привожу его рассказ, как я записал его в свое время:

— Вам, ученым, деньги зря платят, — говорил он. — Потому что никто не может объяснить, что произошло со мной однажды в жизни. А дело было очень просто. Я в Казахстане тогда жил, и был в тех местах лагерь для заключенных. Колючая проволока, вышки, собаки.

Лагерь как лагерь. Кто там сидел, за что — меня это мало волновало тогда. Сидят, значит нужно, значит, сделали что-то, за что сажают. Я вот ничего плохого не сделал, меня никто и не сажает. Тогда многие так думали. Но я не об этом. Молодой я тогда был, ну и выпивал крепко.

Сейчас я уже не могу так. Короче, загулял я там в одной компании. Что пил и сколько, сейчас, понятно, не помню. Но изрядно. Это уж точно. Возвращаюсь потом домой, поздни уже, темно. А поселок большой. Короче, заблудился я. Ходил, ходил — смотрю, колючая проволока. Значит, думаю, к лагерю вышел. Пошел обратно, опять проволока. Побродил я так, всякий раз в забор из колючей проволоки упираюсь. Что делать?

Решил лечь спать где-нибудь до утра. Лег под какой-то стеной и заснул. Лето было, тепло. Опять же — молодой.

Утром, рассвело только, солнца еще не было, проснулся я. Гляжу, где я, ничего понять не могу. Спал я под стеной барака. Там их несколько было. Осмотрелся — вокруг проволока в три ряда. И вышки. Оказывается, в зоне я очутился, в лагере. Увидел, где проходная — туда. Там дежурный офицер, двое солдат. У них глаза на лоб: "Кто такой? Как попал?" Я объясняю, мол, по пьянке. Говорю, не помню, как забрел. Смотрю, офицер этот испугался, серый весь стал. Увел меня в другую комнату. Заставил все написать. Прочел. Молчит. Потом порвал, что написал я, и даже обрывки скомкал, в карман сунул.

Говорит мне: "Три ряда проволоки видел? Там ток пущен. Пройти там ты не мог. Мог только через проходную. А двери заперты изнутри, ключи в сейфе.

Мы на территорию никого не впускали. Если бы впустили или выпустили без пропуска, нам трибунал. А раз непонятно, как ты сюда попал, получается, что это мы пустили тебя в зону. И место всем нам, и мне и солдатам, что дежурят, в таком же лагере. А тебе, раз ты появился здесь и не говоришь, как попал и зачем, тебе — самый большой срок. Соображаешь?" У меня, хоть после

вчерашней пьянки голова, как чугунная, но понял я сразу. "Все, — думаю, — конец. Не отмотаться". Сидим друг перед другом, что делать, не знаем. Ему срок и мне.

Ну и солдатам тем двум, что с ним, это уж точно.

Закурили. Молчим. Потом он говорит мне: "Ладно.

Придумал я, кажется. Жди здесь". И ушел к солдатам.

Сижу я ни жив, ни мертв. Что он задумал? Убьют, может.

Пришел он быстро. "Живей", — говорит. Провел меня через темный тамбур такой. Ключами несколько запоров открыл в железной двери. Потом еще дверь, замки.

"Иди, — говорит. — Никому ни слова. Если трепанешься, всем срока! Дуй". Не помню, как до поселка добрался. Но никому об этом деле не сказал. Дурной был, а понимал.

Понимал, что не шутил он. Это уж каждому ясно. Через несколько дней встречаю его, этого офицера. Поселок-то маленький. Один он был. Я хотел было к нему, но он глазами показал: "Не подходи!". Так и встречались несколько раз, как незнакомые. Потом, видно, перевели его куда-то. И я тоже уехал. Такая история. Сейчас-то я уже могу говорить, как было. А почему так получилось, объяснить никто не может. Не по воздуху же я над проволокой пролетел? Три ряда все же. И ток пущен.

Может, ты скажешь?

Кроме случаев такой как бы "ближней" телепортации, переноса, известны и другие, когда человек оказывался перенесенным столь же необъяснимым образом на многие тысячи километров.

В один из октябрьских дней 1593 года на улицах Мехико появился человек, растерянный и потрясенный.

Он не знал города, в который попал, никогда не был в нем и не мог объяснить, каким образом он очутился там.

На нем был незнакомый военный мундир — как оказалось, одного из филиппинских полков. Всего за несколько секунд перед тем, как появиться здесь, он стоял на часах во дворце губернатора в Маниле, на противоположной стороне Земли. Случай этот, запечатленный в хронике тех лет, к счастью, не привлек внимания инквизиции. Куда печальнее оказалась судьба другого человека, жителя Гоа, португальской колонии в Индии, мгновенно и столь же необъяснимо перенесенного на свою родину, в Португалию. Поскольку он не отрицал того, что произошло с ним, и не мог дать никакого объяснения тому, что произошло, святая инквизиция обвинила его в нарушении божественного порядка вещей, и в 1655 году он был приговорен к

сожжению. Протокол трибунала и приписка при нем, что приговор приведен в исполнение — единственный след, который остался в истории от судьбы этого человека и самого происшествия.

Сообщения такого рода рассеяны по времени и по разным странам. Если продолжать говорить о телепортации на большие расстояния, то один из последних таких случаев, известных мне, относится к маю 1968 года. Доктор Жеральдо Видаль вместе с супругой оказались таким же образом внезапно и необъяснимо перенесены из аргентинского города Баия Бланка в Мехико.

Поскольку подобное событие не предусмотрено ни одним страховым полисом, супругам пришлось связываться со своим банком и брать билеты за собственный счет, чтобы за десять тысяч километров вернуться домой.

О том, как может открываться перед человеком ситуация такой телепортации, что может чувствовать он при этом, можно представить себе со слов Корабельниковой, пережившей дважды нечто близкое к такому состоянию.

— Несколько лет тому назад, — говорила она, — я обнаружила, что временами я как бы исчезаю. Первый случай был на работе, в красном уголке. Окон в том помещении нет, сверху светят лампы дневного света. Я была там одна и вдруг заметила, что помещение ярко осветилось, словно солнечным светом. Я подняла голову и

увидела, что яркий свет исходит от одного из углов комнаты. Угол комнаты как бы исчез и там появился даже не пейзаж и как бы кусок леса. Обычный лес средней полосы России. Угол и часть стены пропали и вместо них начинался лес. И меня стало сильно тянуть туда. Возникло желание уйти в этот лес, и я знала тогда, что могу сделать это. Могу уйти и оказаться там.

Длилось все это минуту, может быть, полторы.

Другой случай произошел какое-то время спустя. Я была у знакомых, оставалась там ночевать. Там была ванна с совмещенным санузлом. Я находилась в ванной, чистила там перед сном зубы. И вот я стою перед зеркалом и вдруг вместо своего лица вижу песчаную дорогу, уходящую куда-то. И пальмы. Раздается как бы музыкальный звук или аккорд и я туда ухожу.

Совершенно не удивляясь, бездумно направляюсь туда и иду по этой дороге. По песку. В этот момент кто-то захотел зайти в туалет. Дверь была не заперта, он заходит, а меня там нет. Квартира однокомнатная.

104

Исчезнуть я никуда не могу. Тем не менее, меня нет.

Переполох и недоумение. Минут через десять-восемь я возвращаюсь. Появляюсь не в ванной, откуда ушла, а прямо в комнате. Я была босиком, и ноги мои были еще горячие от песка.

Случай, завершившийся благополучно. Она вернулась. Очевидно, однако, могла бы и не возвратиться. О чем бы говорили тогда? О внезапной телепортации? Или об исчезновении?

Не такой ли спонтанной телепортацией связаны и некоторые случаи странных исчезновений. Люди исчезают внезапно, бесследно и необъяснимо. Случаи такие происходили и происходят во всем мире. Я имею в виду те ситуации, которые не могут быть объяснены никак.

Исчез парализованный старик, которого близкие вывезли в кресле и на пару минут оставили одного у дверей своего дома. В пустом кресле остался только плед, которым был он укрыт. В прошлом веке на глазах своего слуги в Берлине на безлюдной улице исчез служащий британского министерства иностранных дел. Он соби-рался садиться в запряженную карету, но в последнюю минуту,

сказав слуге, что хочет проверить 'упряжь подошел к лошади. Слуга, стоявший у дверцы, видел, как он стал осматривать вбрую и через секунду его уже не было. Карета и упряжка стояли одни на пустынной мостовой. Так же, буквально на глазах, исчез молодой человек на окраине Глазго ранним новогодним утром 1966 года. Три брата шли по дороге, направляясь с праздничным визитом к родственникам, как это принято в этот день по шотландским обычаям. Они говорили о чем-то как вдруг буквально на полуслове обнаружили, что самого младшего Алекса с ними нет. Он исчез и никогда так и не был найден.

Перечень таких исчезновений, внезапных и необъяснимых, повторяю, весьма велик. Как пример приведу еще один случай происшедший в Москве. К человеку зашли друзья по работе. Кончились сигареты и он, набросив пиджак, как был, в тапочках, спустился в гастроном, который был в том же доме, а вход его — в соседнем подъезде. Ждали его напрасно, он так и не вернулся. Исчез бесследно среди бела дня на пространстве в несколько десятков метров.

Возможно, с этим явлением связана и тайна исчезнувших экипажей. Известны десятки случаев, когда на

морских путях встречались небольшие суда и яхты, без единого человека, плывущие по воле ветра и волн. Что могло заставить экипаж и пассажиров внезапно покинуть их в открытом море? Неизвестная эпидемия, внезапное безумие всех, оказавшихся на борту — эти объяснения, думаю, не могут казаться убедительными даже самим их авторам. Кроме того, ни одна из этих версий не объясняет случаи, когда люди исчезали с борта летящего самолета.

Когда в 1947 году внезапно потерял управление и разбился американский двухмоторный самолет, на борту его находилось тридцать два человека. Однако спасатели, прибывшие вскоре на место аварии, не обнаружили там ни одного ни погибшего, ни живого. Не было ни крови, ни малейших следов, которые свидетельствовали бы, что в момент удара на борту находился хотя бы один человек.

Заинтересованные ведомства назначили награду за обнаружение малейших следов тех, кто находились в самолете. Однако усилия

спасателей и других групп, обшаривших все окрестности, так и остались тщетны.

Все тридцать два человека исчезли без следа.

Точно так же бесследно пропали в начале зимы 1930 года все жители одного эскимосского селения на севере Канады. В пустых жилищах осталась брошенная одежда и винтовки, составлявшие величайшую ценность эскимосов-охотников. Ни один эскимос не выйдет за пределы селения без винтовки, дающей ему пропитание.

Эксперты, приглашенные для расследования этого странного случая, могли констатировать лишь внезапность того, что произошло: на давно остывших очагах стояла забытая там еда, а в одном из жилищ на полу лежала детская куртка с иголкой и ниткой в ней и неоконченным стежком. Но две недели самого тщательного расследования так и не позволили ответить на главный вопрос — почему и куда исчезли люди?

Ставя в связь между собой факты таких внезапных и необъяснимых исчезновений и случаи спонтанного перемещения, я делаю, безусловно, некое допущение.

Допущение это предполагает, что при спонтанной, неуправляемой телепортации человек, исчезнувший в одном месте, может возникнуть, появиться, где угодно: в арктических льдах, в глубине океана, в иных измерениях или мирах. В этом случае нам остается констатировать лишь первый акт драмы — само исчезновение человека.

Перечень же таких исчезновений, происходящих во всем мире и в нашей стране, как говорил я уже, велик и пополняется постоянно.

Бы с тресвет а

Чтобы пояснить мысль, к которой я хочу перейти, позволю себе некоторую параллель. Как известно, в природе огонь может возникать совершенно случайным и неуправляемым образом. Например, пожары. Но он же, огонь, может быть порожден и направляем человеком: в доменных печах, в двигателях, в ракетах.

Судя по всему, пример этот приложим и к феномену телепортации. Я приводил случаи только неуправляемого, спонтанного ее проявления. Кроме них, однако, известны и другие.

Они-то и позволяют предположить, что возможна телепортация совершенно иного рода — управляемая и направляемая тем, кто владеет ее техникой.

Кто же оказывается способен вызывать и направленно использовать телепортацию? Здесь присутствует, по сути, тот же круг лиц, что и в других случаях, когда речь идет о явлениях, обозначаемых термином "паранормальные". Как и в других случаях, среди них представлены люди церкви. Два таких случая упоминает Киево-Печерский патерик. Там есть рассказ о святом Евстратии, который, находясь в половецком плену, исчез. Объявился, материализовался он в церкви Печорского монастыря в том же виде и состоянии, как был в плену, скованный цепью и в ранах.

Другой рассказ — об иноке Никоне, который тоже был в половецком плену. Видно, инок очень хотел вернуться обратно в Киев, и потому половцы, решив, что он замышляет побег, подрезали ему голени и крепко стерегли. "В третий день, — повествует патерик, —*все с оружием в руках сидели около него, — вдруг в шестом часу он сделался невидим..." Появился же он, материализовавшись внезапно среди молящихся, во время службы в Печорской церкви Святой Богородицы, когда там начинали петь канон.

Упоминания о случаях телепортации есть и в истории католической церкви. В 1620 году молодая послушница одного из испанских монастырей, Мария, стала рассказывать настоятельнице, будто она, перемещаясь в пространстве, занимается миссионерской деятельностью среди индейцев племени Джумано в Центральной Аме-

рике. Естественно, никто не поверил ей. Тем более, что, повествуя о своих перемещениях на другую сторону Земли, она говорила о мире, в котором мы живем, как об огромном шаре, который вращается в пространстве. В то время это почиталось еретической выдумкой, и только судьба или милость начальства, очевидно, уберегли ее.

Рассказы послушницы, возможно, так и сочли бы фантазиями, если бы через несколько лет не появились неожиданные свидетельства французских путешественников, конкистадоров и миссионеров, побывавших в тех самых местах, о которых говорила

она. Священник Алзоно де Бенавидес, приступивший к обращению индейцев племени Джумано в христианство, жаловался в письмах папе римскому и испанскому королю Филиппу IV на то, что кто-то уже опередил его в миссионерской деятельности. Индейцы, к которым приходил он, оказались знакомы с основными канонами христианства. И более того, у них оказались кресты, четки и даже чаша для причастия. Все это, по их словам, принесла и раздала им "госпожа в голубом", в которой легко было угадать сестру Марию.

Когда в 1630 году священник вернулся в Испанию, случайно он услышал о послушнице и о ее фантастических рассказах о посещении этого индейского племени. Заинтересованный этим странным совпадением, он посетил ее в монастыре и придирчиво расспросил. По мере разговора изумление его возрастало. Этой послушнице небольшого монастыря, расположенного в глухой провинции, оказались известны обычаи, нравы и различные детали быта индейцев Джумано, которые могли знать лишь те немногие, кто побывал в тех краях.

Более того, она перечислила ему, как назывались и были расположены деревни, в которых жили индейцы этого племени. Была еще одна деталь, повергшая миссионера еще в большее недоумение. В то время каждый монастырь сам заказывал или изготавливал для себя свою утварь. Вот почему так удивился священник, когда, находясь в монастыре, увидел чаши для причастия. Чаша, которую видел он у индейцев и которую вручила им, по их словам, "дама в голубом", была одной из таких монастырских чаш.

В течение всех этих лет она, оказалось, вела дневник таких своих перемещений, который сожгла по совету духовника.

Как и другие проявления паранормальных способностей и состояний, телепортация не является исключительной привилегией той или иной веры. Приемы мгновенных перемещений знает, очевидно, и практика ламаизма. О таком эпизоде, не столь редком в ее практике, рассказывает Александра Дэвид-Нил. Случай этот произошел во время ее пребывания в Тибете.

Причем главное действующее лицо — отшельника — она хорошо знала лично. Настоятель монастыря, желая, чтобы этот отшельник, духовный его наставник, принял участие в пеком торжестве, прислал

за ним, по обычаю тех мест, роскошные закрытые носилки, носильщиков и почетный эскорт. Пышность этого церемониала выражала отношение к отшельнику внешнего мира. Поэтому . отшельник поднялся в носилки и сопровождавшие почтительно прикрыли за ним дверцу. Но в то же время, его духовной сущности, отшельнику надлежало избегать подобных знаков внимания и почета. Вот почему перед толпой, собравшейся у входа в монастырь, отшельник появился не в паланкине, а идущим пешком под палящим солнцем по пыльной дороге. Какое-то время спустя прибыли носильщики и почетный эскорт. Когда раскрыли дверцу, носилки были пусты.

О том, что сама практика такого исчезновения и мгновенной материализации в другом месте достаточно древняя, свидетельствует и эпизод из "Жизни Аполлония Тианского", рассказанный Флавием Филостратом. Во время пребывания Аполлония в Риме император Домициан учинил суд над философом, и Аполлоний исчез из судилища на глазах императора и всех, кто был там.

Объявился он, пишет Филострат, в тот же день на расстоянии нескольких дней пути от Рима.

Можно ли предположить, что люди, владеющие техникой, приемами таких перемещений, существуют в наше время? Очевидно, да. Как очевидно и то, что если они есть, они меньше всего стремились бы оказаться объектом чьего-то внимания, изучения и глубоко-мысленных выводов. Не почему-либо, а по той лишь причине, по которой шахматист не играет в баскетбольной команде и наоборот. Они не из нашей команды и не играют в наши игры. Это не исключает того, что время от времени появляется какой-то промельк, беглое упоминание о подобном феномене, чтобы тут же потеряться в потоке других сообщений о событиях, куда более значимых для человека того общества, той цивилизации, в которой мы живем, — потеряться в новостях

спорта, политической суете и прочем. Такое случайное и беглое упоминание о носителе этого феномена содержат например, несколько страниц монографии американского психолога Дональда Уилсона. В работе этой, посвященной совершенно другому вопросу — изучению преступности и наркотиков в одной из самых суровых

тюрем Соединенных Штатов Форте Ливенворт, — несколько раз упоминается заключенный Хадад. Автор говорит вскользь о некоторых обстоятельствах, с ним связанных, которые не заинтересовали, впрочем, его самого, но, безусловно, будут интересны нам с вами.

Хадад был черным. Его представительный вид и изысканные манеры контрастировали с тем, как выглядели и держались другие обитатели этого мрачного места. Возможно, это связано было с тем, что некогда Хадад учился в Оксфорде. Этот заключенный время от времени доставлял беспокойство администрации тюрьмы, исчезайте из запертой и охраняемой камеры, то из столь же тщательно охраняемой и замкнутой на несколько запоров тюремной автомашины. Правда, с такими исчезновениями начальство тюрьмы успело как бы смириться и не поднимало тревоги — всякий раз Хадад вскоре сам появлялся у ворот тюрьмы, прося впустить его, извиняясь, что он потерялся по дороге или вынужден был отлучиться из камеры. В одном из случаев, описанных исследователем, Хадад исчез таким образом из своей со всеми тюремными предосторожностями замкнутой камеры, чтобы побывать на концерте в близлежащем городе Канзас-сити. Именно так объяснил он свое очередное исчезновение директору тюрьмы, перед которым предстал он, как и в других случаях, сам вернувшись после концерта. Директор, которому начинало уже надоедать все это, стал мрачно выговаривать ему, что приговор, который тот отбывает, исключает такие отлучки.

— Но, сэр, — простодушно возразил Хадад. — Я же вернулся. Я всегда возвращаюсь. Я не собираюсь избежать моего наказания. Кому сделал я плохо, поступив так? Никто не знает даже, что меня здесь не было.

Какого администратора, какого начальника тюрьмы убедили бы эти речи?

Две недели одиночного заключения — таково было наказание, назначенное Хададу на этот раз.

На этом, на констатации самого факта таких исчезновений разговор о Хададе можно было бы, собственно говоря, завершить. Этим в монографии ограничивается описание феномена,

который интересует нас и к которому довольно безразличен, как я говорил уже, сам автор исследования. Однако сверх сказанного об этом человеке там сообщаются еще кое-какие сведения, которые определенным образом сочетаются, как кажется мне, с его способностью к телепортации.

Через неделю после того как Хадад был помещен в одиночку, автора исследования Уилсона и другого тюремного врача срочно вызвали на этаж, где была его камера. Оказалось, уже несколько дней Хадад не подавал признаков своего присутствия и не отвечал на обращения через окошко. Когда дверь открыли, все увидели Хадада висящим в петле, изготовленной из форменного тюремного ремня, который носили охранники. При этом обнаружилось, что один из них, только что открывший дверь, к собственному недоумению, оказался вдруг без ремня. Оба врача, присутствовавшие при этом, констатировали полное отсутствие признаков жизни, и тело было перенесено в тюремный морг.

Через несколько дней те же врачи в сопровождении еще двух пришли в морг, чтобы произвести вскрытие. Но когда один из них занес было скальпель, чтобы приступить к делу, Хадад неожиданно поднялся и сел.

Врач в ужасе выронил скальпель и перекрестился. Хадад открыл глаза и произнес:

— Господа, я предпочел бы, чтобы вы не делали этого.

Уилсон и его коллега несколько раз после этого беседовали с этим странным человеком. Он еще раз продемонстрировал им свои способности по своей воле полностью прекращать все жизненные функции тела: остановились сердце и дыхание, зрачок не реагировал на свет. При надрезе на теле, который делали врачи, даже не шла кровь. Хадад демонстрировал им и другие удивительные свои способности, а в конце предложил своим собеседникам приобщить их к своему искусству. Речь шла, однако, не об овладении каким-то умением, знаниями или приемами, а о некоем ритуале ("кровавом ритуале", пояснил Хадад). Пройдя ритуал, приняв инициацию, человек, по словам Хадада, получает весь спектр необъяснимых способностей, которыми обладает он сам, , включая способность к телепортации, перемещению в пространстве по своему желанию.

— После этого, — предупредил Хадад, — вы перестанете быть такими, какие вы есть сейчас. То, что произойдет с вами, изменит вас совершенно.

Решившись на это, подумали они, Можно целиком попасть под власть этого странного человека. Именно это опасение остановило их. Неизвестно, действительно ли крылась какая-то реальность за тем, о чем говорил он, но ни тот, ни другой так и не преступили черту.

Работая над этой темой, я не пытался даже задаваться вопросом, как именно может происходить феномен, о котором я пишу. Не знаю я этого и сейчас. В сфере подобной практики знать уже означает уметь. А знание никогда не приходит через примеры или рассказы о том, как делают это другие. Так, созерцание гор не равнозначно восхождению на них. Впрочем, никто и не утверждает, будто второе прекраснее или важнее первого.

1. ВРАГИ И ПОГУБИТЕЛИ

САМИХ СЕБЯ

Болезни, стоящие у порога

Вопрос, на который медицина отвечает с явной готовностью и охотой, — это вопрос, почему болеет человек.

Отвечая на него, она назовет такие причины, как инфекция, стрессы, экологическая обстановка, общее состояние организма и т.д. Но главное — все в этом перечне будет исчерпывающей убедительно.

Тем не менее недоумения остаются.

Порой человек болеет многие годы, ему становится то лучше, то хуже, анализы ничего не дают, и врачи оказываются бессильны. Особенно относится это к заболеваниям с неявными, размытыми симптомами, когда больной жалуется то на одно, то на другое, чахнет, а иногда и умирает. Именно в такой ситуации народный опыт подсказывает обращаться не к врачам, а искать бабку где-нибудь в деревне или целителя-экстрасенса.

Как считает американский исследователь Дж. Ф. Харлей, практически только в 15% случаев врач бывает способен оказать действенную помощь. Остальные 85% заболеваний, с которыми обращаются к нему больные, "лежат за пределами того, что может быть понято сегодняшней биологией".

Именно эти заболевания я имею в виду, заболевания, в отношении которых медицина оказывается бессильна, но которые успешно лечат разного рода экстрасенсы, знахари и колдуны. В отличие от медиков, эти люди по-другому видят и понимают причины, почему человек может заболеть. Целители-экстрасенсы, с которыми случалось мне говорить, различают три рода таких причин.

Болезни, говорят они, могут быть кармические*, наведенные (разного рода порча и сглазы) и вызванные собственно инфекцией — те, которыми и занимается в основном медицина.

Если болезнь — результат кармы, т.е. зла, совершенного человеком в прошлых своих жизнях, это есть способ нейтрализации, смывания этого зла. Пока этого не произошло, пока человек не прошел через страдания и болезни, ему не освободиться, не отмыть зла, содеянного им когда-то. Зло будет висеть на нем.

— Когда у человека болезнь кармическая, — говорит Л. А. Корабельникова, — это видишь сразу. Просто смотришь на человека и знаешь — это так. И тогда говоришь: "Нет, я помочь не смогу". То есть вообще могла бы, но ценой того, чтобы принять его кармическое бремя на себя.

Делать это, считает она, целитель не должен. Человек не властен над кармой. Те, кто утверждают, будто делают это, обманывают себя и других. Болезни детей, согласно этой точке зрения, — чаще всего болезни кармические, доставшиеся от прошлых жизней.

Так же, примерно, относятся к этому и понимают это другие целители-экстрасенсы.

Что касается "наведенных" болезней, то, считают целители-экстрасенсы, им бывают подвержены только люди, которые сами злы и поэтому открыты злу. От таких болезней страдает прежде всего человек, который обижает других, завидует другим, радуется чьему-то невезению, неприятностям и т.д. Это могут быть даже не поступки, даже не слова, а только мысли. Потому что и слова, и мысли, пусть невысказанные, так же реальны, как поступки, обижаящие, ранящие других.

О таких людях говорили отцы церкви: "Вся душа его и в сердце и в устах его, исполняется укорины на всякого человека и на всякую

вещь, с чем бы ни встречался по- мыслами и чувствами." "В душе царствует многопопечи- тельность: в уме заботливость о многознании, в сердце о многонаслаждении, в воле о многообладании. Человек жаждет и заботится о предметах вне себя и вне Бога".

(Исаак Сириянин*). Такой человек "пребывает вне обла- сти жизни и света". (Он же). Это люди, "не довольствую- щиеся тем, что у них есть для поддержания жизни, но до- могающиеся большего, поработают себя страстями, мя- тущими душу.." (Антоний Великий*).

Такой человек, суетный, недобрый по самой своей су- ти, не защищен, открыт вредоносному воздействию, приходящему извне. Его собственный настрой на зло ставит его самого как бы в резонанс со злом, исходящим от других. Таким злом может оказаться просто чей-то негативный эмоциональный посыл в пространство: "А чтоб тебе...". Но может быть и преднамеренный, искусно направленный колдовской вредоносный удар, несущий болезнь. Человек, получивший такой удар или серию ударов, начинает ходить по врачам, те выписывают ему порошки и таблетки и удивляются, что ничто не может помочь ему.

Когда же человек добр, бескорыстен, избегает не толь- ко злых поступков и слов, но даже помыслов, он создает вокруг себя как бы особую атмосферу доброты. И если злой человек попытался бы направить против него ка- кие-то импульсы, причиняющие вред, то эта атмосфера добра, как облако, окружающая такого человека, отталки- вает эти импульсы, посылает их обратно. Чем более со- вершенен человек, тем сильнее такие импульсы отталки- ваются обратно. И тогда злодей оказывается бессилён одолеть добро, которое несет другой, добрый человек.

Недолжные, недобродетельные поступки, считали да- осы древнего Китая, накапливаясь, реализуются в виде болезней.

Удивляет единодушие, с которым мысль эту в разных видах и сегодня повторяют разные целители, бабки, экс- трасенсы:

— Любая болезнь — это предупреждение человеку о том, что он неправильно мыслит или живет.

— Нужно понимать, что болезнь дается человеку во искупление чего-то. Это значит, что он неправильно жил, не так шел по пути.

— Наведенная болезнь, — говорит Л. А. Корабельникова, — есть как бы воздаяние человеку за его же собственное несовершенство или зло. Такое воздаяние тоже есть карма карма наработанная в этой жизни. Стрдание, болезнь, даже когда они "наведенные", — это тоже искупление кармы, то, что "гасит", аннулирует ее. Если же я вмешиваюсь в чужую судьбу, я либо принимаю это все на себя, либо препятствую тому, чтобы это свершилось у человека сейчас. Но такое искупление, очищение все равно должно произойти. По долгам рано или поздно приходится платить. Пытаясь воздействовать, я только откладываю это. Во благо ли это самому человеку? Можно

было бы считать, во благо, если исходить из конечности жизни. Но существует совершенно другой отсчет, если считать, что эта наша жизнь не кончена.

О том, что есть ситуации, когда приходится отказывать в помощи, говорят и другие целители-экстрасенсы.

Т. П. Борисова из Полтавы тоже считает бессмысленным и бесполезным пытаться помочь кому-то, кто пребывает в ауре негативных переживаний и отрицательных эмоций. Особенно когда источником или объектом таких переживаний оказывается кто-то из близких.

— Знаешь, милая моя, — говорит она, — я тебя не возьму, пока ты не разрешишь свою семейную проблему.

Миришься, разводишься, что хочешь делай, тогда приходи.

— Пока существует постоянный источник напряжения, — поясняет она, — через какое-то время человек снова вернется в то же свое состояние. До тех пор, пока это продолжается, бессмысленно делать что-то. Сами пациенты, понятно, не говорят мне о своих обстоятельствах. Это я говорю им о них же самих. Я всегда объясняю в этом случае, почему я отказываю. Другой случай, когда я не берусь лечить, — если понимаю, знаю, что мое воздействие этому человеку не поможет. Тогда я говорю, к кому надо пойти. За секунду я не знаю еще, что посоветую, кого назову. Но я сосредотачиваюсь, и ко мне приходит какой-нибудь адрес, имя. Я называю адрес или имя, которых до этого я сама никогда не слышала и не знала. Человек отправляется туда и находит там исцеление. Есть еще одна ситуация, когда я отказываюсь помочь. Еще у моей бабушки я

замечала, что некоторым она отказывала — тогда я не могла понять почему. Я стала наблюдать, что происходило с теми, кого она отказывалась лечить. И поняла. Это были люди, которым мало оставалось жить. Так мало, что нельзя было успеть их вылечить. "Чего ж я буду его лечить, — объясняла она мне потом, — если я чувствую, что он уже неживой? Хотя для всех-то он был еще совершенно живой и ничто не предвещало, что произойдет с ним вскоре.

Что же касается кармических заболеваний и злодеев, которые расплачиваются за свое зло, то ее точка зрения не совпадает с той, что была приведена ранее.

— Если ко мне приходит человек плохой, значит, мне он послан за мои плохие дела. Или за плохие мысли, или за что-то, что сказала кому-то. Вот Господь и послал мне плохого человека. Это ситуация, которую я должна отработать. Если я его отошлю, Господь мне десяток таких

пошлет. Все равно ситуация сложится так, что должна я буду отработать.

Самое худшее, самое ошибочное и наивное, что можно сделать, прочтя о таком несовпадении позиций, это начать судить, какая точка зрения более правильная. Не нужно путать целителей и экстрасенсов с солдатами, марширующими на параде, достоинство которых в том и заключается, чтобы шагать в ногу. Экстрасенсы и целители в ногу не ходят. Несмотря на некоторую общность в понимании и восприятии мира, каждый из них существует все-таки в своей Вселенной. И по законам этой своей, так или иначе отличной от других, Вселенной. Несмотря, повторяю, на общность, сближающие черты и готовность попятить другого, такого же, как он, с полуслова.

Чтобы представить себе, каким образом зло, совершенное когда-то, бумерангом возвращаясь к человеку, рано или поздно находит его, приведу эпизод, рассказанный той же Т. П. Борисовой.

— Среди пациенток пришла ко мне на прием одна.

Средних лет женщина, рук поднять не может. Еле в кабинет вошла. Ввели ее. Что ж она сделала, за что ей такое?

То, что произошло когда-то, она и не помнила и забыла уже. Я напомнила. Конечно, может, и винить ее нельзя.

Время было такое. Пришла она из школы: "Все иконы выбросить!" Схватила икону Божьей Матери и разрубила ее топором. В помраченном была состоянии. Мать ей сказала только: "Девочка, что же ты делаешь? У тебя же руки поотсохнут!" Она не то, чтобы пожелала ей этого.

Она наоборот испугалась за нее: как же можно делать та- кое? И вот, когда она пришла ко мне вся больная — как могла я помочь ей? Как могла помочь искупить то, что сделала она, пусть по недомыслию? Здесь священник ну- жен был. Я так и сказала ей. Она пошла в монастырь, ос- тавалась там долго, отец Василий назначил ей эпита- мию. Но не это было главное. Она ведь не Бога обидела, не Матерь Божью. Они-то давно простили ей. Не ведала, что творила. Но она мать свою обидела. Над матерью, над тем, во что верила она, надругалась. Матери давно нет. И боль эту, обиду эту мать унесла с собой. И теперь дочери нужно было раскаяться до глубины сердца, по- нять, какое зло совершила она, так больно обидев самого близкого ей человека. По слову священника она поехала в то село, где жила когда-то, где все это произошло. После того как мать ее умерла, дом давно продали. Она стала ходить по соседям, искать, уцелели ли те их иконы. И в

одном доме вдруг увидела их. Говорит: "Отдайте мне, я любые деньги заплачу". Но люди, что жили там, никаких денег не взяли, хотя и не знали того, что приключилось с ней. И та икона Божьей Матери тоже нашлась. Священ- ник сказал, чтобы, если найдет, принесла она эти иконы в монастырь или к себе домой. Отец Василий предупре- дил при этом: "Если принесешь домой, принесешь то, за что нужно тебе отвечать". И вот, зная это, зная то, что бы- ло ей сказано, она все- таки принесла иконы домой. По- тому что хотела принять искупление полной мерой. И что тут началось! Муж ее, увидев в доме иконы, пришел в бешенство: "С ума сошла! Верующей сделалась! Выброси иконы!" Она, понятно, ни в какую: "Один раз я уже вы- бросила!" Он полковник в отставке, в школе работает, со- всем обезумел. Сына он очень любил, а теперь с топором вбегает в дом: "Щенка твоего порублю!" Соседи еле топор отобрали. Короче, вся семейная жизнь пошла прахом.

Может, этого и не было бы, если бы иконы она принесла не домой, а в монастырь. Но она сама сделала выбор.

Очевидно, зло, которое принесла она в мир, боль, унижение и обида ее матери, могли раствориться, перестать присутствовать в мире только и через ее болезнь или вот так, через семейный разлад. А с болезнью ее все кончилось. Без всякого другого лечения сейчас здорова она. Руки, которыми не владела совершенно, теперь служат ей.

Когда-то бессильная, теперь она работает массажисткой по десять часов в день. Кто знает, какой это труд, поймет, о чем я говорю.

Как шkodливая кошка, не разумея собственного пакудства, не может понять, почему ее бьют, так и человек не способен обычно разглядеть связь между тем, что его постигло, и поступками, некогда совершенными им.

Как-то к украинскому экстрасенсу П. Д. Утвенко пришла на прием семья — муж, жена и маленькая дочка. После того как тот сказал все о ребенке и назначил лечение, жена робко попросила помочь ей самой. Не успела она пожаловаться на свое нездоровье, как дед грозно обратился к мужу: "Прекращай к куме захаживать!"

Потом незадачливый муж, краснея и запинаясь, подтвердил оказавшемуся там журналисту справедливость "диагноза".

О том, что неверность мужа может привести к болезни жены (даже не подозревающей ни о чем) и наоборот, говорили мне многие экстрасенсы. При этом чем сильнее духовная и эмоциональная близость между супруга-

ми, тем вернее такое отклонение удара на другого. Но отклонение ли? Или другая сторона, другая душа сама, по своей воле приемлет на себя удар, который должен был бы достаться близкому человеку? Если такая жертвенность возможна, если происходит это, то происходит не на уровне обыденного, повседневного нашего сознания, а в неких горних сферах духа и любви, где неведомы ни обида, ни гнев, ни ревность.

Если зло, совершенное человеком, в той или другой форме действительно настигает его самого в этой жизни или в последующей, то это не есть ни "око за око", не месть и не кара, как видел бы это некий упрощенный, примитивизирующий взгляд. Не

есть это и попытка со- действовать совершенству человеческого рода, отвращая его через наказание от склонности к негодяйству и злу.

Мне, во всяком случае, видится это иначе.

Мир этот был бы переполнен злом, если бы оно, при- ходя, оставалось в нем, не уходя обратно в небытие. Но уйти оно может, очевидно, только через ту же дверь, че- рез которую входило. Вот почему, когда мы позволяем злу войти в мир через нас, мы неизбежно обрекаем себя и на второе его посещение, на пути ухода. И не от нас за- висит уже, когда произойдет это, как и то, под маской ка- кого несчастья, беды или болезни пройдет оно, пронзая нас и нашу жизнь на обратном своем ходу.

Вид злодея, процветающего всю жизнь, веселого и беспечального, говорит о том, что мера зла, которому он причастен, столь велика, что амплитуда возвратного его хода превышает продолжительность этой его жизни.

И настигнет, пресечет ее только в последующем его бы- тии.

И наоборот. Если перед лицом какого-нибудь несча- стья, нездоровья или беды, оглянувшись, можем мы раз- глядеть собственное зло, которое могли бы связать с этим, то столь короткий возвратный путь зла, это уже — добрый знак. Как и еще более добрый знак — увидеть та- кое свое зло, несправедливость, неправоту до того, как ка- кое-то событие само напомнит нам об этом.

Зинаида ГИППИУС ГРЕХ

И мы простим, и Бог простит.

Мы жаждем мести от незнанья.

Но злое дело — воздаянье Само в себе, таясь, хранит.

И путь наш чист, и долг наш прост.

Не надо мстить, не нам отмщенье.

Змея сама, свернувши звенья, В свой собственный вопьется хвост.

И мы простим, и Бог простит.

Но грех прощения не знает, Он для себя себя хранит, Своею кровью кровь смывает, Себя вовеки не прощает — Хотя и мы простим, и Бог простит.

Человек—нечто большее, чем его тело

Когда супруги Кирлиан* поместили лист растения в высоковольтное высокочастотное поле, оказалось, что его окружает слабое, но ясно различимое сияние. В такой же ауре пребывают и другие биологические тела и даже кристаллы. Причем характер свечения меняется в зависимости от состояния объекта. По цветной фотографии пальца в таком поле можно судить, например, о нервно-психическом состоянии человека. Цвет и характер ауры говорит, есть ли в крови у него алкоголь, принимал ли он допинговые средства и т. д.

Однако самое странное обнаружилось, когда в такое высокочастотное поле поместили лист растения, а затем часть этого листа была отрезана. На экране ровным светом засиял контур не обрезанного, а целого листа. Но ведь светящуюся ауру может породить только ткань растения! Таково было объяснение, попятное и принятое всеми до этого. Если же самой этой ткани нет, она удалена, что тогда генерирует сияющий контур целого листа?

Оставалось одно: ореол объекта существует сам по себе, как некая первичная, исходная энергетическая реальность, не зависящая от его заполнения клетками или тканями.

Другое открытие связано с работами советского исследователя, биолога А. Г. Гурвича*. Когда рядом с луковицами, находившимися в состоянии покоя, за герметичной кварцевой перегородкой помещали луковицы, начавшие прорастать, первые тоже начинали быстро пускать ростки. Оказывается, клетки во время деления источают сверхслабое излучение, названное им "метагенетическим". Информация, которую несет это излучение, стимулирует деление клеток другого биологического объекта, расположенного вблизи.

Вслед за А. Гурвичем, это излучение, очевидно, полевого характера, окружающее биологические объекты, исследователи стали обозначать термином "биополе". Реакцию растений на биополя друг друга каждый мог бы видеть в лесу или в парке. Я имею в виду простейший пример — то, как реагируют на соседство друг друга растущие рядом деревья. Лесовод и биолог И. С. Марченко, изучая, как соседствуют сосны и березы, обнаружил, что более сильные биополя одних деревьев подавляют другие, заставляя их изгибаться, отклоняться в стороны. Даже ветви,

соседствующие с чужим биополем, искривляются, замедляют свой рост, как бы упираясь в невидимую преграду.

Если исходить только из потребности питания и света, то деревья в лесу могли бы расти гораздо чаще. Однако этого не происходит. Решающим фактором, который замедляет и регулирует их рост, считает исследователь, являются соседние биополя — невидимые глазом энергетические капсулы, окружающие каждое растение.

Некие энергетические образования, биополя, окружают также живые существа и человека. Некоторые экстрасенсы видят их.

Другие воспринимают такое поле ладонями рук или определяют его границы при помощи "Г"-образной рамки. Такая рамка в руках экстрасенса начинает самостоятельно поворачиваться в ту или другую сторону вблизи объекта исследования — человека. Характер движения меняется в зависимости от расстояния и других факторов. В результате множества опытов эти исследователи

пришли к выводу, что тело человека окружает несколько энергетических оболочек. Итог этот тем более интересен, что о нескольких оболочках говорят и экстрасенсы, утверждающие, что видят их. Вот как описывает биополе один из советских исследователей. "Биополе человека — сложная энергетическая система. Оно состоит из внутреннего и внешнего полей (энергетических "коконов").

Внутреннее поле, так называемая аура, располагается непосредственно вокруг человека. Внешнее энергетическое поле, названное нами приемно-информационным; образует многослойную оболочку, состоящую из чередующихся слоев с положительными и отрицательными знаками. Ширина каждого энергетического слоя колеблется от полутора до четырех метров. Суммарная ширина внешнего поля для каждого человека индивидуальна — у большинства людей она составляет от одного до двух метров. У людей-биолокаторов ширина внешнего поля достигает десятков и даже сотен метров. Внешнее приемно-информационное поле представляет собой овал яйцевидной формы, сплюснутый в нижней части и вытянутый — в верхней. Правая боковая сторона человека по всей длине имеет

положительный заряд, левая — отрицательный. Два-пять процентов людей имеют обратный заряд диполя. Кроме того, нами обнаружена устойчивая ритмичность биополя... Ритмы биополя, а также дипольность его внутренней части являются чуткими индикаторами здоровья человека, его реакции на состояние окружающей среды. Это отчетливо было установлено в период Чернобыльской аварии, когда ритмы биополя показывали резкие отклонения от нормы."

В Ленинградском университете исследователи в поисках физической сущности биополя сконструировали "ауродатчик", прибор, регистрирующий электростатические поля, окружающие живые объекты. В другой лаборатории для этой цели использовался электрометрический датчик для измерения напряженности электрических полей. Это прибор с огромным внутренним сопротивлением, порядка гигомов и очень малой емкостью.

Еще одна группа ученых с той же целью решила измерить резонанс энергии, излучаемой человеком, и сигналов электронной аппаратуры. Схема такой системы состоит из многополосных усилителей, охваченных обратной связью. Такая обратная связь выбирается из расчета порога, близкого к самовозбуждению. Оказалось, что такая система действительно регистрирует некие поля, ок-

ружающие человека. "Проведенные эксперименты, — пишут исследователи, — показали наличие у человека нескольких энергетических оболочек, взаимодействие которых создает четкие границы с изменением знака потенциала при их переходе."

Вывод этот, полученный в лабораторных условиях и посредством приборов и аппаратуры подтверждает результаты других исследователей и то, как видят и воспринимают поле, окружающее человека, экстрасенсы. Такие оболочки, заключенные одна в другую и окружающие человека, построены из неких частиц-микронеонов, — так считают исследователи из Института радиотехники и электроники Академии наук.

Некоторые советские исследователи полагают, однако, что биополе представляет собой совокупность нескольких физических полей. Другие уверены, что такое поле носит вообще нефизический

характер. Те же физические его признаки, которые удается фиксировать приборами, — это признаки, лишь сопутствующие самому биополю. Так, тень предмета лишь свидетельствует о его присутствии, но это не есть сам предмет.

Есть еще одна точка зрения на физическую сущность того, что принято обозначать словом "биополе". Я имею в виду гипотезу, связанную с лептонным газом. Сами лептоны — разновидность элементарных частиц. Такие частицы известны, это — электроны, позитроны, нейтрино...

Но некоторые исследователи полагают, что существуют и другие сверхлегкие элементарные частицы — микролептоны. А. Ф. Охатрину, используя специальную аппаратуру, удалось в своей лаборатории сфотографировать сгустки таких частиц.

По словам профессора Б. И. Исакова, "...человека можно представить в виде твердого ядра или тела в привычном смысле слова, которое снаружи окружено многослойным "скафандром" из невидимых микролептонов".

Исходя из известных физических уравнений, Исаков считает, что возможно рассчитать даже расстояние таких микролептонных оболочек. Когда расчет такой был сделан, расстояние это удивительным образом совпало с изображением нимбов над головами святых, как рисуют их христианские иконописцы. Такая же традиция изображения святых и божеств с нимбами существует, как известно, в Индии и в Тибете. На всех этих изображениях нимб бывает расположен обычно на расстоянии удвоенного радиуса головы. Это и есть, считает Исаков, пер-

вая, наиболее насыщенная, микролептонная оболочка.

Последующие располагаются на большем расстоянии.

Очевидно, иконописцы, те, кто делали эти изображения, обладали способностью видеть, воспринимать такие энергетические оболочки, окружающие человека.

Подобное представление известно и в Китае. По китайским источникам, от головы человека восходит как бы столб белого, серого или бледно-желтоватого света. У некоторых же, у лиц "глубокого мастерства", голову окружает от одного до пяти световых колец разного цвета.

Эти представления согласуются с тем, что сообщают экстрасенсы: они тоже видят поля, окружающие человека.

Очевидно, само воздействие целителей-экстрасенсов направлено бывает в большинстве случаев не на физическое тело человека, не на его мышцы и органы, а на такие полевые структуры. Чаще всего такое воздействие целитель осуществляет некоей энергией или неизвестно чем, исходящим из ладоней его рук. Таким образом лечит, в частности и Джуна Давиташвили. Многие видели ее на телеэкранах, читали о ней на страницах журналов и газет.

Руки ее исцелили сотни людей от болезней, считавшихся неизлечимыми. Молва утверждает, что услугами ее пользуется партийная элита и близкие этих людей. Сама Джуна не подтверждает, но и не отрицает этого.

Три года Институт радиотехники и радиоэлектроники Академии наук изучал феномен Джуны. Итог? Слово корреспонденту московского журнала, выходящего полумиллионным тиражом: "Было установлено, что ее руки в "рабочем режиме" нагреваются настолько, что своим теплом могут на расстоянии воздействовать на кожу другого человека, причем тем сильнее, чем обширнее область внутреннего поражения. То есть происходит своеобразный бесконтактный массаж тела инфракрасным тепловым излучением разогретой движущейся руки. То, что это именно физическое воздействие, а не простое внушение, подтвердил строгий эксперимент. Между рукой Джуны и телом пациента установили стеклянную стенку, "непрозрачную" для инфракрасного потока. И хотя психофизиологический контакт не нарушался, оба они находились рядом и видели друг друга, физическое воздействие на тело пациента не зафиксировано".

Итак, "бесконтактный массаж инфракрасным тепловым излучением". Так просто, а главное, идеологически выдержано можно оказывается объяснить суть чуда и

феномена. Нужно ли говорить, что будь сущность феномена, действительно, сводима к этому, ничего не стоило бы из какой-нибудь установки облучать "инфракрасным тепловым облучением" многие тысячи болящих и поголовно исцелять их. Так ведь не делают. Потому что сами знают — не получится.

Мне всегда было интересно — те, кто говорят такие вещи, знают ли, понимают ли сами, что лгут? Если — нет, Бог простит их неведение. А если все-таки понимают, то как могут жить?

Определить спектр излучений руки целительницы попытались и американские исследователи из Института скрытых возможностей человека. Будучи в Москве, они попросили ее воздействовать руками поочередно на черные светонепроницаемые конверты. В них находились куски цветной фотопленки. Когда пленку проявили, в центре каждого кадра белело яркое пятно. Белый цвет фиксировал зону самого сильного воздействия. Среднее оставило красный цвет, а то, что было еще слабее — голубой. Однако, эта, как и другие попытки определить характер и спектр воздействия рук целителя, порождает больше вопросов, чем дает ответов на них.

Еще об одном результате такого воздействия рассказывает доктор медицинских наук Б. И. Кузник из Читинского медицинского института:

— Остановленное и изолированное сердце кролика через пять минут после воздействия на него рукой Джуны начинало сокращаться. Никаким теплом остановленное сердце нельзя заставить сокращаться. Есть, очевидно, такое излучение, о котором мы не знаем и можем только догадываться.

В свое время столь же безуспешны были попытки определить характер целительных излучений руки Н. С. Кулагиной. Субъективно такое воздействие ощущалось, как тепловое, после него на теле могли остаться даже следы ожогов. В действительности же, однако, оказывалось, это что угодно, только не тепловое воздействие: термометры совершенно не фиксировали тепла.

Но, хотя никакие приборы не могут помочь исследователям распознать характер излучений, исходящих от рук целителей, сам феномен от этого не перестает существовать. Как и экстрасенсы-целители не перестают излечивать людей тем неведомым "нечто", что исходит из ладоней их рук. Впрочем, современные целители не первые в этом деле, как далеко не первым был даже англий-

ский король Карл II, триста лет назад лечивший людей возложением рук и исцеливший таким образом, как подсчитали историки, около 90 тысяч человек.

Легко пробиваемый панцирь

Внешнее поле, окружающее человека, считает А. В. Мартынов, колеблется в среднем от одного метра до трех-четырех и более — у экстрасенсов. Люди, живущие в городах с их стрессами, беспрестанными, ранящими и изнуряющими межличностными контактами имеют такую оболочку всего около 60 см. Чем меньше такое внешнее поле, тем опустошенней, обессиленней человек энергетически. Соответственно, тем хуже состояние его здоровья и самочувствие.

Причина столь обессиленного, ослабленного биополя, считает А. В. Мартынов — энергетические пробоины в нем. Может ли держаться вода в дырявом ведре или сосуде? Происхождение таких пробоин — эмоциональные удары, которыми люди обмениваются в процессе личных взаимоотношений, контактов. Раздражение по отношению друг к другу, словесная агрессия, ненависть, досада — все это, по словам Мартынова, очень хорошо связывается с понятием "сглаза".

Те, кто оказываются жертвами такого воздействия, сами причиняют другим вред, чаще всего не понимая, не осознавая происходящего: "Подумаешь, ну и сказала! А что она..." И только иногда лишь какая-то конкретная ситуация дает понять им самим силу губительности слова, сказанного в сердцах.

Женщина-экстрасенс с очень сильными паранормальными способностями рассказывает, как впервые ей случилось осознать неожиданную возможность такого своего воздействия:

— Однажды в детстве мать поручила мне стирать белье. А мне очень хотелось побегать, погулять. Я постирала и пошла с ведрами принести воды, чтобы прополоскать белье и повесить его. Пока я ходила, цыплята залезли в таз и лапами испачкали все, что я постирала.

Там, на Украине, земля — чернозем. Я увидела, мне так обидно стало, и я им говорю "Ах вы такие, чтоб вас всех кот съел!" Мать слышала мои слова. Вечером приходит отец и говорит: "Что-то я не вижу цыплят. Их надо загнать в сарай на ночь." Пошел их искать и видит — только перья кое-где валяются. Всех съел кот, только один ос-

тался из десяти. Мать мне тогда говорит: "Если ты знаешь, что от твоего слова может быть зло, зачем же ты делаешь это семье?" А я то не знала этого. Я просто сказала в сердцах. И это исполнилось.

Как видим, возможность такого воздействия может быть шире, чем просто удар, разрушающий энергетическую оболочку объекта. Это может быть и некая ситуация. Все зависит от заданности, программы такого посыла. Продолжает та же женщина-экстрасенс:

— Когда я вышла замуж, одна женщина, ни разу даже не видя меня, стала говорить, будто я вышла за моего мужа, любимого человека, только затем, чтобы получить московскую прописку, чтобы в Москву попасть. Зачем она говорила так плохо, даже не зная меня? Она оскорбила меня в самом святом. Конечно, не нужно было передавать мне эти слова. Короче говоря, у меня тут, в груди, зажегся огонь и я говорю: "Ну ладно, ладно. Она на ровном месте упадет и ногу сломает." И правда. Возвращалась она домой, на ровном месте упала и сломала ногу.

Но все-таки в первую очередь у людей, оказавшихся жертвами таких негативных эмоциональных выбросов, страдает поле. Наноса друг другу такие удары, и обычно не осознавая этого сами, они начинают потом ходить по врачам, сокрушаться и сетовать — откуда такая напасть?

Приведу еще одно свидетельство. (Источник все тот же).

— На работе заведующая, наверное, срывая на мне досаду по поводу каких-то своих дел, пустила обо мне унизительный дурной слух. Когда же я возмутилась: "Откуда вы взяли эту ложь?", она сказала, будто ей самой это кто-то сказал. Тогда я говорю: "Кто бы это ни был, но тот, кто придумал это, с завтрашнего дня будет болеть. И никакой врач не поможет ему и не поставит диагноз." Когда говорила я, отсюда, из груди поднималось, как пламя, огненная волна. Ну ладно, сказала и все. А на другой день она не выходит на работу. Приходит ее муж, приносит ключи: "Нина Даниловна заболела". Так болела она довольно долго. То температура, то нет температуры, то давление, то слабость. И никто ей не может поставить диагноз, сказать, что с ней. Потом, когда я и еще несколько человек по работе навестили ее, она мне говорит: "Ты ведь знаешь, отчего я болею. Ты сама мне сделала это. Сделай теперь обратно. Или ищи мне бабушку."

Но я то не знаю, не представляю себе, как можно "обратно" сделать. Но жен- щину такую я ей нашла. Она многое могла. Три дня за- нималась она ею. И отступилась. Сказала: "Тот, кто сде-

лал это, сильнее меня." Так я впервые начала понимать, что я могу. С тех пор, сколько лет уже прошло, а она все так же себя чувствует. Чтобы освободиться, она должна была бы уничтожить то исходное зло, которое сама со- вершила когда-то. Тогда и все остальное рухнет, что яв- ляется его следствием, что последовало за ним. Делается это только одним путем — глубоким, глубочайшим рас- каянием и сожалением. Раскаянием не с задней мыслью, "чтобы мне самой, мол, стало хорошо", а сожалением о другом человеке, которому причинил когда-то зло, оби- дел. У нее этого раскаяния, этого чувства нет. Подсказы- вать же человеку, наводить его на такую мысль, по-мое- му, бесполезно. Только когда он сам, в результате каких- то процессов, происходящих в нем самом, может придти к раскаянию, только тогда узел развяжется.

— Сейчас-то я понимаю, — заключает она, — что, де- лая так, количество доора в этом мире я не увеличиваю.

Но тогда я не знала того, что знаю и понимаю сейчас. Я просто защищалась. Сейчас, когда я многое знаю, ничего подобного просто бы не произошло. Я пребываю в дру- гом состоянии, в котором во мне не могла бы импуль- сивно подняться такая волна. Теперь зло, направленное на меня, я просто адресую обратно, тому, кто его послал.

По словам А. В. Мартынова, который ведет прием больных в Ленинградском Центре народной медицины, 70-80% тех, кто обращается туда за помощью, имеют та- кие энергетические пробоины в поле. Когда происходит такой удар, говорит он, никакого болевого синдрома, по- нятно, не возникает — полевая оболочка — это тонкое те- ло. Но к чему ведет это? Когда в этом поле человека обра- зуется пробоина, в организме удар принимает, очевидно.

та область или орган, который почему-то оказался наи- более ослаблен, незащищен. Вьлезни века — инфаркты, инсульты, диабет, гинекологические — в девяноста слу- чаях из ста, считает он, это чисто полевые заболевания.

Это продукт низкой этики, межличностных взаимоотношений. Из-за этих пробоин энергетическая оболочка может сокращаться, скажем, до тридцати сантиметров. Человек еле ходит, за стенку держится, а медицина ничего сделать, ничем помочь ему не может.

2. НАВОДЯЩИЕ ПОРЧУ, ТВОРЯЩИЕ СГЛАЗ >

Злое слово, дурной глаз'

В одной из московских лабораторий экстрасенс, мысленно воздействуя на лягушку, вызывал резкие изменения и перепады в ее сердечной деятельности. В итоге — кардиограмма, которая велась все время эксперимента, констатировала — инфаркт.

Всегда ли, однако, объектом такого воздействия может оказаться только лягушка?

"Как-то я работала в одной организации. Там была девочка, ее только что приняли секретаршей начальника.

Не поступила в институт, лет семнадцати, несовершеннолетняя еще. Каждый день приходит в синяках. На лице синяки, на руках синяки. Спрашиваю: — Что с тобой происходит?

Молчит. Я каждый день спрашиваю ее, я хочу знать, кто ее обижает. Наконец, она мне говорит, что ее бьет отчим. Я спрашиваю: — За что?

— Мама вышла замуж, а отчим не хочет, чтобы я жила с ними. И он меня гонит: "Уходи, куда хочешь." Я спрашиваю: — А кто он?

Оказалось, начальник отделения милиции. Не больше, ни меньше.

— А что же мама?

— Мама плачет. Он маме говорит: "Куда хочешь, туда и девай свою дочь!"

Так она приходила на работу избитая каждый день. И помочь, и сделать ничего было нельзя. В один прекрасный день мне это надоело и я говорю ей:

— Танечка, да ты не плачь больше. Завтра же он подохнет. Не будет больше тебя мучить.

На следующий день Танечки на работе нет. И не было ее на работе три дня. Я захожу к начальнику и спрашиваю:

— Александр Иванович, что с Таней? Почему ее нет на работе?

— Да у нее отчим умер.

— А что с ним? \ — Инфаркт".

И, словно отвечая на мой невысказанный вопрос и на слова, которых я не произнес, собеседница моя продолжала:

—А кого должна я была бы пожалеть в этой ситуации? Не я творю зло. Я оказываюсь как бы зеркалом на пути каких-то людей. Их собственное зло, отразившись, возвращается к ним.

Эта ситуация прямого и как бы импульсивного, эмоционального воздействия. Но иногда такое воздействие;

особенно сглаз, может происходить как бы без участия воли самого человека. Так, во всяком случае, представляется это ему самому. Говоря точнее, в происходящем не участвует та часть его личности, которая представлена в повседневном, дневном его сознании. Как же тогда может происходить это?

В хирургической практике известны случаи, когда человек, оба мозговых полушария которого оказались разделены, ведет себя так, как будто каждое из полушарий обладает своим сознанием. Открытие это поставило в тупик врачей, психологов и философов. Значит ли это, что в обычном, нормальном своем состоянии индивид состоит как бы из двух личностей? При этом на уровне поведения и повседневных поступков доминирует та, которая представлена в левом полушарии, ведающим речью и логическим мышлением. В то же время другая личность, совершенно другое "Я", обитающее в правом полушарии и также наделенное собственным сознанием, может, очевидно, иметь иные суждения, симпатии и антипатии, не обязательно совпадающие с теми, которые имеет та, которая доминирует.

Возможно, однако, структура индивида еще сложнее.

В черепной коробке человека представлены три мозга: "старый" (палеокортекс, восходящий к рептилии), "средний" (мезокортекс, присущий низшим млекопитающим) и "новый мозг" (неокортекс, специфичный для высших млекопитающих и человека). Значит ли это, что сознание человека представляет собой как бы синтез трех различных сознаний? Как образно формулирует это Артур Кестлер*, в человеческом черепе расположились бок о бок крокодил, лошадь и человек разумный.

Какое же из различных этих начал, какое из сознаний, соседствующих в человеке, следуя собственным фобиям и антипатиям, спускают на ближнего бешеных псов сгла-

за и порчи? Две первые, более древние твари, считает А. Кестлер, далеко не всегда подчиняются своему господину, Человеку Разумному. Часто, напротив, сами они превращают его в своего раба. В таких случаях словесное мышление подыскивает рациональные мотивировки и оправдания поступкам, совершаемым под импульсивным воздействием этих двух более древних сознаний, обитающих в человеке.

Соображения эти, возможно, могут иметь отношение к произвольному сглазу и порчей,, в которых не участвует повседневное, дневное сознание человека. В этом отличие таких сглазов и порч от ситуаций, когда вред наносится умышленно, намеренно, когда для "наведения" используют различные магические приемы.

В Новосибирске женщина шестидесяти двух лет была доставлена "скорой помощью" в ближайший родильный дом. Диагноз — родовые схватки. Женщина не была даже беременна. После того, как мучения ее продолжались несколько часов и никакие медицинские средства не смогли помочь ей, врачи переглянулись: — Везем к "бабке"?

— Спирт не забудь.

Водитель специального микроавтобуса "скорой помощи" дорогу к "бабке" знал хорошо. Как впрочем знала и та не столь уж неожиданных своих визитеров. Она не спрашивала даже, кого привезли с каким недугом:

— Сейчас поможем. Несите ее в дом. — И когда это было сделано, продолжала: — Приезжайте часа через три.

Да спирт, что привезли мне, лучше сейчас оставьте. А то выпьете сами все. Знаю вас.

Очевидно, действительно знала, потому что это был не первый такой визит. Когда через три часа "скорая помощь" подъехала к дому, где жила целительница, женщина сама вышла к машине.

Новосибирским исследователям паранормальных явлений удалось проследить, каким образом возникла сама эта ситуация.

Оказалось, на той же улице, что жила эта женщина, в пригороде Новосибирска, были две подруги.

Одна из них любила парня, который вскоре был призван в армию. Весь долгий срок, пока он был в Афганистане, она хранила ему верность, отвергая малейшие знаки внимания других претендентов. А когда он вернулся, то женился не на ней, а на лучшей ее подруге, которая теперь ждала от него ребенка. Каждый день счастливые супруги проходили под окнами дома, где жила брошен-

ная и отвергнутая. Смертельная обида и заставила ее попросить свою мать, которая знала, как это делать, "испортить" бывшую подругу-разлучницу. Та сделала это. Наговоренный клочок сена был брошен как раз перед калиткой, из которой вот-вот должна была выйти молодая жена. А случилось так, что перед ней вышла и прошла над сеном эта несчастная женщина, зашедшая на свою беду в соседский дом. Она-то и приняла "порчу", которая должна была привести к преждевременным родам и выкидышу.

Бездействуя на кого-то таким образом, те, кто делают это, осмысленно несут другому болезнь, страдание, горе.

Совершая это, они часто искренне полагают, что воздают кому-то за зло и тем самым как бы творят добро. Не берусь ни осуждать, ни оправдывать их. Как не берусь судить, в какой мере страдания и муки, принимаемые их жертвами, искупают некогда совершенное ими самими зло, если оно было. Но коль скоро считать, что страдания и болезнь, "наведенные" на них, действительно есть воздаяние, которое "сжигает" совершенное ими же зло, не оказывается ли, что сами те, кто делают это, в свою очередь, творят зло? Само соприкосновение, причастность к злу не могут быть ни безразличны, ни безнаказаны.

Горе тем, через кого оно приходит.

Тем самым оказывается, и в этом нет откровения, что когда кто-то берется воздавать злом за зло, это ведет не к уничтожению зла, а к бегу все того же зла по кругу.

Известны два главных магических принципа, следуя которым совершаются обычно такие колдовские действия. Один из них — "закон подобия": с изображением человека совершаются различные манипуляции, которые должны затем перейти, передаться оригиналу.

Другой принцип — "закон соприкосновения или заражения". В этом случае используется предмет, принадлежавший человеку и как бы связанный с ним.

Тому, что в природе существуют некие необъяснимые связи, получены теперь и научные подтверждения. Академик Академии медицинских наук В. П. Казначеев поместил две тканевых культуры в герметически изолированных камерах, разделив их, как и Гурвич, кварцевой перегородкой. Когда на одну из культур воздействовали губительной дозой сулеймы, заражали вирусом или давали смертельную дозу облучения, вторая, изолированная, тут же реагировала на это, болела и погибала вместе с ней.

Другой пример столь же необъяснимой связи двух

биологических объектов. Это опыт, хорошо знакомый садоводам и биологам. Когда берут черенки с плодового дерева, выживание и приживаемость их оказываются весьма четко связаны с тем, что происходит в это время с материнским деревом, с которого они были срезаны. Если в период адаптации черенка оно было срублено и погибло, выживание черенков заметно падает. И это при том, что черенки и дерево, с которого они были взяты, могут разделять многие километры.

Не присутствует ли этот же принцип в отношениях между собой и других, более сложных биологических структур, в частности, людей? Возможно, и известный евангельский постулат — чти отца своего и мать и Господь умножит твои дни, — имеет и другой, не только морализующий смысл.

Такая резонансная необъяснимая связь биологических объектов между собой обрела недавно аналог в области, казалось бы чрезвычайно далекой — в квантовой механике. Два независимых объекта, которые берутся там — два потока элементарных частиц, исходящих из одного пучка, который разделен надвое. Казалось бы, тот и другой никак не связаны между собой. И тем не менее, малейшее изменение импульса, спина, координат одного из них — тут же вызывает такое же зеркальное изменение другого. Теорема Дж. Б. Белла обосновывает математическую сторону происходящего: две системы, находившиеся вместе, сохраняют

контакт некоторое время и после этого. Причем контакт этот осуществляется между ними мгновенно, и независимо от расстояния.

Не подобного ли рода контакт срабатывает и тогда, когда ворожеи и колдуны пытаются воздействовать на человека через портрет или вещи, которые принадлежали ему? Так в лабораторном эксперименте оператор, меняя что-то на одном пучке частиц, вызывает мгновенное и точно такое же изменение на другом.

Мяукать, выть и кричать по-звериному

Как говорилось уже, "порча", "сглаз" чаще всего имеют симптоматику сердечных, гинекологических и других заболеваний. Значительную долю таких средоносных воздействий составляют также нервные и психические расстройства.

Одним из таких болезненных состояний, умышленно насылаемых, в России издавна было "кликушество". Те,

кто оказывались его жертвами, без видимой причины впадали в истеричное состояние, принимаясь выть, мяукать, производя бессвязные, а иногда и богохульные выкрики. Нередко такие припадки происходили в церкви во время службы, особенно когда исполнялась одна из самых сильных православных молитв — "Херувимская".

О том, сколь важное место в повседневной жизни занимала порча и именно этот ее вид, можно заключить из следующего эпизода. Во время противоборства царевны Софии и Петра за престол София сделала важный политический ход: попыталась убедить народ в своей способности творить чудеса. Для этого уговорили одну "знатного отца дочь" "вклепать в себя беснование". Когда же она "закликала" во время службы в Успенском соборе Кремля, София стала усердно молиться перед Владимирской Божьей Матерью и тем тут же якобы исцелила ее. На другой день весь город только и говорил об этом.

С той же целью сторонники Софии содержали на жаловании женщин, тоже имитировавших кликушество.

Когда царевна проезжала в Новодевичий монастырь, она останавливалась на пути и на глазах у всех исцеляла их.

Игры эти сильно подняли авторитет Софии в глазах москвичей, однако акции ее держались недолго — до того дня, когда Петр,

разгадав нехитрый этот маневр, приказал принародно наказать плетьюми мнимых кликуш.

Долгое время этот вид пагубного воздействия использовался для сведения личных счетов и был весьма распространен в России. Число его ежегодных жертв составляло десятки тысяч. О том, сколь массовым было это зло, творимое многими и против многих, можно судить по некоторым цифрам статистики прошлых лет. В районах, где колдовство и порча были особенно распространены, 25%, каждая четвертая женщина оказывалась подвержена этому недугу. В прошлом веке при обследовании одной из деревень Рязанской губернии там оказалось шестьдесят женщин, страдавших кликушеством, причем некоторые по десять, пятнадцать и двадцать лет.

За каждой из этих цифр — чья-то сломанная судьба, вечное горе и слезы. Но печальные цифры эти — свидетельство не только умения наводить "порчу". Куда в большей мере они признак степени той недоброжелательности, той взаимной ненависти и злобы, что бытовали в народе. Ведь ту же "порчу" и "кликушество" редкая ворожея или колдун наводили по собственной воле и своему интересу. К ним шли, их просили, платили, говорили

"Испортить ту и ту.." Они выполняли пожелания и просьбы, и пожелания и просьбы эти не иссякали. Особенно сильной пружиной зла была зависть — к чьему-то счастью, достатку или просто удаче.

В. М. Бехтерев* приводит случай, когда "кликушество" разразилось во время свадебного пира. Припадок начался с невесты, за ней последовал жених и еще пятнадцать человек гостей. Ни с одним из них ни до, ни после этого ничего подобного не случалось. А ведь кто-то, учинивший все это горе, наверное, радовался злой радостью, улышав о происшедшем.

Как пытались спастись от всего этого, спастись от злой напасти? Официальные, государственные инстанции во все времена имели для этого набор средств более или менее неизменный. Как-то, когда порча эта распространилась в Подольском уезде, губернское начальство предписало принять против кликуш полицейские меры, "подвергая их негласному легкому телесному наказанию или содержанию непродолжительное время под стражею".

Исцелением от "кликушества" занимались разного рода колдуны и ворожеи при помощи молитв, заговоров и освященной воды. Делала и делает это и сейчас церковь. Но добиться успеха удастся с большим трудом. В Москве, например, в Симоновом монастыре отчитывание таких "кликуш" и одержимых продолжалось не менее шести недель.

Защита к обереги

И все-таки, как может, как мог бы человек, живущий в миру, противостоять всему губительному, что исходит от злых ворожей и колдунов?

Такую защиту могла бы давать и давала церковь. Условие такой защиты — собственное совершенство, беззлобие, прощение врагов. Дело в том, что тот, кто наводит порчу, тем успешнее может сделать это, чем более его жертва исполнена бывает негативных эмоций, ненависти, раздражения или обиды. Иногда, чтобы спровоцировать такие состояния, будущую жертву стараются нарочно рассердить, озлобить, вызвать обиду. И человек обыч-

но легко поддается на это, что и нужно бывает другой стороне, чтобы установить некий резонансный контакт и затем тем вернее нанести удар. Когда такого резонанса нет, воздействия не происходит. Возможно, в этой связи уместно вспомнить и призыв Христа: "Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас" (Лк. 6,27). Кроме высокого духовного и нравственного значения призыв этот имеет, судя по всему, и явный защитительный смысл.

Человек, который на обиду отвечает пониманием и прощением, на ненависть — любовью, не вступает в резонанс с направленным на него злом и поэтому попытки причинить ему вред не достигают цели. Не только не достигают, но, отраженные, возвращаются к тому же, кто направил их. "...Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голую горящие уголья." (Рим. 12, 20).

Но многим ли под силу евангельский завет беззлобия, прощения и любви? Открытые внешнему злу именно потому, что зло было в них самих, в большинстве своем люди предпочитают искать других, хоть и менее эффективных, но зато более легких путей защиты.

Большая группа таких приемов по своей сути больше всего напоминает громоотвод, который, как известно, специально ставится выше здания, чтобы принять на себя возможный удар. Так и здесь с той же целью нарочно усиливается, акцентируется какая-то характеристика визуальная, акустическая.

Таков, например, обычай вешать на шею корове или волу колокольчик. Делается это вовсе не для того, чтобы было легче найти животное, если оно потеряется, как полагают некоторые горожане. Исходно обычай этот, известный еще в Древнем Риме, существовал, чтобы защитить скот от порчи и колдовства. Этому же служил и знаменитый "колокольчик дар Валдая" под лошадиной дугой. Звук, воспринимаемый раньше образа, как бы принимал на себя, гасил могущий быть удар.

Таков же смысл и другого обычая, сохранившегося и сейчас в некоторых местах Украины — повязывать на домашних животных красные лоскуты. Оберег этот известен и в других странах — в Германии, в Англии. Считается, что человек, у которого "дурной глаз", прежде всего заметит красный цвет и на этом взгляд его как бы разрядится.

Этой же защитительной, магической цели служили исходно и традиционные украшения — серьги, кольца и бусы. Их надевали, в первую очередь ради того, чтобы отвлечь, разрядить, обезоружить "дурной глаз".

Точно так же чисто магической, а вовсе не эстетической потребностью порожден обычай, существующий в деревнях и сейчас — сажать рябину у самых ворот дома.

В городских квартирах ту же защитительную роль выполняет зеркало, висящее в прихожей. Могут сказать, оно служит другой цели — чтобы человек, входя или уходя, мог взглянуть на себя. И это тоже, но исторически изначальный смысл этого обычая тот же — "погасить" дурной глаз" входящего человека. Именно с этой целью устанавливали зеркала у входа в дом в средние века.

Можно вспомнить в этой связи и интересное наблюдение, сделанное в прошлом веке в Калужской губернии.

"Едва ли ни в каждом входе в дом, — писал путешественник, — глаз невольно встречается с старыми лаптями..."

На мой вопрос, для чего висят у них старые лапти, отвечали? "Вишь ты, как войдешь во двор, да видя такие лапти уже подумаешь о них... Стало быть с первого раза глаз и сломишь над лаптями, тогда уже не сглазишь во дворе ни скотины, ни в избе пришедши сидящих за работой баб, ни ягнят, ни телят...

Особый вид оберегов — талисманы и всевозможные амулеты.

И еще один вид защиты от колдовского нападения, сглаза и вообще любого несчастья должен упомянуть я.

Это заговоры. Причем для каждой ситуации, па каждый случай жизни свой. Особый на охоту, особый в дорогу, особый — для ратного человека, идущего на войну: "Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной росой, завоюю за каменной стеной, кремлевской. Ты, стена кремлевская, бей врагов супостатов, дюжих татар, злых татар-ченков, а я был бы из-за тебя цел, невредим..."

Один из таких заговоров, бытовавший на Севере, в Поморье, особо оговаривал свое защитное действие "от русского портежа, и от корельского портежа, и от финляндского портежа".

Но самым верным представлялось — прибегнуть к помощи других ворожей и колдунов, чтобы те оградил от злых сил. Этот обычай обращаться к ведунам и бабкам с просьбой снять заклятие или сглаз, сохранился и сейчас. В отличие от тех, кто наводит болезни и порчу, эти ведуны и бабки для снятия зла прибегают к святой воде, кресту и молитве.

Оградиться огнем?

Существовал еще один путь, казавшийся радикальным — вообще избавиться от ворожей и колдунов, опасных обществу, могущих причинить вред. То, какой способ избирался для этого в разные времена, говорит не только о жестокости нравов, — это само собой. Свидетельствует он и о том бессилии и ужасе, которые испытывали люди перед лицом насылателей порчи и зла.

Не имея возможности склонить свою паству к добру и сделать тем неподвластной злу, русская церковь, как могла, пыталась противоборствовать этой волне сглазов, порч и вредоносного колдовства. Но многое ли могла церковь в стране, где вся сила в обществе во все времена принадлежала светской власти?

По Правилу митрополита Иоанна (XI в.), занимающихся чародейством надлежало отвращать от этих злых дел словом и наставлением. Если же они останутся глухи к словам, и станут упорствовать, их следовало наказывать с большой строгостью, но не убивать и не уродовать их тел, ибо этого не допускает учение церкви.

Изначально, надо думать, самым решительным в такой борьбе было просто изгнание. Это рекомендует и учение в Четвях-Минях — делать так, чтобы в приходе не было ни колдунов, ни ворожей. А приговорная грамота Троице-Сергиева монастыря (1555 г.) призывает "волхвей и ворожей" выбить из сел", т.е. попросту изгонять их - силой.

Не берусь судить, сколь сурова была эта мера, но думаю, это было не самое худшее по тем жестоким временам и нравам. Даже тогда, когда под таким ударом оказывался человек просто оговоренный или попавший под подозрение. Суд народа, суд толпы, несправедливый и беспощадный никогда ни одно сомнение не склонен был толковать в пользу подозреваемого. Такие суды знали обычно только один приговор, не ведавший ни милости, ни пощады. И чаще всего творились они от имени светской власти. В 1024 году князь Ярослав переловил в Суздале всех волхвов. Одних казнил, других обрек заточению, судя по всему, пожизненно. В 1071 году, повествует летопись, неведомо откуда появившись, волхвы поднялись по Шексне и пришли на Белоозеро. Воевода князя Святослава Ярославича велел схватить их, и все они были казнены.

В том же году некий волхв появился в Киеве, смущая народ. В одну из ночей он пропал. И хотя в летописи не говорится, что постигло его, по участи других волхвов можно догадаться и о его судьбе.

Особую роль в таких расправах играл огонь. Древнейший языческий культ огня воскрешался при этом как средство очистительной казни. Огонь и только огонь мог защитить тех, кто решились противостоять колдуну, от последующей, может, посмертной его мести. В 1227 году новгородцы сожгли колдуна на базарной площади, в 1411 году псковичи возвели на костер "жонок", повинных, как полагали они, в моровой язве, а еще раньше суз-

дальцы избивали (убивали) "старую чадь" (старух), видя в них виновниц неурожая.

Только малая часть таких судов и расправ оказалась известна нам. Обыденность подобных самосудов не давала повода, надо думать, заносить их в летописи или в какие-то тексты, которые дошли до нас.

Когда в 1591 году в Астрахани заболел сторонник Москвы, местный князь Мурат-Гирей, туда по слову царя срочно отправлен был Асфий Пушкин — учинить розыск с пыткой — кто подослал ведунов, чтобы болезнью погубить князя. Когда заподозренные под пыткой сознались, воеводы велели злых колдунов этих, наставших на князя вред, сжечь на поле.

Обязательно ли правдиво было такое признание, сделанное под пыткой? Когда в 1674 году в Тотьме некая Феодосья, после пытки приговоренная к сожжению, была возведена на костер, она кричала с помоста, что никакой порчи ни на кого не насылала, что поклепала на себя, не стерпев мук. Но признание это не изменило ее судьбы.

Из двух утверждений, в застенке и принародном, предпочтение было отдано тому, которое возвело ее на костер.

В делах о колдовстве любое сомнение, как говорил я, толковалось против обвиняемого.

Этот принцип исходной виновности настолько подчинял себе все, что даже если подозреваемый ни в чем не сознавался под пыткой, это понималось как еще более убедительное свидетельство его виновности, чем если бы он сознался. При всей явной нелогичности такого вывода, в нем был, однако, свой смысл. Тот, кто оказывался способен выдержать все пытки, проявить упорство и не сознаться, должен был, безусловно, обладать какими-то исключительными способностями, недостижимыми для обычного человека. А если он оказывался так непохож на

остальных, кем еще мог бы он быть, как не чародеем и колдуном?

Вот почему, когда крепостной Василий Каменец-Польского помещика Верещатынского, подвергнутый пытке по подозрению в краже волов, не высказал никаких наружных признаков страдания, он подписал себе тем самым смертный приговор. То, что при растягивании членов и при жжении огнем Василий "проявил за-

взятое терпение, необычное в человеческом теле" понято было, как несомненное свидетельство, что он "несомненно имел при себе чары". Вопрос о пропавших волах был забыт и отброшен. Перед лицом столь неопровержимого свидетельства этой неожиданно вскрывшейся страшной его вины суд приговорил его к казни.

Когда в ходе суда при колдунах и подозреваемых на- ходили какие-то рукописи или книги, "волшебные тетра- ди", их жгли вместе с ними. Само знакомство с такой ли- тературой, интерес к ней уже служили доказательством причастности к волшебству, а значит, к наведению болез- ней и всякого зла. Потому-то указ 1682 года царя Федора Алексеевича об основании в Москве Славяно-греко-ла- тинской академии, запрещаая держать в академии вол- шебные, чародейские и богоненавистные книги, предпи- сывал "аще же таковые учителя где обрящутся, и они со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да со- жгутся".

Ничто, как страх перед вредоносным воздействием разного рода колдунов и чародеев побуждал правительст- во снова и снова подтверждать свою беспощадность к ним. Даже Воинский устав Петра 1 в числе прочих воин- ских преступлений называл чернокнижие и колдовство.

Такой злоумышленник "по состоянию дела в жестком за- ключении, в железах, гонянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть".

"...Весьма сожжен имеет быть?" Сегодня трудно' судить, сколь преувеличены были опасения по поводу разного рода чародейств, волшебства и порчи. Единственное, что можно сказать с уверенно- стью, это то, что возникли они не из НИЧЕГО и строи- лись не на пустом месте. Этот страх перед порчей, наго- вором, сглазом разделяли равно люди как низкого соци- ального звания, так и верхи общества. Как всегда в такой ситуации, особую настороженность и подозрение вызы-

вало все незнакомое, чуждое. Олеарий* рассказывал об иностранце-цирюльнике, имевшем неосторожность при- вести с собой в Москву скелет. В глазах москвичей — бо- лее убедительным свидетельством его союза с темными силами не могло и быть. Костра цирюльнику избежать, правда, удалось, сожгли только скелет.

Самому же ему пришлось спешно бежать из Москвы и вообще из России. В другом случае во время пожара у немца-художника увидели старый череп. Еще немного, пишет Олеарий, и самого художника бросили бы в огонь.

Вот почему, когда случалось, что заподозренный в колдовстве не попадал на костер и не оказывался на плахе, это можно было считать великим везением. Даже счастьем. Стоило Афанасию Наумову (Афоньке Наумёнку", как именовался он в сыскном деле) сболтнуть, что он-де умеет готовить колдовское зелье из лягушачьих костей, как на него тут же заведено было дело, и сам он оказался в застенке. Там, как легко было догадаться, он быстро сознался не только в колдовстве и порче, но от боли и ужаса оговорил множество людей.

Дело тянулось более года, после чего бояре рассудили: чтобы другим неповадно было, надлежит отсечь ему, Афоньке, руку, а также ногу, после чего сжечь его. Приговор поступил государю, который проявил, однако, неожиданное и редкое в таких делах милосердие — вместо казни навечно сослать злодея в Сибирь. Но даже за решеткой и в кандалах Афонька продолжал быть опасен.

Особая "память" за подписью думного дьяка предписывала "его держати в тюрьме до государева указу с большим же береженьем, чтоб он из тюрьмы не ушел, и к тюрьме, где он Афонька посажен будет, никаких людей припускати и говорити с ним ни о чем давати не велети, так же и в дороге, как его в Сибирь повезут, никаких людей к нему припускати и говорити с ним никому ни о чем давати не велети ж".

Таковыми историями, часто с куда менее благополучным исходом, полны папки архива сыскных дел и Тайной канцелярии. Попавшие по колдовскому делу шли в застенок, на плаху или костер, не вызывая ни малейшего сочувствия у современников. Столь велик и небезосновательно, был страх перед творимым ими злом. С торжест-

вом и ужасом смотрели прохожие на злодея, которого на телеге везли на казнь, не отличая при том невинного от виноватого.

Одним из тех, кто и сам не без удовольствия, надо думать, наблюдал такие сцены, был некий Федор Иванов Соколов, по

должности подъячий Саранской воеводской канцелярии. История того, что произошло с ним, сохранилась и известна из тех же папок сыскных дел, которые упоминал я.

Года через три после женитьбы подъячий стал замечать со стороны жены некоторую холодность. Он попробовал было привязать жену подарками. В 1715 году, съездив по делам службы в Казань, он привез ей "полушляфрок, обьяриновый, померанцевый, кругом обложен сеткою серебряной", за баснословную цену — 60 рублей.

Подарок, очевидно, возымел эффект, но, как можно полагать, ненадолго.

Столь большие траты, которые позволял себе влюбленный подъячий, шли, как можно предположить, не из скудного его жалования. На мысль эту наводит тот факт, что не прошло и года, как претерпел он неприятность по службе и попал в тюрьму. Неприятность эта повлекла за собой другую, куда более серьезную. При обыске в платье его найдены были пять "писем" (записок), написанных его рукой: "На море, на океане, на острове на Буяне, и тута ходил и тута гулял..."

"Письма" сочтены были "воровскими, заговорными, еретическими". Допрошенный по новому делу подъячий показал: "У меня с женою совета не было, что многим известно. Письма я переписал своею рукой и по часу твердил, чтобы жить с женою в согласии". Правду ли говорил подследственный или была это хитрая колдовская уловка, местное начальство окончательно решить не могло, и подъячий, по важности дела, отправлен был в Петербург.

Там время от времени вызывали его в Синод, где снова и снова допрашивали о "волшебных письмах", как значится в его деле. Фемида не спешила. Шло время, месяцы складывались в годы. В 1724 году, как бы условно, он освобожден был из-под караула и "послан в адмиралтейство на работу". Снова шли годы. В 1727 году кабинет-секретарь доложил, наконец, о его деле государыне. Решение было продиктовано тотчас же и подписано ее рукой: "По неже он питан безвинно, то и его безвинное терпение и долголетнее под арестом содержание и по силе милостивых указов вину его отпустить, а что письма нашлись,

яко волшебные, то для того его, Соколова, послать в Синод, чтобы учинил перед ним покаяние".

Минул еще год, хмурым ноябрьским утром под караулом Соколов доставлен был в Большой Успенский собор и под караулом препровожден к самому амвону.

Здесь, в соответствии с суровым церковным правилом, состоялся акт покаяния. После этого, все так же под караулом он был возвращен в место, где содержался все эти годы.

Прошел еще год. В августе, наконец, состоялось долгожданное решение Сената: Соколова освободить, а "волшебные письмишки истребить через палача". Так, через тринадцать лет вернулся он обратно в Саранск. Дождальась ли его супруга, из-за равнодушия которой и принял он свою муку, как встретились они, ничего этого нам знать не дано. Известно только из того же дела, что в том же решении Сената сказано было, что "жить ему в своем доме в Саранске безотлучно и в Москве не бывать". Прощенный и оправданный, прошедший покаяние, он по-прежнему продолжал почитаться лицом опасным.

Знаменовало ли появление таких дел с относительно благополучным исходом известное ослабление гонений на колдунов и насылателей порчи? С полной уверенностью я бы этого утверждать не стал. Я высказал бы, пожалуй, лишь предположение, что общее смягчение нравов коснулось, возможно, и этой сферы. А может, и те, кто в силу исключительных своих способностей могли наводить порчу и творить наговор, сколько-то реже стали прибегать к этому.

Общая тенденция эта к смягчению не исключала вспышек взаимного ожесточения, проявлявшихся время от времени. В том числе попыток оградиться от порчи и зла, как некогда, огнем. Об одном из таких случаев рассказывает издававшийся в Петербурге "Правительственный вестник":

"В середине января крестьянка Игнатьева приходила в дом к крестьянину Кузьмину и просила творогу, но в

этом ей отказали. Вскоре после этого заболела его дочь, которая в припадках выкрикивала, что попорчена Игнатьевой. Такой же болезнью была больна крестьянка деревни Передниково Марья

Иванова. Наконец, в конце января в деревне Врачеве, где жила Игнатьева, заболела дочь крестьянки Екатерина Зайцева, у которой ранее того умерла от подобной же болезни родная сестра, выкликавшая перед смертью, что попорчена Игнатьевой. Муж

Зайцевой, бывший солдат и потому грамотный (в рус- ской армии солдат учили читать и писать), подал жалобу в местную полицию. Когда полицейские чины приехали в деревню, крестьяне в один голос просили, чтобы те за- щитили их дочерей и жен от "черной бабки". Полицей- ские оказались в трудном положении и обещали узнать, что скажет на это начальство. Крестьяне подождали еще какое-то время, когда же терпение их, подгоняемое тре- вогой за близких, иссякло, они "черную бабку" заперли в хате, заколотили окна и сожгли". По суду, состоявшемуся после этого, трое участников приговорено было к церков- ному покаянию, а остальные признаны невиновными.

На подступах к тропу

Знаменитая фраза Людовика XIV "Государство — это я", по поводу которой публицисты и политологи не могут успокоиться уже почти три столетия, была совершенно не смешна и отнюдь не шокирующая в то время, когда она была сказана. В авторитарных системах личность прави- теля, вождя, монарха, действительно и совершенно иск- ренне идентифицируется с самой системой, будь то тоталитарное государство, африканское племя или любая империя. Благополучие и безопасность правителя пони- мались как нечто равнозначное безопасности и благопо- лучию того, что он олицетворял, то есть — государства.

Как ни парадоксально, очевидно, это та самая ситуация, когда в отличие от демократических систем, охрана та- кой первой личности может быть действительно связана с понятием государственной безопасности.

В перечне тех опасностей и угроз, оградить от кото- рых надлежало это первое лицо, не последнее место зани- мала опасность порчи и колдовства. Логично, что в таком авторитарном государстве, каким была Российская им- перия, этой стороне безопасности государя уделялись усердие и внимание, которые

значительно превосходили то, что делалось в этом отношении в других странах.

Когда противоборство между царевной Софией и ее братьями Иваном и Петром Алексеевичем, завершилось в пользу братьев, тут же припомнили глухие толки, что царевне-де помогала в богомерзких ее делах какая-то бабка-ведунья. Волнуемые этим слухом, сотни доброхотов-москвичей собрались как-то перед стрелецким приказом, горя желанием разыскать злодейку-колдунью и расправиться с ней. Можно догадаться, окажись победительницей царевна София, а не Петр с братом, не меньшая толпа собралась бы, наверное, исполненная не меньшей жажды расправы. При этом не сомневаюсь и в том, что многие лица из одной толпы оказались бы и в другой.

Такие ситуации во все времена выталкивали на поверхность фигуру сыщика-любителя, доносителя-энтузиаста. Так было и на этот раз, когда в приказе перед боярином Василием Семеновичем Вольским предстал бравый молодец поморец Евтюшка. Он, мол, доподлинно знает эту бабку-ведунью. Предшествуемая Евтюшкой разъяренно-ликующая толпа бросилась, куда он повел, и выволокла из избы некую Марфушку. Та все отрицала и, да же когда дано ей было 32 удара кнутом, стояла на том же.

Народ в извечной своей жажде справедливости стал громко требовать ее "огнем жечь крепко". И это было бы несомненно проделано, не скончайся она сама, не выдержав пытки.

Через двадцать лет зло, сотворенное Евтюшкой, по тому же кругу, вернулось к нему. Другой наветчик, выкрикнув "слово и дело", показал под пыткой, будто давал Евтюшка дворцовой постельнице два кусочка воску наговоренного, чтобы она налепила, где знает, да еще упоминал Евтюшка при том "имя государево неведомо для чего".

Теперь настала очередь поморца. Он тут же был взят в застенок для дознания, но, так и не успев ни в чем повиниться, не выдержав пытки, умер. Жена же его на трех пытках держалась упорно, отвергая все обвинения против своего мужа, не зная даже, что это ничем уже не могло помочь ему. Но и после этого продолжали ее содержать под стражей, пока летом 1700 года из Преображенского приказа не

вышла бумага: "Бояре приговорили: Анютку, жену Евтюшки освободить потому, что она в том деле очистилась кровью".

Особым обстоятельством, и вызвавшим столь большое внимание к этому делу, было то, что упоминалось в нем "имя государево". Вот почему, выяснив досконально всю меру опасности и не пресекая ее полностью, никак невозможно было, чтобы хоть один человек, находящийся под сомнением, получил свободу. Правило это неукоснительно соблюдалось во всех делах такого рода.

Известно, каким противоборством, а порой и отчаянием встречали нововведения Петра Первого некоторые его современники. Перемены, рушившие вековой образ жизни, многими воспринимались как катастрофа их

собственного бытия. Поэтому и впал в такое состояние стольник Андрей Безобразов, когда назначен был воеводою неведомо куда, на дальний Терек, где-то на самом краю земли. Ослушаться он не посмел, но сколько мог, постарался задержаться в пути, посылая с дороги на имя государей Петра и Ивана Алексеевичей такие слезные прошения: "Едучи на службу, я в пути заскорбел, и от той скорби стал дряхл, и глух, и беспамятен, и в уме крушился и глазами плохо вижу, потому что человеченко старой и увечной, руки и ноги переломаны, и иные многие болезни во мне есть, и на Коломне меня, холопа вашего, поновляли и причащали, и маслом святым святили.

Умилителя, государи, надо мною, аки Бог! Не велите, государи, меня на Терек посылать".

Шел ему, Безобразову, тогда 69-ый год и жалобы его вполне можно понять.

Зная неуступчивость царской воли, Безобразов особо писал своей жене Агафье Васильевне: "Бей челом Авдотье Петровне, Авдотье Аврамовне. Съезди к Федоровым детям Полуектовича, к Артемонову сыну к Андрею Артемоновичу и им челом побей; да съезди к Автамону Ивановичу и ему побей челом. Съезди к князь Юрьеву сыну Рамодановскому, к князь Юрью Юрьевичу и побей челом. К князь Михаилу Ивановичу Лыкову съезди и побей челом. К Александру Петровичу Салтыкову съезди и побей челом".*

Полагая, что просьба должна быть подкреплена материально, Безобразов пишет своей жене в другом письме: "За Чачу незачто

стоять, лише б только меня поворотили.

Ведаешь ты и сама, что мне есть что дать: запас у меня есть... будет денги, — я и денег дам, ржевскую деревню продам, я. и тысячу дам! — А будет и деревня кому пона- добится, я и деревню дам."*

Все ничего было бы, доехал или не доехал бы новый воевода до места своего назначения, ничто не послужило

бы так к прискорбию и беде, не вздумай он обратиться за помощью к волхвам и ворожеям. Он же нарочно стал сы- скивать таких по своему пути, спрося, чтобы наслали они по ветру тоску на царя Петра по нему, Андрею Безобра- зову, чтоб захотел бы царь его видеть при себе и вернул бы его в Москву обратно.

Предали же его холопы, его же дворовые люди, донеся на барина ради наград и милостей государевых. По доно- су их тут же схвачен был "волхв Дорофейка". А после при- страстного допроса его и сам Андрей Безобразов достав- лен был в приказ Розыскных дел. "А на очной ставке Анд- рей Безобразов во всем заперся ж: что он его, Дорошку, и не знает. И с пытки Дорошка, после двух подъемов и одного удара, показал: Андрей Безобразов говорил ему ехать в Москву и там сделать, чтоб великие государи бы- ли до него добры."

Важен был, очевидно, не смысл посылки, в котором не было ничего злого, ни вредного ("чтобы великие госуда- ри были до него добры"), а само намерение, сама угроза воздействия. Если действительно можно заставить госу- даря подумать или почувствовать так, как наводит на не- го волхв, тогда царь, а значит и вся страна, народ могут стать игрушкой, послушные чьей-то воле. Именно этим объясняется величайшая тщательность и беспощадность ведения таких дел.

Вскоре разысканы были и другие волхвы и ворожеи, к которым в отчаянии своем пытался прибегнуть старик.

Все они приговорены были к отсечению головы. Волхвов же Дорошку и Федьку решено было "сжечь в срубе". Сде- лано это было в Москве, на Болотной площади, там, где сейчас сквер против кинотеатра "Ударник".

Площадь эта была традиционным местом казней.

Здесь были лишены жизни многие, в том числе и Пуга- чев. Сейчас это трагическое место Москвы отмечено по- чему-то памятником

художнику Репину, знаменуя тем полное историческое беспамятство не только правителей, но и народа.

В день, когда сожжены были волхвы, казнен был и сам Безобразов. "А жену Андрюшки Безобразова Агафью, — приговорено было, — сослать в ссылку в Новгородской уезд, в Введепский девич монастырь под начал, и быть ей в том монастыре по ее смерть неисходно. Величайшие опасения первых лиц государства по поводу всякого рода наговоров и порчи в свой адрес продолжались и в годы последующих царств и правлений. Утром 6-го октября

1754 года дворец Елизаветы Петровны охватил переполох. У всех дверей поставлены были караулы, встревоженные придворные, встречаясь в залах и в дворцовых переходах, выражали на лицах приличествующую озабоченность и тревогу. Прислуга и челядь затаились по своим клетушкам и, казалось, вымерли. Во дворце начинался повальный допрос и дознание.

В то утро, гласит запись, сделанная по этому поводу в Тайной канцелярии, "ее императорское величество изволили отдать графу Александру Ивановичу Шувалову найденный в опочивальне ее величества корешок в бумажке и приказали допросить камермедхен Татьяну Ивановну и комнатных девок Авдотью и Катерину — не они ли подложили корешок и не видали ли корешка, когда убирали, наконец, не имеют ли оне какого сомнения в подложении кем-нибудь этого корешка?"

Дальнейший ход этого дела неизвестен. Исследователь, лет сто назад занимавшийся им, вынужден был констатировать, что бумаги, относящиеся к делу, настолько сгнили и слиплись, что разобрать что-либо нет возможности.

Лучше сохранились многие из других подобных же дел. Так, в одном речь идет о случае, когда придворные мастерицы, поссорившись между собою, обвинили одна другую в том, что та, мол, сыпала тайно пепел в след, оставленный государыней. Тут же устроен был беспощадный розыск, как и положено, с дыбой и с пытками, дабы выяснить, кто научил ее этому и с какой целью. Особое подозрение вызвало то, что муж мастерицы оказался литвин (литовец): не делалось ли то по приказу литовского короля? И хотя выяснилось, что мастерица сыпала пепел в след только чтобы

государыня любила ее, масте-рицу ту и еще трех старух-ворожей с семьями отправили в ссылку. Прочих же, даже тех, кто донесли, обличали и обвиняли ее, впредь ведено было во дворец не пускать вовсе. Никогда! Уже само то, что они оказались осведомлены, что на высоких особ можно навести порчу, делало их опасными.

Ни знатность, ни богатство, ни влияние рода не служили защитой, если только тень подозрения такого рода падала на человека. Князь Михаил Иванович Воротынский только по доносу его же холопа, обвинившего своего господина в чародействе и злых умыслах на царя, подвергнут был жестокой пытке. Сосланный в заточение князь скончался в дороге после перенесенных мук.

Столь же жестока оказалась участь, постигшая боярина Артемона Морозова, тоже ставшего жертвой своей челяди. Лекарь его и "карла Захарка" донесли, что господин их, запершись читал "черную книгу". И хотя никакого дурного умысла замечено в том не было, за само чтение "черной книги" Морозов отправлен был в ссылку, лишен боярского звания, а имение его отобрано было в казну.

Сколь бы драматичны ни были сами по себе эти эпизоды русской истории, в нашем повествовании они присутствуют лишь в той связи, что дают почувствовать, дают понять, сколь значительное место занимали колдовская практика и порча в тогдашней реальности. Это тот случай, когда о предмете возможно судить по реакции на него. Причем это была реакция не людей невежественных и неграмотных, а лиц, для своего времени весьма просвещенных, тех, в чьих руках находились судьбы государства и нации. За опасениями их и страхом стоял безусловно определенный опыт и знание о результатах такого рода колдовских действий и порчи. Мы видели, что реальность таких воздействий не отрицают, а пытаются понять исследователи и ученые наших дней.

Одной из мер, должных оградить первых людей государства от порчи и волшебства, считалась клятва на верность, которую полагалось давать при вступлении царя на престол. По такой крестоцеловальной записи дававшие клятву обещали царю, царице и их детям "никакого лиха не учинити, и зелья лихого и коренья не давати, и не испортити, да и людей своих с ведовством, да со всяким

лихим зельем и кореньем не посылати, и ведунов и ведуний не добывати на государево лихо, и их государей на следу всяким ведовским мечтаниям не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не посылати и следу не вынимати."

Эстафета страха

Все сказанное ранее об авторитарных системах, где безопасность вождя, предводителя, императора понималась как безопасность государства и самого народа, в полной — а вернее, в превосходной степени — приложимо к последнему периоду истории нашей страны, периоду осененному знаком серпа и молота. Отличие от прошлого заключалось не столько в возросшей беспощадности (ни Розыскной приказ, ни Тайная канцелярия особой снисходительностью не отличались), сколько в не-

бывалой прежде секретности дел, связанных с тем предметом, о котором говорим мы здесь. Да и могло ли быть иначе? Могли ли вожди-материалисты, вожди марксистов-ленинцев признаться в своем тайном страхе перед неведомой силой, исходившей от людей по сути своей политически безграмотных, не понимавших законов классовой борьбы и тем самым пребывавших даже за гранью той реальности, в которой находились они сами.

Эту-то двоюмысленность, столь свойственную советской системе вообще, и призвана была скрывать та повышенная секретность, о которой говорю я. Именно в обстановке такой секретности и внезапности была проведена в стране операция по практически поголовному истреблению шаманов. Как представляется из того, что известно мне, задолго до того, как такое решение было принято в масштабе всей страны, особую тревогу по поводу шаманов проявляли партийные вожди национальных окраин. Ни милиция, ни ЧК и ни личная охрана не могли оградить их и их близких от бубна шамана, не могли защитить от проклятия и болезни, насланной им.

Поводов же к тому, чтобы заслужить все это, по мере того, как шло советское строительство, становилось все больше. Не потому ли по мере того, как на национальных окраинах усиливалась и обострялась война партийного аппарата со своим народом, одновременно и даже обгоняя этот процесс, усиливались и обострялись репрессии властей против шаманов? Окончательный удар был нанесен в год¹

Большого Террора, когда шаманы были арестованы повсеместно от Белого моря до Тихого океана и следы их затерялись за колючей, проволокой ГУЛА-Га.

Для народа же, восторженного по своей доверчивости в адрес властей, акция эта преподнесена была, как защита его же, народа, от религии и всякого суеверия. Нетрудно понять, если бы дело обстояло именно так, если бы акция эта была чисто идеологической, служители официальных религий подверглись бы ударам, никак не меньшим.

Однако, этого, как известно, не было. Каким бы репрессиям, вместе с остальным народом ни подвергались священники, муллы или раввины, вопрос о поголовном их истреблении не стоял. А именно такая попытка предпринята была в отношении шаманов.

Ничем, кроме страха перед шаманами и сверхъестественными их способностями, нельзя объяснить столь беспощадные и крайние меры властей. Страх перед ша-

манами и, как защитная мера, попытки истребить их, не новы. Сибирская и южно-сибирская зоны, где бытует шаманство, оказались в сфере двух великих держав — России и Китая. Несмотря на все различие между ними, и та и другая администрация вели постоянную борьбу с шаманством, вплоть до сожжения самих шаманов. Позднее, правда, заместники центральной власти от сожжения шаманов перешли к сожжению только орудий их колдовства — бубна, костюма и прочих атрибутов колдовства.

В сталинские времена колдунов просто арестовывали и уничтожали. Любителей-самоучек, собиравших литературу по оккультизму, пытавшихся, возможно, даже делать что-то в меру своих сил, арестовывали также, едва о них становилось более или менее известно. Надо думать, существовали какие-то инструкции и тайные циркуляры, предписывавшие постоянно выявлять таких людей и изымать их. Такое, во всяком случае, складывается впечатление из известных мне рассказов. Официальное же обвинение в отношении этих людей, как и в отношении шаманов, было чисто идеологическим: распространение суеверий и мистики в противовес "единственно истинной" материалистической марксистской идеологии. За всем этим, как и в прежние времена, был страх носите-

лей власти перед тем, что жертвами гибельного, вредоносного воздействия этих людей могут оказаться они сами.

О мере этого страха свидетельствует эпизод, который рассказывал А. Л. Чижевский*, невольным участником, а вернее жертвой которого едва не стал он сам.

Послереволюционный Петроград. Первые годы новой власти, от которой никто и, наверное, сами носители власти не знали, что ждать. В те начальные дни самые святые надежды и самое темное отчаяние соседствовали в душах многих. Надвигалась холодная и голодная зима.

Вечерами улицы погружались во мрак. Трамваи почти не ходили. Последнее обстоятельство и сыграло решающую роль в судьбе Чижевского. Точнее — спасло его.

Накануне знакомый из философского кружка, где иногда бывал и он, пригласил Чижевского на очень важ-

ную, как обещал он, встречу с людьми, у которых есть ответы на вопросы, которые мучат сейчас многих. Такая или почти такая, но во всяком случае достаточно туманная форма, в которую было облачено приглашение, была данью приближающимся временам, когда осмотрительность и осторожность становились условием выживания.

Адрес, записанный на клочке бумаги, являл название переулка где-то на окраине города. Эта удаленность, а может смутное чувство недолжности самого своего присутствия там, нежелания отправляться туда, чувство, которое упрощенно принято называть предчувствием, внушили ему было мысль проигнорировать приглашение вообще. Тем более, что он и не обещал определенно быть там. Когда уже вечером это необъяснимое нежелание ослабло и внезапно вдруг остановило его, он все-таки заторопился на встречу, жалея лишь, что опоздает. Ко всему еще долго не было трамвая. Обычно даже в те времена ему не приходилось ждать так долго, как в тот вечер.

Когда, наконец, он сошел на остановке и стал приближаться к переулку, указанному на листке, навстречу ему стали попадаться встревоженные кучки. Все смотрели в одну сторону, туда, куда он шел. Сначала обрывки слов и разговоров, которые доносились до

него, никак не соединялись в его сознании с местом, куда направлялся он.

— Сразу окружили и все! Чекисты...

— Чекисты. Десять машин...

— Я как услышала, что стреляют...

— Никто не ушел...

Небольшой особняк, стоявший несколько на отшибе и открывшийся ему за поворотом, был весь залит ослепительным и непривычным в те годы электрическим светом. Не менее, чем с десяток легковых автомашин, обступивших дом, заливали его ярким светом включенных фар. В их свете видны были какие-то фигуры, сновавшие с носилками из распахнутых дверей особняка к стоявшему поодаль в тени фургону.

Не останавливаясь и не замедляя шага, чтобы не обратит на себя внимание, он продолжил путь и, обойдя оцепление, постарался затеряться среди глухих окрестных улиц.

Через пару дней он знал уже, что произошло в доме, где он счастливо опоздал появиться в назначенный час. В тот вечер там договорились о встрече самые сильные оккультисты, экстрасенсы и чернокнижники Петербурга.

То действие, которое они намерены были произвести там, хорошо известно адептам тайных наук. Это то, что исследователи называют инволютивной магией. Прием этот един у русских колдунов, колдунов Африки, сибирских шаманов или жрецов вуду. Для этого берется изображение конкретного человека, при помощи неких действий оно как бы идентифицируется с оригиналом, после чего все, что проделывается с изображением, должно отражаться на самом человеке.

Кто-то успел донести о цели собрания в ЧК. Дом был бесшумно окружен. За мгновение перед тем, как с револьверами в руках одновременно ворваться туда через окна и двери, чекисты успели увидеть в небольшом зале человек двадцать, перед которыми стояли портреты вождей революции — Ленина, Троцкого и других, с которыми они проделывали непонятные манипуляции. Интересоваться, что именно делали они, у чекистов не было ни времени, ни нужды. Те, кто послали их, наверное, знали это лучше. Они же просто

выполняли приказ: не задавая вопросов, не спрашивая имен, они открыли стрельбу, Все, кто оказался в зале, были убиты на месте.

Те, кто отдал команду, пренебрегли даже традиционным арестом и допросом, предшествующими расстрелу.

Столь велик был страх.

У атеистических вождей, которые сами устранились от защиты хотя бы церкви, не оставалось ничего другого, кроме террора, что могло бы оградить их от вредоносных воздействий чернокнижников и колдунов. Любая система пропусков, самый беспощадный контроль бессильны были защитить их от губительных флюидов и незримых сил. И они понимали это. Единственная защита, это — пуля каждому шаману, колдуну или оккультисту, каждому, кто мог считаться хотя бы потенциально опасным.

И они всякий раз, не колеблясь, пускали это испытанное средство в ход.

3.СНИМАЮЩИЕ ЗАКЛЯТЬЕ

Ударвозвращается к тому, кто его послал

Систематическое и беспощадное истребление тех, кто проявлял какой-то интерес к оккультной практике, привело к тому, что число таких людей в годы репрессий, судя по всему, действительно значительно сократилось.

Хотя нельзя сказать, чтобы случаи, когда они проявляли себя, прекратились вовсе. Пример такого вредоносного воздействия в сороковые годы отмечен был ленинградским исследователем Л. Л. Васильевым в городе Елабуге: "Местные жительницы, ученицы фабрично-заводского училища П. (20 лет) и З. (16 лет), одна за другой получили "подметные письма", в которых каракулями было написано, что за то-то и то-то в такой-то день и час они будут наказаны болезнью — корчами, потерей голоса и речи, глухотой, болями в голове и руках... В указанные сроки все это в потной мере исполнилось. У П. внушенные письмом болезненные симптомы продолжались три недели, у З. — несколько суток. Обе девушки рассказывали потом, что во сне им являлась некая старуха, которая якобы и навела на них "порчу". К больным вызывалась фельдшерница из местной поликлиники, а "подметные письма" были переданы в народный суд, допросивший свидетелей".

Старуха, образ которой уловило во сне ночное сознание обеих жертв — важная деталь. Дело в том, что для исцеления, освобождений от порчи, которая наслана, иногда необходимо бывает знать, кто был источником зла. В этом случае усилия целителя направлены на жертву лишь в той мере, в которой через нее, через жертву, он может обнаружить и вырвать сам корень несчастья, т. е.

настичь того, кто наслал его.

Именно так поступает в подобных случаях, например, Светлана Чернецкая. Глядя на человека, она мысленно вызывает у себя образ того, кто наслал болезнь, если такое имело место. По описанию внешности, которое дает она, жертва нередко может узнать в этом образе конкретного человека. Правда, обычно, чтобы не дать повода к ожесточению она предпочитает не делать этого. Вместо этого, построив перед собой такой фантомный образ того, кто наслал болезнь, Чернецкая мысленно окружает

его языками пламени и "держит в огне", пока не увидит, как фантом сгорает, гибнет и исчезает в нем. После этого, по ее словам, насланный недуг исчезает. Человек становится здоров.

Я говорил уже, что каждому, кто наделен паранормальными способностями, реальность, в которой пребывает он, предстает во многом по-разному. Каждый из них живет как бы в своей Вселенной. По-другому воспринимает насланную болезнь и порчу А. В. Мартынов — как некий энергетический жгут, идущий от жертвы к тому, кто вредит ей. То, как снимает он это зло, исходит именно из этого видения.

— Я много работал на море, — говорит он, — и знаю, что такое рвущийся трос. С какой силой он может ударить. Когда обрубается энергетический жгут, он с силой бьет по тому, кто это сделал. Как-то ко мне обратилась семья военнослужащего по поводу их мальчика. Они снимали комнату у учительницы, завуча той школы, где он учился. Когда я занимался им, я обнаружил, что к нему подключен такой жгут. Я его обрубил. Через несколько дней родители рассказывают мне, что завуч, их квартирная хозяйка, была в школе, стояла на столе, устраивая какое-то предпраздничное украшение на елке, как вдруг какая-то сила сбросила ее на пол. Она довольно сильно расшиблась. Я заинтересовался, в какое время это про-

изошло. Оказалось именно тогда, когда я обрубил этот жгут. Другой случай. Мальчик тоже сильно болел, к его чакре был подсоединен такой жгут. Поскольку его состояние выражалось в разных недомоганиях, родители ввели его к психотерапевту. Когда уже после моего воздействия его привели туда в очередной раз, врач оказался весь в бинтах: упал на лестнице. И снова — произошло это в тот самый день и час, когда я обрубил жгут.

То, что Мартынов видит, как "энергетический жгут", В. И. Балашов и некоторые другие экстрасенсы воспринимают, как "луч". По сути это близкие, почти идентичные образы, описывающие некий направленный поток.

туннель, связь. Такой же жгут или луч присутствовал и в случае наведения или порчи, которым занимался В. И. Балашов.

В сентябре 1989 года к Балашову обратились представители космического ведомства. Едва был запущен спутник с космонавтами А. С. Викторенко и А. А. Серебровым, как с ними стало происходить нечто непонятное. До старта оба были совершенно здоровы, не было ничего,

что могло бы вызывать у врачей малейшую тревогу или беспокойство. Но буквально через сутки после выхода на орбиту и тот и другой стали жаловаться на различные недомогания, причем симптомы рисовали сбивчивую, совершенно непонятную картину. Запуск такого аппарата обходится в миллионы рублей. Если прервать полет, а вопрос стоял именно так, эти миллионы и работа многих сотен людей — все это должно было пойти прахом. "На них "наводят!" — такое предположение высказали те, кто обратились к Балашову. Предположение, казалось бы, весьма нехарактерное для представителей официальных структур.

— Меня спросили — "Откуда идет наводка? Из Москвы?" — рассказывает Балашов. — Я "посмотрел". "Нет, — говорю, — посыл идет, но не из Москвы". Собеседники мои ожидали, видно, что я назову Москву и даже точный московский адрес мне подсказали, откуда, по их данным, можно было бы ожидать этого. Я повторяю: "Нет, не отсюда." Чувствую, откуда-то с Востока, из Сибири. Потом четче пошло. Байкал. Нет, скорее, Иркутск. Сигнал идет откуда-то неподалеку от Иркутска. Безлюдное место.

Вроде, метеостанция. Нет, не метеостанция. Другая. Сейсмическая? Да. Сейсмическая. На этой станции или рядом с ней два человека. Один восточного типа, с бородой.

. Другой блондинистый, русский, моложе его. Его подручный. Оба "луча" к космическому кораблю идут от них. От первого -^ более сильный. Космический корабль заключен был как бы в "энергетическую капсулу". Мотивы, зачем делалось это? Исключительно из злодейства.

Коль скоро сознание наше оказалось способно принять сам факт такого воздействия, остается вместить и другое, то, что представляется еще более невероятным — что кто-то способен творить такое "исключительно из злодейства". Когда к ситуации подключено было еще несколько экстрасенсов, то, что открылось им независимо друг от друга, повторило картину, которую описал Балашов. Воздействие, наводка этих двоих были сняты.

Полет отменять не пришлось, он был продолжен и завершился благополучно.

Встреча, которой предпочтительно избежать

Действительно ли, когда удастся оборвать такой энергетический жгут, тот, кто посылает его, претерпевает не-

что вроде удара? Что конкретно может испытывать он при этом, зависит, очевидно, от того, каким образом и кто разрывает такой жгут. Во всяком случае, различные свидетельства говорят, что такой обрыв не проходит для него ни безразлично, ни безболезненно.

У живущей в Вильнюсе молодой женщины внезапно обнаружили симптомы недуга, связанного с заболеванием позвоночника. Заболевание ее быстро прогрессировало, и вскоре она не могла уже даже ходить. Врачи, обследовавшие ее, были единогласны — нужна операция, помочь может только она.

Женщина была православная, и от кого-то из прихожан своего храма она еще раньше слышала о святом источнике под Смоленском, дарующим исцеление. Правда, никто не знает, чему более обязан источник своей славе — самой ли воде или священнику, состоящему при нем.

Во всяком случае, к источнику этому уже много лет съезжается такое множество больных со всех концов страны, что даже дальние

поезда стали делать остановку на крохотном полустанке, что расположен рядом.

Поскольку сама больная передвигаться уже не могла, туда отправилась ее подруга. Когда приблизившись к источнику, она наполнила бутылку, священник остановил ее:

— Я вижу, ты для кого-то другого, не ради себя приехала. Скажи мне имя и время рождения того, о ком ты хлопчешь.

Та назвала то и другое. Священник взял бутылку и стал смотреть на воду. Потом сказал:

— Поезжай к ней. С молитвой побрызгай святой водой по четырем углам. Если после этого заснет она и увидит сон, что по полю идет, тогда пусть не делает операцию. Не нужно будет. Выздоровеет. Но, если, когда проснется она, кто-нибудь за солью придет, не давайте.

Такое странное напутствие услышала она от священника. То, что последовало, оказалось не менее странным.

Вернувшись в Вильнюс, с утра побрызгала она, как было сказано, святой водой в комнате, где лежала больная. Об остальном же, что сказал священник, ничего не стала говорить ей. Через час, примерно, больная вдруг заснула.

Недолго спала, а проснувшись, радостно говорит:

— Какой сон мне хороший снился! Будто иду я по лугу и цветы собираю. Ромашки. И такая счастливая! Я и сейчас еще чувствую это счастье.

Только сказала, звонок в дверь. Соседка пришла, просит дать ей соли, кончилась у нее. Подруга помнила, что сказал священник: — Нет соли!

Больная же, не зная о предупреждении, стала возражать ей:

— На кухне соль. Целая пачка. Дай человеку.

— Нет соли! — И подруга захлопнула дверь.

Операцию делать ей не пришлось. Через какое-то время она уже ходила совершенно свободно. А год спустя вышла замуж и вскоре родила ребенка.

Приход соседки не случаен. То, что по снятии заговора или порчи, тот, кто навел их, будет всеми силами стараться вступить в общение со своей жертвой, подтверждает и другие случаи. Злодей либо заявится

внезапно в)м, либо будет стараться как бы случайно встретиться 1 своей жертвой на улице. Как утверждают те, кто сни- 1ют наговоры и порчу, следует любым образом избе- ть таких контактов.

Деталь, которую упомянул я выше — то, что священ- iК прежде чем сказать что-то стал смотреть на воду, обы увидеть там нечто, напоминает практику других страсенсов-целителей таких непростых недугов.

Петр Дементьевич Утвенко, о котором я уже говорил, ^ юй же целью пользуется платком и стаканом.

— Что вы видите там? — Спросил один из пациентов.

— Вижу больного белым фоном и, как на фотобумаге в проявителе, проступают темные пятна болячек.

Что еще, кроме того, о чем он говорит, видит Утвенко, об этом он предпочитает не сообщать. Многократно об- виняемый и оскорбляемый прессой в прошлом, чудом избежавший тюрьмы за "незаконное врачей а- 'н и е", он и сейчас старается не давать повода обвинить его в тайных знаниях и мистицизме. Только когда оказы- вается необходимо сказать что-то, выходящее за пред- елы традиционных отношений лекаря и пациента, он де- лает это. И лишь по этим отдельным упоминаниям мож- но догадаться, насколько больше "видит" и знает он, чем говорит обычно.

Щепочки II "венки"

Милая девушка Нина Р. работает в редакции москов- ской газеты, официальном печатном органе ЦК КПСС. С некоторых пор стала она жаловаться на общее недомога- ние и таять буквально не по дням, а по часам. Врачи, как

обычно бывает в таких ситуациях, помочь ничем не мог- ли. Услышав как-то об Утвенко, Нина тут же собралась в путь. Единственные вопросы, которые задал он, увидев ее, были те же, что задавал священник в подобной ситуа- ции — имя и когда родилась. После чего, посмотрев в стакан, он сказал:

— У тебя отец умер недавно. От туберкулеза. Порча на всех вас наведена. Найди дома подушку, зашиту по краю черными нитками. Распори. Увидишь среди пуха "венки". Сожги его.

Одна из подушек, среди бывших в доме, действитель- но оказалась зашита по краю черными нитками. Еще не веря, что такое

возможно, Нина осторожно распорола ее.

Она перебрала уже почти все, когда в последней кучке увидела "венок" — свитые кольцом пух и мелкие перья, перевязанные, чтобы сохранить форму кольца или "вен-ка", ниткой. Вечером она сожгла на пустыре "венок", а заодно и всю подушку и с тех пор стала здорова, как была когда-то.

Как говорил я, чтобы наслать, навести напасть, колдун нередко старается завладеть каким-то предметом, принадлежащим его будущей жертве. Через него он выходит как бы на связь с тем, кому вознамерился причинить зло.

В других случаях он пытается сам незаметно подбросить, а то и заслать, телепортировать такой предмет, через который он посылает разрушительные импульсы зла. Чаще всего такой предмет — "венок" — засылается в подушку. Спящая жертва, особенно в момент, когда она засыпает без креста и молитвы, бывает максимально беззащитна и открыта для такого воздействия.

Шаманы, наводящие болезнь, действуют по той же схеме. При этом в их исполнении такой вредоносный предмет влияет на жертву независимо от того, где он находится. Поэтому чаще они стараются спрятать подальше в таком месте, где у жертвы меньше всего шансов найти его.

Соответственно, задача другого шамана, целителя, к которому обратились, чтобы избавиться от порчи — найти и уничтожить эту вредоносную вещь. Здесь, как и у других, кто снимает порчу, явно подключаются какие-то ясновидческие механизмы. О том, как может проходить такое снятие зла с участием шамана-целителя, рассказывает исследователь-этнограф:

Туркмен — шаман Оразназар во время камлания узнал причину нездоровья больного, которого привели к

1 нему. Он узнал, что наговоренный предмет ("бент") находится в колодце. В сопровождении нескольких всадников шаман тут же оправился к колодцу, который находился на расстоянии около 20 километров. На веревке шаман опустил в него, но тот оказался полон воды в два человеческих роста и с первого раза ему не удалось достичь дна. Лишь после нескольких попыток он смог

сделать это и достать со дна железную коробку. Вернувшись вместе с теми, кто сопровождал его, он передал ее отцу больного:

— Внутри, — сказал он, — должна быть кость, в кости бумага с вредоносным наговором. И еще там должен быть свинец, чтобы коробка затонула.

Когда коробку открыли, содержимое ее оказалось именно таким, как и сказал шаман. Отверстие кости, куда была вложена бумага, было залито воском.

Это далеко не единственный эпизод такого рода — за- ключает исследователь. Когда шаман, найдя предмет, рва и сжигал записку, больной выздоравливал.

При обычном заболевании отношения пациента и врача в каком-то смысле механистичны: врач задает воп- росы, выписывает лекарства, больной следует его пред- писаниям. Приходит другой больной, приходит тысяч- ный и все повторяется с монотонностью конвейера. И со- вершенно иная суть происходящего в целительствах от порчи и зла, насланных кем-то. Каждая ситуация здесь уникальна, как неповторимы и уникальны обстоятельст- ва, стоящие за ней.

Соответственно, сами методы и приемы, которыми исцеляют от порчи и наговора, так же далеки от традици- онных медицинских средств, как унылые медицинские истории болезней, от драматических историй, стоящих иной раз за такой порчей или наговором. Как и в случае, который я только что рассказал, инициатором такого на- говора нередко оказывается женщина. Женщина, чьи чувства оказались отвергнуты или оскорблены. Не знаю, не берусь судить, можно ли ответить односложно, кто олицетворяет, кто приносит в мир исходное зло — кол- дун ли, наславший порчу, та ли, что просила его об этом, или сам человек, сотворивший кому-то обиду и зло и уже по одному этому открытый для зла сам? Во всяком слу- чае, вот такую историю поведал мне киевский киноре- жиссер В. П. Олендер:

— Зовут ее Валентина Баранникова. Поехал я к ней случайно. Не собирался совсем. Добираться к ней слож- но, а тут заехал приятель на машине. Поехали. Тем более,

суббота, она не принимает. Значит мешать не будут, поговорить можно. Когда заходили к ней, девица от нее вышла с лицом, темным от отчаяния и печали. Валентина оказалась женщиной лет всего сорока. Так что слово "бабка" весьма условно применимо к ней. Нет ничего, что внешне как-то выделяло бы ее. Говорит нам, когда мы вошли: "Видели вышла сейчас от меня? Парня ждала из армии. Даже не гуляла с ним до этого, а он пришел, оби-

дел ее, а сам женился на другой. А другая на той же улице живет. Если бы еще где... Чуть ни каждый день видит их, лицом к лицу встречается с ними. Не разминуться. Места не находила из-за этого. Узнала, где "черная бабка" живет. Люди всегда подскажут. И поехала к ней, рассказала: о своей обиде. Та говорит — ладно, помогу, мол. Спрашивает: "У тебя от него есть что-нибудь? Письмо там, фото или хотя бы что он в руках держал?" Но она знала уже об этом заранее. Тоже люди сказали. Захватила половинку письма от него из армии. Нарочно половинку и нарочно так разорвала вдоль, чтобы прочесть нельзя было. Но бабка и не собиралась вникать, что там написано. Взяла листок, скомкала, в тряпочку завернула, отошла, пошептала над ним что-то, сбрызнула из чашки и говорит: "Сядишь на электричку (сказала куда ехать). Только поздно вечером поезжай, да так рассчитай, чтобы, когда приедешь, двенадцать ночи было. И день выбери, когда луна совсем на ущербе будет. Как сойдешь, иди по дорожке, что справа, она одна там, не спутаешь. Отсчитай пятьсот шагов. Тут еще раз направо поворачивай, еще триста шагов. По сторонам не смотри, только шаги считай, чтобы тебе не сбиться. Там стань да узелок этот в землю и закопай и будет тогда все по-твоему." Она так и сделала. Выбрала ночь, когда луна в ущербе, поехала, отсчитала все шаги и закопала узелок там в землю. Месяц проходит, ничего с тем парнем не делается. Засомневалась, она, опять к той "черной бабке" поехала. Лучше бы не ездила.

Успокаивает ее бабка, говорит: "Не сомневайся, умрет твой Валерий-то". Девка аж в голос закричала: "Как умрет?! Я же не просила об этом!" "Мало что не просила. А узелок-то где закопала? На кладбище. Туда и свезут его скоро." Девка запричитала, что не видела она, где закопала, темно было. И не надо этого, не хочет она! "И не отпирайся, милая, — отвечает бабка, — на то и свидетель есть.

Борька, ты здесь?" И вот откуда-то, из темного угла что-то непонятное появилось, шар какой-то мохнатый, и прыг ей, старухе, на плечо. "Ну что, видел, как шла она на

1 f ^

кладбище?" И тот комок мохнатый запищал: "Видел! Ви-дел!" "Умрет Валерий-то?" Комок радостно подхватил: "Умрет! Умрет!" Тут девица эта со стула так и сползла, вроде обморока у нее случилось от этого всего. С того ра-за заикаться стала. И вот, стерва, приезжала ко мне не за него, ведь, не за Валеру своего, просить, хоть могла бы, а за себя. Она, мол, несчастная! Заикаться стала."

— Я не успел спросить, — продолжал Олендер, — по-могла ли она ей, как за окном послышался звук подъез-жающей машины. "Гони их всех! — крикнула Бараннико-ва кому-то из своих домашних. — Очумели они все что ли? Суббота ведь!" Тогда я стал просить ее, чтобы приня-ла приехавших — мне интересно было увидеть ее "за ра-ботой". Вошел военный летчик, капитан, кажется, пропу-стив вперед себя женщину, худенькую, как подросток, видно, жену. Очевидно, они были у колдуньи раньше, по-тому что она, сразу узнала их и спросила отрывисто: "Ну как, нашли?" В ответ капитан молча протянул ей малень-кую пластмассовую коробочку. Заглянув в нее, она кив-нула и передала коробочку мне. Я увидел несколько ма-леньких согнутых ржавых гвоздей и "венков" из перьев, перехваченных кое-где ниткой. Я уже знал, что это такое.

"Гвозди. Видел — гнутые? Они их всегда засылают. Либо "венок", либо гвозди. А здесь, видишь, и то и то. Мало им показалось. А иной раз еще и щепка окажется. Тоже бы-вает."

Оказалось, с месяц назад жена летчика стала вдруг буквально таять. Потеряла за эти несколько недель кило-граммов двадцать. Появилась слабость, апатия, не хоте-лось жить. Анализы ничего не давали, а врачи, как это бывает всякий раз в подобных случаях, выписывали ле-карства и давали советы, которые оказывались бесполез-ны. Они не знали, не могли понять, что то, что происхо-дило с ней, было не по их части. Летчик метался в по-исках спасения, когда случай и вывел его на Валентину Баранникову. Сейчас, в свете вечернего солнца, очевидна была не просто худоба его жены, а какая-то даже прозрач-ность. Когда они приехали первый раз,

только взглянув на нее, Валентина сказала: "Поезжайте скорей домой, распорите перину, на которой спите. Переберите по перышку. Что найдете, везите ко мне." Она не стала говорить, что именно могут найти они там. Она знала. Когда капитан с женой собрали в коробочку, что оказалось там, то отправились сначала даже не к ней, а к теще, ей показать — как мол, могло все это оказаться там? Ведь пери-

ну-то она сама готовила. Та только за голову схватилась.

"Теперь сожги все, — сказала Валентина, возвращая коробочку. — И гвозди тоже в огонь. По луне — сегодня самое время." Когда же летчик, чуть ни со слезами благодаря ее, ушел в сопровождении все такой же безучастной жены, и машина их отъехала, Валентина заключила: "Это какими же дураками надо быть, чтобы к теще ехать! Она-то разве могла бы? Родной дочери-то? Есть еще дураки. Я могла бы сказать, кто сделал. Но зачем? Вот запалит он костер-то, да бросит все это в огонь, никогда больше к ним не сунется. Обожжется!" И довольная, она засмеялась чему-то, понятному ей одной.

Баранникова и то, что делает она, не есть нечто исключительное. Таких "бабок" сегодня сохранилось немало.

Затаившись, они пережили лихолетье, продолжительность не в одно поколение. Как пережили этот срок и другие — те, кто не утратили и не забыли злого искусства наводить на людей порчу, насылать болезнь и недуги. Противоборство их, идущее, наверное, с тех пор, как в мире появились добро и зло, продолжается по сей день.

Услышав о Баранниковой, когда был в Киеве, я собрался было навестить ее, но узнал, что какое-то время назад она исчезла. "Уехала", — лаконично отвечают те, кто разделяли с ней кров. На вопросы: "Куда? Когда вернется?" — молчаливое пожатие плечами.

Я знаю, время от времени некоторые из таких людей исчезают. Очевидно, на то у них бывают свои причины.

Правда, я не встречал еще, чтобы кто-то внезапно уехавший так, возвращался. И на это тоже, остается предположить, существуют свои причины.

4.ЦЕЛИТЕЛИ.

НА НЕВЕДОМЫХ ПУТЯХ

По благодати и без нее

Напомню: некоторые считают, что болезнь, как форма страдания, есть искупление, погашение зла, совершенного человеком в этом или в прошлом его рождении.

С величайшим уважением и симпатией относясь к этой точке зрения и к людям, которые ее разделяют, я чувствую все-таки, что что-то не дает мне принять ее до конца.

Это как бы дверь, я вижу ее, она открыта, но войти в нее я не могу. И я пытаюсь понять, что мне мешает.

Мне кажется, я начинаю понимать: это сама готовность таким образом все объяснить и ответить на все вопросы. В реальности, встающей за этой точкой отсчета, я присутствую лишь частично. Там же, где пребываю я, царят скорее "произволы Господни". Кто чувствует, как я, легко поймет, что я имею в виду.

Почему и зачем я вообще заговорил здесь об этом?

Только чтобы сказать о тех целителях, которые делают свое дело вне понятий кармы, не видя в болезни ни воздаяния, ни искупления за прошлое зло.

Таковы целительства многих христианских святых.

Московское княжество уже много лет платило тяжелую дань Золотой Орде, и не было случая, чтобы посланец хана привез весть, которая означала бы что-то, кроме новых тягот и горя. Так было и на этот раз. Хан Чанибек Тайдула прислал Московскому Великому князю Иоанну Иоановичу письмо, в котором требовал от князя прислать к нему "человека божьего", Московского митрополита Алексия*, чтобы тот помолился о даровании прозрения его жене. Жена же его была слепа к тому времени уже в течение трех лет. Но главное, письмо хана содержало важное политическое условие. Вернее, угрозу: "Если, — писал хан, — по его молитве исцелится моя жена, то ты в мире со мною, будешь, если не пошлешь его ко мне, то со огнем и мечем пройду по твоей земле."

Само то, что сохранение мира связывал хан с исполнением задачи, которая заранее должна была бы казаться невозможной и невыполнимой, говорит о том, что целью этой его акции, очевидно, был просто набег. Но коль ско-

ро княжество все время исправно платило дань, хану ну-жен был предлог. Не исключено, что такой ход мог быть подсказан хану и кем-то из других русских князей, соперников великого князя Московского.

В такой обстановке, в таких обстоятельствах святой Алексей в сопровождении клира отправился в Золотую Орду. То, что последовало, можно комментировать и пытаться объяснить как угодно. Когда митрополит совершил молебен и окропил женщину святой водой, она прозрела. Москва была спасена. Осыпав дарами святого и прибывших с ним, хан с миром отпустил их обратно.

Перстень, которым хан наградил святого, хранился с тех пор в патриаршей ризнице. Цел ли он сейчас, сохранился ли, пройдя жестокое время, не знаю.

Бессмысленное и неблагодарное дело, как видится мне, пытаться понять, найти объяснение, почему одним молитва во исцеление помогает, а другим — нет. Не только с каким-то злом, совершенным или несовершенным когда-то, но даже с верою или неверием болящего оказывается трудно и невозможно это связать. И нет этому, как и многому другому, как видится мне, иного слова, кроме как все того же: "произволы Господни".

Не привожу здесь длинного перечня других целей и чудес, совершенных святыми. Упомяну только одно, более близкое к нам по времени. Это "исцеление по телеграфу" Иоанном Кронштадтским наследника болгарского престола Бориса*, от которого отступились было уже все светила тогдашней медицинской науки. Иоанн награжден был болгарским орденом.

Всегда ли, однако, святость и благодать были условием такого целительства?

Как-то великая княгиня Анастасия с сестрой гостили в Киеве в подворье Михайловского монастыря. Проходя по монастырскому двору, они заметили монаха, занятого колкой дров. Подошли, разговорились. Оказалось, монах дважды пешком совершал паломничество в Иерусалим, побывал во многих русских обителях. Во всем этом не было, правда, ничего примечательного. В те времена на Руси было немало таких людей, ищущих Бога. Но сам

разговор с монахом, его суждения показались великой княгине любопытны. Она спросила его имя, он был приглашен княгиней в Петербург и какое-то время спустя оказался представлен царской семье. Как вы уже догадались, я говорю о Распутине.

Об этом человеке написано и сказано очень много. Об удивительных его способностях, равно как и о пороках.

Не буду повторять ни того, ни другого — это было бы невозможно, да и ни к чему. Замечу только, что, в отличие от целителей, о которых говорилось выше, претендовать на благодать оснований у этого человека было крайне мало. Но тем не менее он лечил. Лечил не только тех, кто верил ему слепо, но и тех, кто исполнен был скепсиса к его способностям и к нему самому.

Вот как описывал это один из современников и свидетель происходившего: "Болел кто-нибудь головой и лихорадкой — Распутин становился сзади больного, брал его голову в свои руки, нашептывал что-то, никому непонятное, и толкал больного со словом "Ступай!". Больной чувствовал себя выздоровевшим. Действие распутинского нашептывания я испытал на себе и должен признаться, что оно было ошеломляющим."

Небезынтересно привести в этой связи рассказ секретаря Распутина об исцелении его сына. "Мой второй сын уже долгое время страдал болезнью, которая считалась неизлечимой. Его правая рука постоянно тряслась, и вся правая сторона была парализована. Он ежегодно несколько месяцев должен был проводить в кровати. Когда я улышал от Вырубовой и других дам о способности Распутина излечивать болезни, я его несколько раз просил помочь моему сыну. Но он не соглашался на исполнение моей просьбы и всякими путями изворачивался. Во время одного из его деловых посещений он увидел на моей квартире в очень жалком положении моего сына, и его, наверно, охватило сострадание к нему. Не спуская с него глаз, он предложил мне привести его рано утром, пока он еще не встал, к нему. Мой сын должен был поджидать Распутина в одной из комнат, а я разбудить его, но так, чтобы он меня не видел.

Я привез моего больного сына на квартиру Распутина, посадил его в кресло в столовой, сам постучал в дверь спальни и быстро покинул его квартиру. Мой сын домой вернулся через час. Он был

излечен и счастлив. Болезнь больше не возобновилась. Он рассказывал, что его лечение производилось Распутиным следующим образом:

Распутин вышел к нему из своей комнаты, сел против него в кресло, опустил на его плечи свои руки, направил свой взгляд ему твердо в глаза и сильно затрясся. Дрожь постепенно ослабевала, и Распутин успокоился. Потом он вскочил и крикнул на него: "Пошел, мальчишка! Ступай домой, иначе я тебя выпорю." Мальчик вскочил, засмеялся и побежал домой." Но если Распутин, следуя нормам своего времени и своего круга, иногда прибегал хотя бы к поверхностным, внешним формам благочестия, современные экстрасенсы-целители, как правило, не видят нужды делать этого.

Одно время по первой программе Центрального телевидения ровно в 7.15 утра в самой популярной передаче, которую смотрят миллионы людей, появлялся человек в легкой спортивной безрукавке, который говорил примерно следующее:

— Сегодня я постараюсь помочь тем, кто... (далее он называет область заболевания или его симптомы). Сядьте удобно. Приготовьте стакан или чашку с водой. В ходе сеанса я заряджу ее, вы будете пить в течение дня и почувствуете облегчение. Боли пройдут. Разомкните руки и ноги, закройте глаза. Смотреть на меня не обязательно.

Старайтесь прислушиваться к тому, что в это время будет происходить с вами.

Это известный экстрасенс и целитель Аллан Чумак.

Если вы не закрыли глаза, вы могли бы увидеть на экране, как, делая пассы руками, временами беззвучно шепча что-то, он снимает боль, исцеляет суставы или сосуды и, судя по письмам, по десяткам тысяч писем, действительно помогает многим. С благодарностью пишут люди, страдания которых многие годы не могла облегчить медицина, люди, потерявшие было надежду.

Другой целитель, человек исключительной сенситивной силы — Кашпировский. Он также часто появляется на экранах телевизоров и удивительным, необъяснимым исцелениям, связанным с его именем, нет числа. При этом наблюдателю со стороны может показаться,

будто он почти не прилагает или вообще не прилагает никаких усилий.

Не стану приводить здесь ни рассказов о самих этих случаях, ни комментариев коллег-медиков, состоящих либо из изумленных восклицаний, либо из неодобрительного бормотания, в котором очень уж явно просматривается профессиональная зависть.

Впрочем, речь здесь о другом — не о том или ином экстрасенсе-целителе, а о том, как соотносится сама эта способность с дарами духовными и тем, что называют благодатью.

Я знал священника, который попробовал развить в себе эту способность — целительство, и у него это стало получаться. Прихожане начали замечать, что после благословения у некоторых исчезла боль, у других проходили болезни. Об этом стали говорить. Однако, когда разговоры дошли до него, он после мучительных раздумий и колебаний прекратил эту практику.

— Они ведь полагали, что это от благодати, — пояснил он мне, — и думали обо мне неведь что. Получалось, что я невольно обманывал их.

Совершенно особый вопрос — нравственные стимулы действий целителя, та черта, от которой ведет он отсчет.

Ведет ли он этот отсчет от больного или от себя самого?

И если от больного, всегда ли может он тому, кто пришел за помощью, сказать "нет"?

Скажем, ты видишь знаки, — говорит Т. П. Борисова. — Словом, знаешь, когда можно целить, а когда — нет.

А приходит больной к целителю, скажем, низшего уровня, который не понимает, не видит этого. На пациенте знак, что болезнь кармическая. А он, целитель, старается, энергетику ему правит. К чему может привести это? Может, и будет небольшое сиюминутное облегчение больному, как утешение целителю, но коли болезнь кармическая, потом все всё равно вернется обратно. Хуже, когда целитель, видя знак, все-таки берется делать что-то. В этом случае воздаяние может быть для него достаточно болезненным: целитель заболевает той же болезнью, которую он пытался лечить. Я имею в виду случай, когда он знал, что делает недолжное.

Каков побудительный стимул, что движет целителем в каждом случае: сострадание и желание помочь, корысть или некое сочетание того и другого? Среди тех, кто занимается целительством, можно видеть как святых, так и людей весьма мирского плана, порой с полным набором не лучших человеческих качеств.

Однако противоречия в этом, возможно, и нет. Прав, безусловно, был тот священник, которого я упомянул.

Есть паранормальные способности, в том числе способность к целительству. И есть благодать, дары духовные. И не нужно их ни путать, ни принимать одно за другое.

Иногда они могут совместиться, сойтись в одном человеке, что вовсе не обязательно. Так, блондин, скажем, может оказаться скрипачом, а брюнет шахматистом. Но из этого вовсе не следует, чтобы каждый скрипач был блондином или каждый блондин скрипачом.

Точно так же способность к целительству может существовать, очевидно, обособленно, отдельно от даров духовных. Хотя и жаль, конечно, что это так. И даже более того — способность к целительству может не столь уж обязательно сочетаться с высокими нравственными качествами. Что не менее прискорбно.

Закономерности, которые есть, но которых в то же время и нет. Некоторые целители утверждают, что воздействуют не на само тело пациента, а на ту энергетическую оболочку, которая окружает его, на биополе. Можно предположить, что такое воздействие носит резонансный характер.

Непременно резонансна по своей сути и эмоциональная сторона целительства. При этом ощущение симпатии, близости, даже идентичности с пациентом может быть настолько существенным, что для достижения цели может оказаться важнее, чем даже сами целительские усилия. Вот как формулирует это известный американский исследователь таких воздействий и сам сильный экстрасенс-целитель Л. Ле Шан: "Целитель приходит в измененное состояние сознания, во время которого он воспринимает себя и пациента как единую сущность. В происходящем нет попытки "оказать воздействие" на пациента,

усилия целителя сводятся только к тому, чтобы слиться с ним, стать одним целым."

Интересно наблюдать, как разные целители независимо друг от друга на основании лишь собственной практики приходят к тому же.

— Иногда воздействовать на человека бывает очень трудно, — доверительно говорила мне целительница из Сибири. — Я не могла бы описать словами, как делаю я ' это. Знаю только, что при этом я обязательно должна любить человека, которому я хочу помочь. Если я не люблю его, результата не будет. Вот как-то приходит ко мне человек — пожилой, интеллигентный такой, в очках. Кто-нибудь, может, даже нашел бы его симпатичным. Но я- то вижу, что это плохой, жестокий человек. Как и почему, что конкретно сделал он, я это могу знать, но не хочу. Это как если бы я взяла в руки книгу и по названию знала бы, о чем она. Я могу раскрыть ее, тогда узнаю детали, а могу

и не делать этого, если не захочу. Так вот, мне известно, каков он, а детали не нужны и излишни. Но раз обратился ко мне, я не вправе сказать ему "нет". Потому что это значило бы судить другого. Даже то, что я сказала о нем сейчас, значит, что я как бы осудила его. А этого не должно. Но я не о том. Несимпатичен он меня. И вот, чтобы помочь ему, я должна заставить себя, если не полюбить его, то постараться, чтобы во мне шевельнулась хотя бы какая-то симпатия. Я нарочно расспрашиваю его о близких, не потому что мне это важно и нужно, а чтобы почувствовать, о ком скажет он с любовью и нежностью, чтобы хотя бы через это почувствовать к нему что-то доброе. Но и это не всегда получается. Так вот, в этом случае, чтобы убедить себя хоть в чем-то хорошем, что связано с ним, я стала говорить себе, какие красивые пуговицы у него на костюме. Но если мне не удалось преодолеть барьер отторжения, если человек активно неприятен, несимпатичен мне, пока я не сняла этого, сколько бы я ни старалась, я знаю, я ничем не смогу помочь.

Это условие целительства — условие любви, близости вплоть до полной идентификации — невольно заставляет вспомнить завет Серафима Саровского: "Люби ближнего, ближний плоть твоя". И равный ему по смыслу принцип Веданты*: мой ближний и есть я сам,

то же, что разделяет нас, представляя как разные существа, есть не более чем иллюзия.

Есть, очевидно, некий глубинный смысл в том, что единый завет любви, открывшийся через разные исповедания, оказывается ключом к целительству.

Большинство целителей не придерживается ни определенного времени суток, ни тех или иных дней, хотя некоторым из них известно, что день и час такого воздействия весьма не безразличны.

Дни новолуния или полной луны для целительства особенно благоприятны. Очевидно, это время максимальной нестабильности психики и организма человека.

Особенность этих фаз заметили еще хирурги: большинство неблагоприятных операций, когда пациент теряет очень много крови, приходится на дни новолуний. Психиатрам и невропатологам также хорошо известны эти пики по состоянию их пациентов. Больше всего убийств и аварий также приходится на эти крайние фазы.

Целитель может принимать в расчет, однако, не только состояние луны. Он может поинтересоваться, когда родился пациент, число и месяц. Очевидно, это связано с некоторыми индивидуальными ритмами. О том, что биополе человека подвержено определенным пульсациям и зависимостям от даты рождения, исследователи узнали только недавно. Вот как говорится об этом в одном из докладов, посвященных этой проблеме: "У каждого человека существуют паузы, когда рамка в руках оператора не реагирует на его поле. Продолжительность внутримесячных пауз от 4 до 6 дней. При этом у родившихся с октября по март пауза бывает с 5 по 10—11 число каждого месяца. У родившихся с апреля по сентябрь энергопауза обычно с 16 по 21—22 число."

Очевидно, такие паузы тоже соотносятся с благоприятным или менее благоприятным временем целительского воздействия.

В течение суток наиболее результативно воздействие вечером на закате или рано утром, при восходе солнца.

Магической традиции это известно давно. Все заговоры, в том числе и от болезней, совершаются на утренней или на вечерней зорьке. Очевидно, это то время, особенно на закате, когда человек в наибольшей мере открыт воздействию — как положительному, так

и негативному. Именно поэтому у некоторых народов существует древний запрет спать на закате. (Спящий для такого воздействия особенно открыт и незащищен). У киргизов, например, спать в это время не разрешают даже тяжелобольным. Их будят и поднимают им головы, чтобы прервать сон.

О том, что в течение дня происходят пульсации биополя, свидетельствуют и данные исследований. Продолжу цитату из доклада, который я уже приводил:

"Есть и внутрисуточные ритмы: десятиминутные энергопаузы каждый час. И две большие паузы от 45 минут до 2-х часов. Дневная такая пауза падает на интервалы от 12 до 14 или от 15 до 17 часов. Причем люди, обладающие одинаковыми дневными энергопаузами, наделены близкими психофизическими особенностями. Эти ритмы биополя, очевидно, являются отражением ритмов космоса. Сами паузы выглядят как отрыв, "отлив" внешнего приемно-информационного поля от человека на расстояние до одного метра и более."

Некоторые одну из причин пульсации биополя видят в изменении слабых гравитационных полей Земли. Сила этих полей меняется в зависимости от расположения не-

бесных светил. Именно в полночь (тоже пиковый, переломный момент в магической практике) такая гравитация оказывается максимальной.

Является ли пульсация биополей человека действительно отражением процессов, происходящих в космосе, или не зависит от них — не знает никто. Единственное, что можно констатировать с уверенностью, это то, что они есть и что для целительства, очевидно, это весьма важно. О важности этого свидетельствует, в частности, и то внимание, которое уделяется времени воздействия в китайской системе акупунктуры. Древнейшие и наиболее глубокие трактаты об этом искусстве содержат сложные расчеты наиболее и наименее благоприятного времени каждого из таких воздействий.

Очевидно, и экстрасенс-целитель, знающий и соблюдающий такие наиболее благоприятные периоды, усиливает эффект своего воздействия.

Значит ли это, что тот, кто не соблюдает этого, поступает неправильно?

Нет, не значит.

Далеко не всегда целители лечат только посредством рук. Некоторые делают это при помощи трав. Но смысл такого лечения и самих трав совершенно не тот, который видит в этом медицинское око. Современные фармакологические концепции принимают в расчет только химические компоненты воздействия. Компоненты эти действительно присутствуют, как бесспорен и их эффект.

Но это лишь ничтожно малая и слабейшая часть того, что могут дать травы.

Более сложный, условно-энергетический подход присутствует в китайской целительской практике. В зависимости от времени и места сбора или части растения — они подразделяются на "ИНЬ" или "ЯН"*. От того, какое начало: "ИНЬ" или "ЯН" — преобладает в заболевшем органе, предписывается снадобье из соответствующих растений и их частей.

Определить, преобладает ли в листьях, корнях или цветках растения "ИНЬ" или "ЯН", можно, пользуясь записями и таблицами старинных китайских книг. Некоторые пользуются для этого маятником или "Г"-образной рамкой. Характер движения рамки или маятника

безошибочно указывает различие. Но истинный целитель-экстрасенс прибегает к ним довольно редко: он воспринимает эти энергетические различия так же безошибочно, как обычный человек видит различие форм предметов или гамму цветов.

Существует, однако, и более дробное, более детальное сочетание растения и болезни. Из-за отсутствия более точных и четких понятий и болезнь, и растение выражаются через цвета. Увидеть "цвет" болезни и "цвет" растения, могущего ее исцелить, может только человек, обладающий, кроме обычного, иным, нефизическим зрением. Рассказывает Таисия Петровна Борисова:

—Я маленькая была. Бабушка моя была известная травница. Люди к ней приходили и приезжали из самых дальних мест. Она ничего не спрашивает, только посмотрит, кто пришел, и подбирает ему травы. Я, ребенок, играла и, подражая ей, тоже пыталась составить и подо-

брать что-то. Конечно, это была игра. Помню, бабушка говорит мне: "Ты не ту траву кладешь. Если болезнь красная, то и траву нужно брать красную." Я не поняла, говорю: "Но трава же зеленая". Она посмотрела на меня, вроде бы удивилась и спрашивает: "А трава, правда, зеленая?"

Ну-ка, посмотри, как следует." Я посмотрела, и правда — красная трава. А может быть и желтой, и синей. Когда я первый раз правильно подобрала к цвету болезни цвет травы, бабушка похвалила меня: "Вот теперь правильно."

Молодец." Сама она, подобрав несколько трав по нужному цвету, смешивала их и делала настой. Настой должен был стоять несколько дней, прежде чем будет готов. Травы, которые в нем, должны "пожениться". "Нет, — говорила она, — не поженились еще". И ставила банку на место.

Я не знаю, как объяснить, что там происходит, но незримо, не глазами воспринимается это как гармонизация.

Скажем, состав с обыкновенным бессмертником. Сам бессмертник дает такую ёлчатую, чуть-чуть зеленую ауру.

А потом, когда травы, которые подобрала я, "женятся", получается серо-голубое, как небо, и окантовка чуть красная. Очень красиво. Я смотрю и радуюсь — так хорошо получилось! Так хорошо! Состав, который готовила моя бабушка, принимали три-семь дней, но обычно больше трех дней никто не пил. Помогало, проходила болезнь дня через три. Как-то она, помню, дала просто понюхать травы, которые подобрала. "А теперь, — говорит, — иди."

Все у тебя прошло." А то готовит даже не настой, а подберет нужные травы, завернет в тряпочку, в узелок и скажет

просто держать его дома: "На шкаф закинь, и хворь пройдет." Так лечила она многие, иногда самые серьезные болезни.

Когда экстрасенс врачует даже не наведенные, а самые традиционные и хорошо известные медицинские болезни, методы, которые использует он, порой невозможно оказывается ни объяснить, ни понять с позиций повседневного сознания и обычной логики. Таков узелок с травами, тщательно подобранными, но завязанными в тряпочку и брошенными на шкаф. Столь же

необъяснимо и аналогично может быть другое целительское действие.

Таисия Петровна, чей рассказ приводил я выше, говорит, что сама не всегда знает и может объяснить, что движет ею, когда она советует больному совершить тот или иной поступок, будучи совершенно уверена, что то, что сделает он, принесет ему исцеление.

— Это может быть нечто совершенно нелепое, несуразное. Например, выйти ночью на перекресток и зашвырнуть в кусты связку ключей от своего дома. От всех замков, что есть. Причем не запасные, а почему-то очень важно, чтобы это были именно те, которые постоянно в ходу. Я не могу объяснить, но чувствую, знаю, что, если он сделает так, это снимет болезнь. И это происходит.

Еще пример такого целительства, лежащего далеко за пределами объяснимого и могущего быть понятым посредством повседневного, обычного нашего сознания.

Вот как целительница лечит от укуса ядовитой змеи (Кавказ, Абхазия, селение Звандрипш).

Когда кого-то укусила змея, не сам пострадавший, а любой другой человек — родственник, сосед или прохожий — должен прийти к ней. Пришедший несет в руке небольшую ореховую палочку. При этом он не должен называть пострадавшего. Ни он, ни целительница вообще не должны произносить ни слова.

Едва взглянув на него, целительница удаляется в дом и наговаривает там чашку с водой, которую пришедший тут же должен выпить и удалиться, также не произнеся ни слова.

Необъяснимое и непонятное заключается в том, что пострадавший в этот же день или на следующий полностью выздоравливает

Те же действия совершаются, если от укуса пострадал скот или собака. Поскольку и в том, и в другом случае пришедший должен молчать, целительница не может

знать даже (или предположительно — не может знать), кто пострадал — человек или животное.

— Меня научила бабушка, — пояснила мне целительница, добавив при этом, что обязательное условие: о том, как делать это, должны знать не более трех человек. Иначе лечение теряет силу —

до тех пор пока число знающих не сократится до трех или еще меньшего числа.

Эта старая крестьянка, не говорящая даже по-русски (я объяснялся через переводчика), не могла, конечно, да- же слышать имени Гурджиева*! Сам выходец с Кавказа, Гурджиев, следуя магической практике, тоже утверждал, как известно, что мистическая истина утрачивает свою ценность и силу по мере того, как ширится круг тех, кто причастен к ней.

5. МАГИЯ ПОРТРЕТА Болезнь перенести на камень

Когда я был ребенком, помню, существовал тогда для выведения бородавок специальный прибор — некое ору- дие пытки в виде авторучки со шнуром, включенным в электросеть. Бородавку выжигали током. Кроме того, врачам рекомендовалось использовать с этой целью кис- лоту. И вот я думаю сейчас — кто-то ведь конструировал этот прибор, кто-то одобрил, какие-то люди изготавливали его, врачи учились использовать, а дети и взрослые под- ставляли под этот ужас и варварство свои руки.

И делалось это, когда испокон веков в народе известен был простой, безболезненный, но, к сожалению, совер- шенно не научный способ: потереть бородавку сначала одной половинкой разрезанной картошки, потом другой половинкой, сложить их вместе и оставить где-нибудь в темном углу, не смотреть и забыть о них. Когда картошка эта сгниёт, бородавка исчезнет сама собой. Прием этот когда-то успешно использовал я сам, мои близкие люди, которых я хорошо знаю.

На Кавказе, где картошку обычно не возделывают, вместо нее применяют бобы, делается это точно так же.

Бородавку нужно потереть фасолинкой, после чего ее за- капывают в навоз со словами: "Ты сгнивай, эта отпадай." Этот же, по сути, принцип переноса используют и сибир- ские крестьяне. "От бородавок, — пишет исследователь, — есть разные средства: вяжут на нитке столько узелков, сколько у кого бородавок, обмеривая каждую не затяну- тым еще узлом вокруг, и нитку эту зарывают в навоз.

Когда нитка будет гнить, то и бородавки пропадут."

Этот чисто магический прием используется и при других болезнях. Причем схема его действия одна и та же: некоторое свойство или болезнь переносится на какой-то предмет. После чего предмет уничтожается и, как следствие, проходит и сама болезнь. В этом же был, в частности, смысл обычая русских деревенских знахарей сжигать в печке рубашку больного лихорадкой. По сути, сжигалась не рубашка, а болезнь: знахарь переносил лихорадку на рубашку, ее уничтожали, после чего ожидалось, что больной почувствует облегчение и болезнь исчезнет.

Таким же методом "переноса" болезни издавна лечили своих больных целители кавказского племени лаков. На улице или у дороги сооружалась небольшая пирамидка из камней, на которую и переносилась болезнь. Кто случайно или нарочно разрушит ее, на того и переходила болезнь.

Прием этот известен не только на Кавказе. Именно поэтому в России и в некоторых странах Европы издавна бытовало предубеждение против того, чтобы поднимать какой-то предмет или даже монету, найденные на перекрестке. Вместе с ними можно было подобрать и болезнь, которую, возможно, перенесли на них.

Известна также практика такого перенесения на растения или животных. Различные кожные заболевания передаются обычно на дерево или на сучок. Желтуху некоторые русские знахари могли, как считалось, переводить на живую щуку, которую в посудине с водой ставили для этого рядом с больным. Иногда болезнь, обычную или наговоренную, переносят на мелкое домашнее животное или птицу.

Удивляет, хотя, если подумать, так и должно быть, всеобщность этого принципа. Так исцеляют, переселяя болезнь в животное, сибирские шаманы. Киргизские шаманы переносят болезнь в курицу или голубя, которых приносят специально. У туркмен целитель-шаман, посещающий больного, просит иногда, чтобы в юрту ввели животное — барана, овцу или козу. Больной должен прикоснуться к нему, после чего шаман бьет его этим животным три раза. Если болезнь очень тяжелая, он делает это до семи раз. После этого животное умирает тут же, у постели больного. Это служит знаком того, что болезнь перешла к нему и человек стал здоров.

Я упомянул о всеобщности этого принципа. Вот женщина, страдающая от разных недомоганий, приходит к шаманке-таджичке. Этнограф, сопровождавший ее, записал диагноз-заключение, которое произносит шаманка: "Пусть сделает над собой обряд садок с живым существом, с желтой курицей, пусть бросит курицу на проезжей дороге... Если, очистится от вреда, около нее колыбель, в руках у нее ребенок." Мать шаманки пояснила больной: "Как вред ударит по курице, так и выбросьте ее." Выбрасывать надлежало, как и сказала шаманка, на проезжую дорогу, как оставляют там камни или другой предмет, на который перенесена болезнь.

— После армии я сильно болел, — рассказывает Ми-род Вардания (Абхазия). — Врачи помочь ничем не мог-

ли. Тогда меня отвели к одному человеку, который посмотрел на меня, сказал, что сможет мне помочь, и велел принести курицу. Он долго шептал что-то надо мной и над ней и сказал, чтобы, когда я вернусь домой, эту курицу три раза обвели вокруг меня и смотрели, что потом будет. Так и сделали. Ее обвели три раза и только отпустили, как она вдруг взлетела высоко несколько раз и мертвая упала на землю. С того дня болезнь моя прошла.

Некоторые из целителей переносят болезнь не на самих животных, а на их копии, фигурки, которые изготавливаются специально для этого. У калмыков, писал исследователь, в кибитку больного зовут знахаря, "который делает из теста фигурки зверей, козлов, обезьян, лошадей и прочих, расставляет их на кошме у изголовья больного, читает молитвы и ведет продолжительные беседы с фигурами, передвигая их в то же время с места на место, произносит имя больного на эти фигуры и в конце концов выходит из кибитки и забрасывает слепки."

Чтобы понять, как и почему происходят такие исцеления, необходим совершенно отличный от привычного, совершенно нетрадиционный подход к самой сущности заболевания. В этом отношении интересны работы советского исследователя Е. А. Файдыша. Исходя из синергетической* модели самоорганизации, упорядочения и устойчивости полевых структур организма, он предполагает, что такой же самостоятельной структурой может стать и патологическое состояние, психофизиологическое

расстройство. Сами же симптомы, воспринимаемые на физиологическом уровне, есть лишь производное, результат воздействия такой полевой структуры, которая стремится к устойчивости и к продлению собственного бытия. "С этой точки зрения, — пишет Файдых, — в древних представлениях о болезни, как о самостоятельной сущности, сопротивляющейся действиям врача, содержится определенная доля истины." Это — чрезвычайно интересная точка зрения. То, что делают различные целители и шаманы, во многих случаях и есть, очевидно, перенос, "переселение" такой полевой "самостоятельной сущности" в некий предмет или в живое.

Характерна в этом отношении одна из практик православного целительства. Болезнь нарочно персонифици-

ровалась, ей придавались личностные черты с тем, чтобы затем, изгнав эту как бы умышленно сформированную сущность, исцелить больного. Такие персонифицированные болезни можно видеть, например, на иконах XVII века. Это двенадцать различных Трясовиц, Огней, Лихорадок и т. д. Изображались они чаще в виде обнаженных женских фигур, не лишенных женственности и прелести, с лицами спокойными и красивыми. Единственное, что выражало недобрую их сущность, были крылья летучих мышей за спиной. Каждой из болезней соответствовал свой цвет — белый, желтый, зеленый, красный... Над каждой из них изображался Ангел-хранитель, оберегающий от ее прихода. Свое поражение Трясовицы, Лихорадки выражали одинаковым жестом: "приложением правой руки к щеке".

Совершая ритуал исцеления, священник изгонял такую персонифицированную болезнь, читая особую молитву: "Ты еси окаянная Тряся, ты еси окаянная Огня, ты еси окаянная Ледея... Побегите от раба Божия, имя рек, за три дня, за три поприща!" Давая после этого больному пить воду с креста, священник произносил: "Крест Трясовицам и идолам прогонитель. Крест есть рабу Божию, имя рек, ограждение."

Портрету может быть больно

Итак, одни, изгоняя болезнь, передают ее камням, другие переносят на растения или животных. Другим удается делать это,

используя не самих животных, а как бы замещающие их фигурки, изображения. Очевидно, остается сделать лишь одно небольшое усилие, малый шаг, чтобы достичь следующей ступени: использовать для той же цели изображение самого человека. И странно было бы, если бы магическая практика не сделала этого шага.

У индейцев навахов (США) целитель-шаман, чтобы вылечить человека, начинает с того, что на земле из окрашенного песка делает его изображение. О портретном сходстве говорить, понятно, не приходится. Да этого и не нужно: цель целителя не внешнее, поверхностное сходство, а иные, более глубокие уровни подобия изображения и оригинала. Чтоб достичь такой, как можно более полной идентификации, в самом начале процедуры шаман растирает песком тело пациента. После того как такое магическое единство изображения и оригинала достиг-

нуто, целитель переносит болезнь с человека на изображение. Как только шаман и сам больной приходят к выводу, что это произошло, портрет уничтожают. При этом считается, что ради безопасности и блага пациента такое изображение должно быть уничтожено до захода солнца.

Удивительную связь портрета и оригинала упоминают многие экстрасенсы. Именно по портрету некоторые из них безошибочно определяют, жив ли тот, кто изображен на нем, или нет. Об этом я уже говорил.

Еще в начале века был проведен эксперимент: врач-гипнотизер "перенес" чувствительность пациентки на ее фотографию. Причем фото ее было помещено так, что она не могла видеть его. Тем не менее, каждое прикосновение к портрету она чувствовала так же точно, как если бы касались ее самой. Когда же на руке портрета врач сделал царапину, точно такая же, но реальная царапина появилась на руке пациентки.

Независимо от того, знал ли обо всем этом московский врач-психиатр Гагик Назлоян или нет, но его метод целительства основан на необъяснимой общности человека и его изображения.

Вот как делает это Назлоян. Оставаясь с больным один на один по нескольку часов иногда в течение многих дней, он занимается тем,

что изготавливает его скульптурный портрет. Иногда они беседуют на самые различные темы, иногда молчат.

— Портрет продвигается иногда медленно, иногда быстро, — комментирует целитель. — Это связано с психопатологическими сдвигами, происходящими в состоянии пациента. Нет сдвигов — нет продвижения в портрете.

По мере того как скульптура обретает все большее сходство с самим больным, начинают происходить те самые "сдвиги", изменения, которые с позиций собственно психиатрии объяснить невозможно.

Известно, что лицо человека — лик его души, лик глубинных состояний его психики. Если вы посмотрите на психически больного, вы можете заметить маску болезни, как бы наброшенную поверх его лица. Истинный же его лик, с трудом пробиваясь, лишь как бы мерцает сквозь эту завесу. Впрочем, так видится мне, и я не уверен, что именно это видел и имел в виду Назлоян, начиная свой путь целительства.

Постепенно и с величайшим трудом удастся целителю освободить этот лик больного от маски болезни, ле-

жащей поверх его. Особенно мучительным оказывается момент, когда портрет, а, следовательно, и процесс исцеления подходит к концу. Реакция больного больше всего напоминает реакцию одержимого, которого покидает некая сущность, темный дух, обитающий в нем. Перед тем как окончательно исцелиться, больной разряжается беспричинным многочасовым плачем, смехом, прорывается циничная сексуальность, агрессия, глумливость. Это как бы последний, заключительный всплеск безумия, болезни и зла, вынужденных покинуть человека. Покинуть и перейти от него — куда? Неужели в изображение, в скульптурного двойника?

Ощущение необъяснимой связи между человеком и его изображением издавна присуще человеку. Это отражено в художественной литературе: "Портрет" Гоголя, "Портрет Дориана Грея" О. Уайльда. Какая-то часть человека, его личности, переходит в портрет, продолжая жить в нем.

Связь человека и его изображения, известная мистикам всех времен, открывается художникам, творцам. Напомню строки

Ахматовой, которые уже приводил: "Когда человек умирает Изменяются его портреты..." Скульптор З. А. Масленникова пишет в воспоминаниях, что, разговаривая с Б. Л. Пастернаком по телефону, упомянула, что "один человек в припадке безумия схватил гипсовый отлив его головы и со страшной силой бросил об пол так, что в дубовом паркете осталась вмятина, а портрет разлетелся на куски. Услышав это, он на несколько секунд смолк, не отвечая на мои вопросы: "Борис Леонидович, вы меня слышите?" Потом после паузы сказал как бы издалека: "Я тут."

По словам Ивинской*, Борис Леонидович пересказал ей историю с разбитой головой и добавил: "Это конец."

Теперь мне не уйти."

Через одиннадцать дней он слег. Для человека столь глубокого внутреннего прозрения и интуиции событие с разбитым его изображением оказалось исполненным смысла.

Представление о неразрывной связи изображения и оригинала глубоко бытует в народном сознании. Еще в прошлом веке в России художники, пытавшиеся рисовать портреты простых людей, сталкивались с их опасе-

нием, настороженностью и прямым нежеланием. Если с портретом что-то случится, считали они, если кто-то разорвет или сожжет его, то человек, изображенный на нем, пострадает тоже: будет сильно болеть или погибнет. Этими же опасениями вызван был запрет на изображение человека в исламе. А задолго, за много веков до ислама всякое изображение точно также запрещалось в древней Иудее.

Повседневная жизнь дает многочисленные примеры, свидетельствующие о том, сколь глубоко в сознании лежит это ощущение непонятной, необъяснимой связи.

Даже обычай во время манифестации публично сжигать портрет или чучело, изображающее политического деятеля, восходит все к тому же представлению. Это память, след магического, колдовского акта, целью которого было причинение зла, нанесение вреда оригиналу. Когда влюбленные в минуты ссоры в клочья рвут портреты своих возлюбленных, они не догадываются о пусть неосознанном, но все том же подспудном импульсе, побуждающем их

поступать так: повредить портрет — значит причинить вред тому, кто изображен на нем.

О том, к сколь отдаленному прошлому восходит это представление, можно судить по тому, что еще в Древнем Египте портретные статуи считались вместилищем "Ка", двойника или души человека. После того как человек умирал, "Ка" продолжало жить в его изображении. Отсю- да бытовавший тогда обычай устанавливать портретные статуи в гробницах. Душа человека, его "Ка" продолжала жить, пока существовала статуя. Зная это и, очевидно, разделяя эту веру, варвары, вторгаясь в Египет, Грецию, Рим, старались истреблять не только своих врагов из плоти и крови, но и разбивать статуи. Делая это, они ве- рили, что уничтожают души своих врагов, обитающие в изображениях. Множество поврежденных статуй с отби- тыми носами, доживающих свой век в музейных за- лах, — историческая память этой стойкой веры.

О том, что фотографии и портреты, особенно портре- ты, наделены какой-то энергетикой, подтверждают сви- детельства и многих экстрасенсов. Энергия эта воспри- нимается ими как поле, окружающее контур изображен- ного человека.

Можно ли предположить, что какая-то часть индиви- да, его личности (не знаю, как можно было бы назвать это) действительно переносится на изображение и про- должает свое бытие там? Во всяком случае очевидно, что

за магией изображения, присутствующей во всех миро- вых религиях и различных эзотерических учениях, стоит подтверждающая ее практика.

Поучительно бывает наблюдать некое частное, но весьма наглядное, проявление этой магии изображения, портрета, в политической жизни. При любом диктаторе, при любой тоталитарной системе, всякий раз основан- ной на обожествлении вождя, буквально на следующий день после его прихода к власти повсюду появляется множество его изображений, а затем и скульптур. Это сопровождало появление любого диктатора: Нерона, Ленина, Хомейни, Пиночета, Гитлера...

И это не просто "исторические памятники", "памятни- ки культуры", как хотят это видеть защитники монументов Ленина,

например.

Если изображение, действительно, несет некую печать личности, тонкие энергетические слепки, копии личности диктатора, установленные повсюду, очевидно, далеко не безразличны, не нейтральны к окружающей реальности. Можно подумать, что эти изображения, скульптуры, портреты как бы стремятся обозначить свое присутствие в как можно большем пространстве, при как можно большем скоплении людей. Иными словами, следует ли из этого, что появление множества изображений, портретов диктатора, вождя при тоталитарных системах имеет вполне определенный и далеко не безобидный смысл?

Соответственно, резкая смена политической ситуации всякий раз ознаменована прежде всего уничтожением всех таких изображений. Не означает ли это, что до тех пор пока изображения эти продолжают присутствовать на каждом шагу и повсюду, и политические и прочие перемены, как и само общество, продолжают находиться под неким сковывающим, магнетирующим взглядом мертвого диктатора?

Пусть меня научат

Искусство, умение, талант обычно совершенствуются.

Каждый талант проходит этот путь — от ученичества к зрелости и мастерству. Приложима ли эта схема к искусству целительства, дару ясновидения и способностям экстрасенса? Иными словами, возможно ли способность эту развить или, еще лучше, научиться этому, как можно научиться водить машину или играть в теннис?

Очевидно, первая задача, первый шаг — выявить тех, кто подает хотя бы какие-то надежды по этой части, у кого есть хотя бы какое-то из числа паранормальных свойств, чтобы было что совершенствовать и развивать.

Исследователи, полагающие, что обнаружить и развить такие способности в человеке есть благо, в том числе и для него самого, разработали целую серию методик и приемов.

Схема, по которой действуют эти приемы, казалось бы, весьма проста. Первая позиция: покажи, что умеешь.

Скажем, угадай карту. Одна за другой рубашкой вверх сдаются двадцать карт. Среднее статистическое число показаний — пять из двадцати. Когда же отгадываний оказывается хотя бы шесть или

больше и это число оказыва- ется постоянным, с таким человеком есть смысл рабо- тать дальше.

После этого можно показать несколько магнитов, ле- жащих вперемежку на столе, и попросить определить, ка- кие из них настоящие магниты, а какие ложные. Или — стаканы с водой. Их может быть с десятков. Из них нужно выбрать один — тот, в котором вода была обработана экс- трасенсом.

— Подержите ладонь над каждым, чувствуете что-ни- будь? Не спешите. Попробуйте еще раз.

Еще одно испытание — пять пластин конденсатора.

Заряжается из них только одна. Какая именно, не знают даже те, кто проводят отбор. Пластины выбирает всякий раз генератор случайных чисел.

Если испытуемый справился со всеми этими и дру- гими испытаниями, ему могут показать закрытый спи- чечный коробок, взятый случайно из кучи таких же. В нем некий биологический объект. Какой? Я назвал здесь только некоторые из позиций, лишь отдельные ячейки того сита, через которое пропускается претендент.

Для того, кто прошел все это, открывается второй этап испытаний. Исход-ная посылка: пси-способностям сопутствует ряд некоторых личностных свойств и ка- честв. Выявить их значит иметь бесспорное основание причислить данного человека к той касте, к той катего- рии людей, которых, при всем их разнообразии, за неи- мением других терминов, обозначают одним словом — "экстрасенсы".

В эту часть испытаний входит подробное тестирова- ние по методикам, хорошо известным психологам: тес- там Айзенка, Люшера, Сонди.

Из пачки фотографий, на которой изображены какие- то неизвестные личности, нужно отобрать две, на кото- рых лица почему-то кажутся вам симпатичнее прочих. И еще двух человек — самых антипатичных. На обороте каждой из фотографий стоит номер. Сверившись с таб- лицей, тот, кто проводит отбор, возможно, сможет после этого узнать о вас больше, чем знаете о себе вы сами.

Или: из одинаковых квадратов разного цвета предла- гается отобрать тот цвет, который нравится вам больше других. При всей его

простоте последний тест считается очень важным. Люди мистического склада, предрасположенные к паранормальному, выбирают свой цвет очень четко. Это один и тот же, определенный цвет. Но кого-то из испытуемых необходимость такого выбора способна привести в растерянность. Снова и снова перебирает он разноцветные карточки. Наконец, откладывает: "Не могу". Такая реакция, считают исследователи, признак шизоидных черт в характере человека.

Возможны и другие подходы. Это может быть астрология, например. Ленинградская исследовательница Н. Додонова, работая с группой экстрасенсов, обнаружила ряд именно таких, астрологических зависимостей. Те, у кого Уран, Нептун или Плутон бывают в соединении с Солнцем, четко обнаруживают способности из области паранормального. В контрольной же группе, где не было экстрасенсов, подобных соотношений не оказалось вообще.

Особенности, присущие таким людям и несвойственные людям обычным, исследователи находят и в других, самых, казалось бы, неожиданных областях. Это — радужная оболочка глаза, форма ладоней, линии рук.

Все поиски эти, все усилия и приемы — ради одного: иметь основание сказать кому-то: "У тебя есть потенция экстрасенса. Занимайся упорно, и ты сможешь развить ее".

Не берусь утверждать, но мне приходилось слышать, будто у некоторых, когда они принимались направленно развивать и тренировать такие свои способности, началась полоса разного рода несчастий и бед, жертвами которых чаще оказывались даже не они сами, а их близкие. Повторяю, не берусь утверждать, но такая точка зрения есть.

Впрочем, я бы хотел заметить в этой связи другое.

Мне нетрудно представить себе некоего наивного человека, который спросил бы, а зачем вообще нужно все это?

Ради чего ценою таких ухищрений стараться выявить то, что не обнаружилось, не проявилось само по себе? Наивный человек вспомнил бы, может быть, случай, когда Л.

Н. Толстому принесли роман с просьбой сказать, хорошо ли это. Беря рукопись, Толстой спросил автора не без которого

недоумения: "А если я скажу, что это плохо, ты что, не будешь больше писать?" — "Не буду", — просто-душно пообещал тот. "Тогда не пиши", — заключил Толстой.

Коль скоро человек может не писать, пусть не пишет.

Иными словами, если императив призвания настолько слаб, что возможно проигнорировать его, не должно по-нуждать себя к деятельности, для которой, очевидно, не создан. Этот принцип может быть отнесен и к области паранормальных способностей. Если способность эта не прорывается сама с силой вулкана, подчиняя себе все по-мысли и саму судьбу человека, должно ли наставлять его на тот путь, зов которого ему не слышен? Кто думает иначе, да простит мне мою наивность.

Не уверен я и в другом. В том, что в обществе нашем и в то время, в которое мы живем, так уж нужно присутствие столь великого числа подобных людей. Разве Бог, судьба, бытие не открывают сами двери таланту и сами же не преграждают ему путь, когда это нужно? Нужно ли ответственность другому, не нашему пониманию и не тем представлениям, в которых мы живем.

В то же время, полагаю, и зла особого во всей этой массовости тоже нет. Я приводил уже принцип мистического знания, о котором упоминал Гурджиев. Знание это обесценивается и становится все более бессильным, чем большим оказывается число приобщенных к нему. Наверное, это как рубль. Либо он может быть у одного человека, либо сто человек могут иметь по копейке. Что лучше?

Передать другому

Итак, один путь приобщиться к паранормальным возможностям — это после тщательного отбора заниматься в соответствующих семинарах, кружках, курсах (не знаю, как назвать их). Но есть и другие пути.

В деревне Забурово умирал колдун. Старый был, очень старый. Но не мог умереть. Почему не мог, знали все, и сын его, и сноха, и соседи: Колдун не может умереть, пока не передаст кому-то своего дара. Так было и на этот раз.

Чтобы освободиться от дара, передать его, колдуну может быть достаточно, говорят, только коснуться человека. Когда почувствовал он, что умирает, стал звать сына, стал говорить, чтобы подошел

ближе, еще ближе, еще: шепнуть, мол, хочет слово одно. Надо, чтобы никто не слышал. Сын догадывался, знал, чего хочет отец и, хотя выслал всех из горницы (никто не услышит, мол), но со- всем близко подходить не стал, опасался, сколько ни уго- варивал отец.

— Ну и ладно, ну и не надо, — вроде бы покорился тот, но тут же разразился проклятиями и угрозами. А на тре- тий день сам попросил сына:

— Делай, сам знаешь что, — и глазами указал на пото- лок.

Сын знал. Об этом уже шел разговор в селе. Когда ведьма или колдун не могут умереть и мучаются, надо разобрать крышу или хотя бы угол над тем местом, где лежат они. Кроме того, в самом доме надлежит ото- мкнуть все замки, запоры, распахнуть двери. Это будто бы помогает, может отпустить.

Подождали еще день. Потом позвали соседей, несует- но, молча стали разбирать крышу. Уже разобрали напо- ловину тот угол, где он лежал, когда из избы услышали смех старика. Переглянулись и пошли узнать, уже чуя недоброе. И правда, прямо в сенях встретилась им внучка старика, Маша.

— Ты что, к деду ходила?!

Испуганная, она призналась. Тот так жалобно стал просить, чтобы дала ему попить, что она нарушила за- прет и подошла к нему.

— Меня бы позвала! — сокрушалась мать. — Видела же, мы сами рядом ему па стул ставим, чтобы не подхо- дить!

А старик в избе все смеялся.

Потом девочку возили в церковь, отчитывали молит- вами. Но ничто не могло уже помочь ей. Она приняла дар. Сейчас колдунью Машу хорошо знают не только в соседних селах, к ней приезжают из города и даже из об- ласти.

О том, как совершается сама передача дара, свиде- тельств практически нет. У принявшего дар нет ни ма- лейшего повода делиться с кем бы то ни было, как это происходило и что. Единственное такое описание, кото- рое удалось мне обнаружить, относится к 1786 году и принадлежит раскаявшейся колдунье села Глотова Воль- ской округи, Саратовского наместничества, уличенной всенародно на сходе и признавшейся во всем. "По до- вольном священника увещевании" она показала, что с пяти лет осталась

только с бабушкой. "И у той своей жила я более десяти лет, и по взросле работала как на нее, так и на других людей разную работу, как то толкла, молола хлеб, платье мыла и воду носила, а до смерти ее не знала, что она колдунья, и до смерти ж ее с год зачала она, бабушка моя, хворать, а с полгода хворавши, призвала, будучи на- едине, меня и говорила мне... На что я, по глупости, быв- ши тогда пятнадцати лет, согласилась. И она мне тогда говорила и учила меня отречься сперва от земли, от ле- су, от отца и матери, и от Бога. А вышедши из избы в се- ни со мною, та бабушка моя велела мне стать от сенных две- рей налево, почему я и стала. А бабушка, взявши с полу ста- рую неведомо какую, будто бы круглую щепку, кинула мне под ноги, на кою я и стала".

После того как она приняла посвящение, ей стали видны духи, которые служили ее бабушке и которые теперь поступили в ее распоряжение. "Коль скоро я их увиде- ла, — продолжает она, — первые два, ничего мне не гово- ря, пропали и после я их не видела никогда. Я испужа- лась и приключилась мне болезнь, какая бывает от уши- бу, и держали меня три дня".

Из дальнейшего, что показала колдунья, следует, од- нако, что бабушка ее при жизни всегда носила крест, моли- лась Богу, "а при смерти по своему желанию исповедана и святых тайн приобщена и похоронена при церкви в том селе Березниках". Кончается этот любопытный документ следующим образом: "На воровствах и разбоях не быва- ла, поджогов и смертных убивств не чинила, воровских людей не принимала и не держала и с ними не зналась, людей ничем не окармливала и с подобными себе не зна- лась, и в сем допросе показала самую сущую правду".

Обычно колдуны передают свой дар по мужской ли- нии — сыну или внуку, ведьмы — по женской. Если сы- новей несколько, колдун выбирает старшего. Иногда, ис- ходя из признаков, известных только ему, может и обой- ти его, дожидаться внука.

"Передача дара" известна и у шаманов. В наблюдени- ях, которые были проведены исследователями, было от- мечено: шаманский дар был передан от отца сыну в II случаях, от деда внуку в 16.

Передача дара не есть передача знания. Получившему дар какие- то вещи и навыки еще предстоит узнать. Он может сделать это у того,

кто передал ему этот дар или у других колдунов или ворожей. Видя на нем знак, они обычно охотно делятся тем, что знают. Но до многого он доходит сам. Ему как бы открывается. Но самому мистическому опыту обучить нельзя. Его можно только пройти. Опыт этот всегда индивидуален и неповторим. Сам же путь к такому опыту открывается через посвящение. В том числе через передачу дара.

Те, которых избрали

— Мы жили тогда на Урале, в Первоуральске, — рассказывает Л. А. Корабельникова. — Мне было лет шесть, когда умерла моя младшая сестричка, ей было два месяца. Между моей раскладушкой и ее гробиком стояла лавка. Мать легла спать с братом, отец спал отдельно, а я на раскладушке. Чувства страха у меня не было, просто ощущение неприятное. Вдруг я вижу, что сквозь стенку проходит большая черная собака. Она, обогнув раскладушку, села на лавку и смотрит на гробик моей сестры. Я протянула руку, чтобы ее погладить. Шерсть оказалась очень колючая и очень жесткая, как у ежа. И когда я погладила, существо это обернулось ко мне. Оно смотрело мне в лицо, между нами было сантиметров двадцать.

Глаза в глаза мы смотрели друг на друга. И тогда мне очень захотелось почему-то погладить его морду. Я протянула ладонь, но сделала это, очевидно, резко, и собака или, вернее, существо это испугалось, бросилось в одну сторону, в другую и пропало. Я тогда закричала. Все проснулись, а я ничего сказать не могла, я онемела. На другой день я и хозяйские дети были во дворе, а в нашу комнату, где был гробик, вошла хозяйка, у которой мы снимали комнату. И вдруг она с криком оттуда выбегает: "Мария! Мария!" Это мою мать так звали. А я хочу ска-

зать, что я тоже видела, что это просто собака, а сказать не могу.

Мать повела меня к бабке, чтобы вылечить от немоты. Она посмотрела на меня и сказала: "Девочка некрещеная, ты ее крести, потом приводи". Пришел батюшка, крестил нас с братом. Мы опять пошли к бабке. Она что-то со мной делала, отчитывала, по ничем помочь так и не смогла. Сказала только, что был большой испуг и что силу, которая стоит за этим, она одолеть не может. Единственное, чего все-таки добилась она, — я смогла мычать. Ко всему прочему после того, что произошло со мной, я еще стала лунатиком. В

двенадцать часов ночи у меня ца^ чинали вытягиваться руки. Вот так и вверх. Все равно, сплю я или нет. Я очень хорошо помню это чувство, по- тому что продолжалось это до четырнадцати лет. Против востоять, сопротивляться этому было невозможно. В две^ надцать часов я вставала, глаза были открыты, это мне мать говорила. Но глаза были как бы незрячими, зрачки были без движения. Если бы меня кто-нибудь видел тог- да, кроме моих родителей, он бы сказал, что ребенок слеп. Если днем я была совершенно немой, то в таком состоянии я говорила, и говорила чисто. Все время при этом я кого-то гнала: "Уходи! Уходи отсюда! Не смей приходить сюда!" Но кого гнала, кого видела тогда, днем я не помнила и не знаю сейчас. Я открывала двери. Хо- дила по дому и выходила наружу. Это продолжалось с полуночи до трех ночи. Утром я просыпалась, но не помни- ла ничего и была опять немой. Ночью, когда я гнала ко- го-то, иногда я брала ведро, выходила из дома через до- рогу, где был водопроводный кран, набирала воды и на- . подняла в доме все чашки, склянки, тарелки — все, что было в доме. В таком состоянии я часто залазила на кры- шу или на дерево, которое росло перед домом. При этом забиралась на самую верхнюю тонкую ветку, которая бы и кошки не выдержала. Все это потом мне мать расска- зывала. Стоя на этой верхней ветке, я поднимала руки вверх и с кем-то разговаривала. Уже не прогоняла, а все время обращалась к кому-то. Иногда родителям моим казалось, что я говорю не по-русски. На каком языке, они не знали. Недалеко у нас был небольшой пруд, и я направлялась туда. Если я не ходила по пруду, по воде, то садилась на берегу, поднимала голову к звездному небу и опять с кем-то говорила, к кому-то обращалась. И опять, как потом рассказывала мне мать, она слышала, что я го- ворю не по-русски.

Родители сколько ни обращались к врачам, это было совершенно бесполезно, бессмысленно, во мне не нахо- дили никаких отклонений, кроме того, что я не могла го- ворить. Во сне часто мне снились странные вещи и непо- нятные животные. Когда я помнила сон, я рисовала ка- кие-то здания, каких не бывает на Земле, и очень боль- ших червяков, с крыльями, без крыльев, с большими мордами. Потом, когда я училась в школе, я увидела кар- тинки с изображением драконов. Но то, что я рисовала, это было другое. Правда, сейчас я

сомневаюсь, может быть, и драконы. Для меня это были крылатые червяки.

Очень большие. Иногда я рисовала человеческие лица.

Но и эти лица были непохожи на лица обычных людей.

Это был мир каких-то особых снов, в которых я жила тогда. Вечером я ложилась спать. Ровно в двенадцать вставала, и продолжалось это все ровно до трех часов. На нашей улице, а жили мы тогда уже на Украине, в Донецкой области, была одна женщина, татарка. Однажды она подошла к матери и говорит: "Я попробую вылечить твою девочку. Договорись, чтобы ее отпустили из школы на три дня, и приводи ее ко мне". Мне было тогда уже четырнадцать лет, в школу я пошла с восьми, как все дети в то время. Поскольку я не говорила, у доски я не отвечала, а все задания выполняла письменно и привыкла к этому, и другие тоже привыкли, что я такая. К тому времени я была в пятом классе.

Пришли мы с матерью к этой женщине, она меня посадила на порог, лицом внутрь дома, накрыла черной шалью и читала надо мной молитву — не молитву, не знаю что. Читала не по-татарски, она сама сказала, а на арабском языке. Потом выстригала у меня на голове крест. Все это она повторяла три раза. На третий день, повторив все, она взяла с печки маленькую чашку и говорит матери: "А вот теперь смотри". И мне говорит: "И ты тоже смотри". Она положила туда воск, серо-белый, и растопила его. Потом положила туда состриженные мои волосы и опять стала произносить какие-то слова. После этого воск вылила в воду. Он стал черным и принял форму какого-то животного. Она показала мне, что получилось, и говорит: ^- Вот кого ты испугалась.

И я узнала ту сущность, которая приходила тогда, и вдруг закричала. С той минуты я стала говорить, как разговариваю сейчас. На другой день я пришла в школу, и никто не мог поверить, что произошло со мной, что я го-

ворю, как все. С того дня пропали и мои ночные хождения. Единственный след, память о том, что было, это некое ощущение в кистях рук, которое случается иногда, причем всегда в полночь. Их как бы тянет вверх или что-то исходит из них. Но это бывает очень редко.

Сама Л. А. Корабельникова, ясновидящая, сильнейший экстрасенс, не раз упоминалась в этой книге. Ее рассказ о том, что пережила она в детстве, — это рассказ о пути, которым должно было ей пройти, чтобы стать тем, кто она есть. В отличие от тех, кто очень хотят, чтобы у них оказались пара-способности, кто стремится развить их всевозможными способами, Корабельникова не думала об этом и не стремилась к этому. Дар сам пришел к ней. Она, как и другие, чья судьба сходна с ее судьбой, была как бы избрана, предназначена для той роли, которая оказалась уготована ей.

Болезнь, пережитая Корабельниковой, очевидно, не случайна. Этот же путь, прежде чем получить свой дар, путь мучительных, болезненных состояний проходят и шаманы. Особое состояние это получило у исследователей название "шаманской болезни".

По свидетельству этнографов, большинство шаманов, как и Корабельникова, болели такой "шаманской болезнью" с самого детства. Симптомы этого состояния сами исследователи обозначают как напоминающие различные "нервно-психические заболевания". "У них отнимались ноги, они глохли, слепли, видели мучительные сны". По наблюдению исследователя прошлого века В. М. Михайловского, у тунгусов каждый, кто впоследствии становится шаманом, какое-то время "показывает себя помешанным в уме, изумленным и боязливым". В таком состоянии он периодически впадает в беспамятство, бесчувственное состояние, уходит в леса и живет там, питаясь корой деревьев.

Будущий шаман, пишет другой исследователь, прежде чем принять дар, переживает кризис, близость безумия. Это своего рода мистическая инициация. Выход из этого мучительного состояния означает, что такая инициация (приобщение) совершилась и человек становится шаманом.

Особые состояния эти понимаются, как болезнь, теми, кто наблюдает происходящее со стороны. В действительности же состояния эти есть, очевидно, своего рода ломка личности, адаптация ее, приспособление к вхождению

в другие реальности, к пребыванию в нескольких реальностях одновременно.

В такой же последовательности — болезнь, исцеление, обретение дара — процесс может происходить и с экстрасенсами. Это тот путь избранничества, который прошла и Л. А. Корабельникова, путь немногих из числа тех, о ком я знаю.

Насколько можно судить, однако, такая ломка, приобщение к иным состояниям, может совершаться и более быстро. На мысль эту наводят некоторые обстоятельства, связанные с девочкой-экстрасенсом по имени Лела. Сейчас ей тринадцать лет. Она "слышит" мысли других людей, "видит" их внутренние органы. Словом, делает то, что под силу только очень сильному экстрасенсу. Как пришли к ней эти способности? Не были ли связаны с принятием этого дара два столь же странных, сколь и скоротечных эпизода из самого раннего ее детства? Вот как повествует об этом журналист, встречавшийся с девочкой, побывавший в ее семье:

Лела, "как рассказывает ее мама, преподнесла родителям странный и неожиданный сюрприз уже на пятый день своего рождения. Дело было так. Ее папа, офицер (ныне полковник), пришел в роддом, взял конверт с ребенком, и они пошли на заставу. Вдруг на полпути и отца, и мать охватила сильная тревога. Им показалось, "что в конверте что-то не то...". Остановившись с необъяснимым чувством страха, они не решились даже открыть конверт и глянуть на ребенка. Не сговариваясь, быстро повернули назад и сунули ребенка в руки изумленной нянечке: "Посмотрите". Няня развернула конверт и вскрикнула. "Ребенок был какой-то совсем не тот..." Но вдруг девочка преобразилась, и родители, пожав плечами, забрали ее домой. Через несколько месяцев повторилось нечто подобное. Мать проснулась среди ночи в страшном волнении, с ужасом бросилась к кроватке и снова увидела, что "ребенок не тот..." Что значит "не тот", мать и сейчас объяснить не может: "Это что-то такое, не поддающееся объяснению..." Но через несколько минут "все стало нормально".

Я говорил уже, что человеком обыденного сознания такие перепады и необъяснимые состояния воспринимаются как болезнь. Как и Корабельникову в детстве водили по разным врачам, так Лелу возили в Москву, в детскую психиатрическую больницу. К врачам

близкие приводят порой и тех, заболевших "шаманской болезнью" кто ста-

новятся потом шаманами. Но, как и в других подобных случаях, все усилия медицины оказываются тщетны. И только с приходом дара болезнь исчезает сама собой.

Известная киргизская шаманка Короду с детства страдала мучительными припадками. Врачи не могли помочь ей, но выздоровела сразу, как только приняла дар, стала шаманкой. Другая шаманка, из Южной Киргизии, вынуждена была бросить школу в четырнадцать лет, окончив всего три класса — так часто она болела. Через год у нее отнялись ноги. Ей становилось все хуже, и только приняв посвящение и став шаманкой, она выздоровела.

При этом последовательность может быть произвольна: человек сначала выздоравливает, а потом становится шаманом или наоборот, сначала принимает посвящение, после чего оказывается совершенно здоров. То, что последовательность безразлична, можно понять: события, воспринимаемые нами, как следующие одно за другим, в той высшей реальности, где пребывают они, не разделяются по этому признаку. Континуум времени сходится там в одной точке, и самого понятия — протяженность времени — там нет вообще. В первой главе я уже говорил об этом.

Когда у таджиков такого больного, которому бессильны помочь врачи, приводят к знахарю или шаману, тот, едва взглянув на него, иногда говорит: "Не выздоровеет, пока не возьмет бубен" (т. е. пока сам не станет шаманом). Тем самым у такого человека как бы обозначается выход, как можно избавиться от болезни. Если же он не соглашается принять посвящение и стать шаманом, начинает болеть еще сильнее или может даже лишиться рассудка.

Для того чтобы больной "шаманской болезнью" узнал, перед каким выбором он стоит, не обязательно, чтобы кто-то сказал ему об этом. Шаманская традиция утверждает, что в состоянии, в котором пребывает он, ему открываются контакты с некими сущностями, духами, невидимыми для других. При этом такая сущность, дух, не только объясняет ему его положение, уговаривая принять дар в обмен на выздоровление, но может и всячески угрожать ему новыми страданиями и мукой. В шаманской практике известны

случаи, когда человек может согласиться получить дар на определенное число лет. Так, одному из казахских шаманов (Айдабаку) дар был дан только на двенадцать лет. После истечения условленного

срока он вернулся в состояние обычного человека и стал верблюдоводом.

У киргизов, узбеков, таджиков, когда женщина, которая избрана стать шаманкой, получает "шаманскую болезнь", ей является пери, женская сущность, которая общается, что ей надлежит принять посвящение. До тех пор, пока предназначенная стать шаманкой отказывается, она продолжает болеть. У нее отнимаются ноги, она можетглохнуть и слепнуть. Ей будет становиться все хуже, пока она не уступит и не примет уготованный ей дар.

Таких случаев известно довольно много. Как пример, приведу свидетельство исследовательницы-этнографа, датированное началом двадцатых годов. "Мои хорошие знакомые таджики из Самарканда, — писала она, — рассказали такой случай, бывший с ними. Семья состояла из отца, мачехи и дочери, девушки лет пятнадцати. Начали соседи жаловаться, что к ним во двор со стороны их дома летят комки глины. Так как никто ничего не бросал, то возникли недоразумения с соседями и даже ссора. Наконец, обескураженные соседи пригласили шаманку (фолбин). Та, погадав, открыла, что в доме, откуда летят камни, есть девушка, в нее влюбилась пери и чудит. Соседи отправились на проверку, т. к. не знали о существовании девушки. Рассказали матери, та отцу.

После этого чуда начали твориться и в их доме. Как только кто-то из семьи выходил во двор, как начинали лететь камни, не причиняя, однако, вреда.

Девушка начала задумываться, беспокоиться, не спать по ночам, плохо есть... В одну из ночей к девушке явились три женщины. Одна одетая в белое — пери, вторая во все красное, третья аджина в желтом. Они сказали ей, что она должна стать фолбином. Пришлось смириться".

Впоследствии такая сущность (или сущности), которая порой понудила человека принять посвящение, войти в реальность иного плана, остается его покровителем и помощником в течение всей его

жизни. К ней обращается он всякий раз для исполнения полученного им дара.

Вот характерные в этом смысле восклицания таджикской шаманки, которая просит, чтобы покровительствующие сущности (духи) помогли ей совершить гадание: "Избравшие меня в семь лет, милые, дайте развязку! В двадцать три года пославшие мне дар, милые мои, дайте развязку! И те, которые послали мне дар в двадцать пять лет, милые мои, дайте развязку!" Такое сочетание болезни и некой сущности (духа),

предлагающей исцеление в обмен на согласие принять дар, характерно для шаманского избранничества. И, может быть, не только шаманского. Вот история избранничества киргизского шамана Кушпека.

С детства, пишет исследователь-этнограф, Кушпек страдал от сильных болей. "На него часто нападала такая тоска, что ему хотелось умереть. Однажды он даже повесился, но его вовремя спасли. Когда ему было лет 20, он поехал в горы. Подъезжая к Манжилы*, он потерял сознание. Ему показалось, что к нему в это время подошел белый верблюжонок (ак тайлак), "хозяин" этой святыни, и потребовал, чтобы он стал шаманом. Придя в себя только утром, он почувствовал, что очень болен. Вернувшись домой, Кушпек пролежал в постели два месяца. Во время болезни и днем, и ночью к нему являлся "ак тайлак" и уговаривал его стать шаманом. Порою он угрожал, что в случае отказа Кушпека разобьет паралич или он умрет. Лишь тогда, когда согласился стать шаманом, он поправился".

В русском понимании образ "белого верблюжонка" был бы ближе всего к персонажам детских сказок и ни при каком повороте сюжета не мог бы быть воспринят как некое существо, несущее власть и могущее угрожать.

В среднеазиатской же системе символов этот образ исполнен совершенно иного смысла. Даже сам цвет — белый, означающий смерть, — знак другого мира.

Вообще же существо, предлагающее или вручающее избраннику некий духовный дар, воспринимается им в том образе, который характерен для этноса или цивилизации, к которой принадлежит он. Это может быть образ животного или странного существа у

сибирских шаманов или шаманов Севера, могут быть дэвы, джинны и пери у тюркских или среднеазиатских народов. И совершенно в иных: человеческих, ангельских образах — воспринимают такие существа их избранники, принадлежащие к христианской традиции или поколению, даже так или иначе утратившему эту традицию, отстраненному от нее.

Это несовпадение образов вовсе не свидетельствует о столь же великом разбросе самих начал или существ, стоящих за ними. Такое начало или существо, которому в повседневной нашей жизни нет аналога, проходя через призму сознания человека, всегда деформируется, пре-ломляется таким образом, чтобы на выходе появился об-

раз, хоть как-то соотносимый с имеющимися представ-лениями и опытом. Так появляется белый верблюжонок у одних, крылатое чудовище у других или человеческий лик, осиянный светом, у третьих. В действительности же то, что стоит за этим, не есть ни то, ни другое, ни третье.

Началу, которое стоит за этими обликами, нет аналога ни в наших понятиях, ни среди того, что может быть зримо. Даже говоря о них, как о существах, я не могу не понимать всей условности, метафоричности самого это-го слова.

Гиды. Наставники. Учителя

Некоторые из избранных, тех, кому дар паранормаль-ного был как бы ниспослан, упоминают некое существо (не скажу: человека), причастное этому дару. По-разному называют его: Гид, Наставник, Учитель.

Именно с такой встречи, такого посещения откры-лись удивительные способности Ванги. Ей было восем-надцать лет, когда перед ней, вернее — перед мысленным видением ее слепых глаз, — предстал некто в образе всад-ника, который предрек ей, что отныне она будет пророче-ствовать "о живых и мертвых".

С того дня духовное видение открылось ей. К проро-чице Ванге со своими несчастьями, проблемами, бедами приезжают тысячи других людей, люди не только из Болгарии, но и из других стран. О ней пишут книги, сни-мают фильмы. Однажды ее спросили, есть ли у нее чув-ство, что ее дар ясновидения привнесен высшей силой.

Ее ответ был: -Да.

- Какой?

Ванга не ответила.

В главе о ясновидении я говорил о Е. Ю. Агарковой.

Она рассказывает, что у нее все началось с того, как еще в 1968 году, когда она была одна, перед ней внезапно возник высокий человек в золотом шлеме. Он ничего не сказал. Осталось только чувство необъяснимой, необыкновенной радости. Было ли это посвящением?

А вот еще рассказ о таком посещении: — Я была одна вечером в безлюдном месте на окраине Москвы, — говорит Л. А. Корабельникова. — Скверик, трава, деревья. И вдруг — ощущение величайшего счастья, которое переполняет меня. В этот момент я почувствовала чье-то присутствие и обернулась. Передо мной

стоит фигура мужчины, очень высокого, метра два. Я ему ниже плеча. Одет во все белое. Кисти рук настолько скрылись в складках его платья, что я их даже не видела. Лицо, голова окружены как бы светящимся сгустком энергии. И сквозь этот свет я могла видеть, не очень четко, прекрасные черты лица. И в это мгновение я вдруг ощутила себя очень маленькой. Это очень непривычное чувство, в жизни обычно его не испытываешь. Маленькой не по возрасту, как ребенок, а маленькой духовно.

Человеческая фигура, ощущение радости, счастья.

Люди эти — Агаркова и Корабельникова — не знакомы и никак не связаны между собой. Тем интереснее и многозначительнее совпадение такого уникального опыта.

Ленинградский экстрасенс и целитель А. В. Мартынов:

— Я сидел на берегу Пицундской бухты уже после полуночи, опустил ноги в воду и смотрел на далекий мюссерский берег, напротив пансионата. Вдруг — осязаемый свет справа. Поворачиваюсь — стоит женщина, как бы в коконе сияющем, в длинных белых одеждах. И смотрит на меня, улыбается. Настолько благостное появилось тогда у меня состояние духа! Страх не было...

Такой Гид может произнести какую-то фразу, благословляющую, открывающую способности, как это было с Вангой. И с Мартыновым. Но главный контакт происходит, очевидно, в другом, совершенно

другом, более высоком плане. Сам приход Гида знаменует посвящение, избрание, появление или подтверждение дара.

Не как другие увидел своего Гида В. И. Балашов. "Я несколько раз, — говорит он, — видел глаза Учителя. Оба глаза или один глаз. Прямо перед собой. Огромный глаз, который смотрит прямо на меня. Иногда моргает, вижу даже ресницы. Правый глаз. Это был, безусловно, мужской глаз. Появлялись, возникали передо мной где угодно. Один раз даже — в метро".

Я говорил уже об условности того образа, в котором Гид может быть воспринят избранником: человеческий лик и фигура, белый верблюжонок или вообще "безвидность", только знание о присутствии, о приходе. О таких встречах, происходивших в ходе его экспериментов, упоминает и Дж. Лилли. Это были встречи с теми, как пишет он, кого называют обычно небесными Гуру, божественными Учителями или ангелами-хранителями. Интересно его попытка как-то расшифровать, осмыслить сам этот образ: "Эти два Гида, — пишет он, — могут быть дву-

мя аспектами моего собственного функционирования на уровне выше самости (высшего "Я"). Они могут быть сущностями иных пространств, иных вселенных. Они могут быть некоторыми полезными построениями, полезными идеями, которыми я пользуюсь для собственного развития. Они могут быть представителями какой-то эзотерической скрытой школы. Могут быть понятиями, действующими в моем собственном человеческом биокомпьютере на сверхчеловеческом уровне. Они могут быть настройкой на коммуникационные сети какой-то цивилизации, далеко превосшедшей нашу и изучающей информацию по всей галактике".

Ангел-хранитель, упомянутый Дж. Лилли, — один из возможных ликов, иероглифов, знаков, под которым Гид может быть воспринят избранником. В равной мере можно сказать, что тот, кого называют Гидом, есть лишь один из аспектов, один из ликов ангела-хранителя. При этом ни то, ни другое утверждение не дается в раскладе "или-или".

Представление об ангеле-хранителе, чувство близости такого покровителя присутствует в сознании человека с времен самых

отдаленных. В то, что у каждого есть незримо сопутствующий ему свой ангел-хранитель, верили еще в Древнем Вавилоне. "Когда затворишь двери жилища своего, — писал Антоний Великий, — и останешься один, ведай, что тебе соприсущ определенный от Бога каждому человеку Ангел, которого Еллины называют домашним духом". В Древнем Риме такого ангела-хранителя, сопровождающего человека от первого до последнего его дня, называли его гением.

Об ангеле-хранителе, постоянно соприсутствующем ему, говорил Сократ. Существо это, чей голос он слышал так же отчетливо, как голос собеседника, было с ним с детства. Он, "демон", как называл его философ, постоянно предостерегал его от пагубных поступков и гибельных решений.

В Вавилоне к ангелу-хранителю принято было не только мысленно обращаться по тому или другому поводу, прося помощи или совета, но ему, ангелу-хранителю, даже писали письма, дошедшие до нас на глиняных табличках. Не так ли к помощи своего Гида прибегают и те, кто удостоились встречи с ним: "Не знаю. Я посоветуюсь с Гидом". Минутное молчание, после чего человек четко и ясно излагает свое отношение к ситуации или вопросу.

Не таким ли хранителем или Гидом был наделен и киевский князь Олег, которого летопись называет не иначе, как "вещим"? И не это ли присутствие смутно чувствуется порой и нам, когда мы слышим в душе предостерегающий или удерживающий от чего-то "внутренний голос"?

Сыну псаломщика из неизвестного села Сура Архангельской губернии было шесть лет, когда однажды кому-то, в которой находился он один, осветил яркий свет.

Существо, осиянное этим светом, сказало ему, что оно — его ангел-хранитель, и обещало ему высший покров. Ребенком этим был будущий целитель, пророк и чудотворец Иоанн Кронштадтский.

Было ли это приходом Гида? Было ли это посвящением? Бессильны слова, и приблизительны термины. А понятия расплывчаты и туманны.

А кем были они, как назвать, обозначить те запредельные существа, что соприсутствовали порой святым и видеть которых сподобились их современники?

Как-то в лавре, когда литургию служил Сергей Радо- нежский, некоторые из прихожан увидели в алтаре не- знакомого человека в сияющих одеждах. Думая, что это один из приехавших с князем Владимиром Андрееви- чем, спросили князя. Тот ответил, что никого из священ- ников не привозил. После службы спросили преподобно- го, кто сослужил ему во время литургии. Сергей Радо- нежский сначала отклонялся от ответа, но потом неохот- но признал:

— Если уж Господь открыл эту тайну, то могу ли я скрыть ее? Тот, кого вы видели, действительно ангел. И не теперь только, а и всегда, когда я совершаю литургию, мне, недостойному, бывает такое посещение. Но вы хра- ните это в тайне, пока я жив.

Вот еще один случай такого же присутствия, как пра- вило, незримого, не воспринимаемого другими. Диони- сий, ученик Кирилла Белозерского (XV в.), присутствуя в храме, видел в Великий Четверг, как преподобный вел службу вместе с дьяконом. Когда же служба кончилась и все вышли, дьякона нигде не было видно. Недоумевая, Дионисий спросил преподобного: — Где же служивший дьякон?

И услышал в ответ:

— Не сказывай о том, что видел ты, до моей смерти.

Каждый из этих случаев удивителен в отдельности, сам по себе. Столь полное совпадение одного и другого делает их удивительными вдвойне. То же, что оба святых

реагировали одинаково "не разглашай до моей смерти", возводит оба этих эпизода в область тех возвышенных недоумений, где вообще нет места ни поиску объясне- ний, ни ожиданию ответа.

Упомянув здесь два эти случая, я не имею в виду ста- вить их в один ряд с ситуациями, о которых я говорил до этого. Правильнее было бы сказать, что приводя их здесь, я исхожу скорее из аналогии, чем из тождества.

Венец, увитый терниями

Самым ли лучшим, самым ли совершенным откры- вается этот дар? Не знаю. Потому что разные есть среди них, но для каждого дар, пришедший к нему, был испы- танием. Испытанием меры его нес- тяжательства, нетщес- лавия, невпадения в грех тайного, а то и явного любова- ния собой. Я знаю благополучно избежавших этих

лову-шек и ям, притаившихся вдоль пути. Но я видел и впавших в эти соблазны. Причем впавший в один-единственный в конце концов становится добычей всех. Говоря это, я свидетельствую об участи тех, кого постигла такая судьба, или, точнее, тех, кто сам избрал ее. Потому что неприметен и легок первый шаг, ведущий в сторону от пути. Шаг этот, казалось, направлен туда же, что и сам путь, но в том-то и сила, и власть соблазна, который так незаметно, так плавно уводит прочь.

Почтительное внимание, удивление, восхищение сопутствуют обычно избраннику всю его жизнь. И можно, наверное, понять человека, который так привыкает к этому эмоциональному фону, сопровождающему его повсеместно, что, лишенный этого постоянного подтверждения собственной своей значимости, начинает чувствовать себя непривычно и бесприютно. Восхищение[^] и внимание становятся необходимы ему, как наркотик. И, как и наркотик, дозы эти должны становиться все больше.

Постепенно он привыкает любой разговор начинать с себя и заканчивать собой, подробно повествуя о своих достижениях и о совершенном им. При этом достигнутое им может действительно быть значительным, а все, о чем говорит он, быть правдой. Печаль в другом. В том, что он вообще говорит об этом и что говорить о себе доставляет ему радость. Постоянная жажда публичности, внимания, прямое или косвенное осуждение своих коллег — в том же русле...

И это не единственный из соблазнов и губительных

троп, подстерегающих носителя дара, уводящих его с пути. Как мот не замечает, как тает доставшийся ему капитал, пока не окажется наг и нищ под открытым небом, так сошедший с пути в самолюбовании и гордыне не видит своего отпадения, удаляясь от совершенства, претерпевая угасание и распад собственной личности.

Еще один аспект того бытия, — тот, которому отдан, в котором пребывает носитель дара.

Мыс вами, я и вы, читатель, угодно это нам или нет, живем в мире, где каждый стремится выглядеть в глазах других наилучшим образом, где каждый хотел бы, чтобы его считали благожелательным,

честным, добрым. Тем самым вольно или невольно каждый как бы творит для других собственный "имидж" — некий положительный образ самого себя. Причем первый, кто готов уверовать в этот образ, — это его создатель. Это — условие психологической защиты и психологического комфорта человека.

Для прозорливца же нет этого утешительного камуфляжа. В его реальности предельно обнажены все неприглядности окружающих, все гримасы зла.

— Приходит ко мне больной, приводят его, — рассказывает целительница. — Чтобы иметь возможность помочь ему, я должна ощутить к нему хотя бы симпатию, доброе чувство. А я смотрю и вижу, сколько горя принес этот человек другим, сколько на нем слез, крови, судеб поломанных. А ведь для другого он выглядел бы вполне пристойно, даже приятно. Интеллигентное лицо, в очках, вежливый. Но мне-то видно другое...

Много ли радости знать о людях то, что сами они старательно о себе скрывают, знать постыдное, грязное, низкое? Прозорливец, которому постоянно открыто это, обречен все время пребывать в соприкосновении с чьим-то злом.

Или еще. Человек весел, строит планы, исполнен беззаботной деятельности и суеты. А прозорливец видит печать, которая на нем, и ту тень, что легла на его пути. Видит и знает, что скажи, не скажи он — этого ему не избежать и не обойти.

Могут сказать: почему же только плохое, разве в жизни мало радостного и хорошего? Это так. Но как к врачу не идут здоровые, так и к целителям и ясновидящим редко приходят те, у кого все хорошо и прекрасно, кто благополучен, здоров и счастлив. И можно ли осудить тех,

кто, приходя со своей болью, видит только ее, эту свою боль?

— За год я получила более двадцати тысяч писем, — говорит Л. А. Корабельникова. — Ответила на четыре тысячи. В каждом свои печали, свои трагедии. Телефон дома звонит не переставая. То же самое на работе. Я не даю своих телефонов. Люди узнают сами. Ни дома, ни на работе телефоном я не могу пользоваться. Каким-то образом люди узнают, где я живу, поджидают меня на улице, у дверей. Бросаются ко мне, плачут, умоляют помочь, найти близкого

человека, сказать, жив ли он. Но никто не спросит: "Ты можешь? Ты не больна? А может быть, ты заболела, а может, у тебя самой горе?" На работу ко мне приехали три женщины, у них горе, они рыдают. Звонят мне по внутреннему телефону. Я говорю: "У меня умер отец. Я должна сейчас ехать в аэропорт за билетом. Я не могу". Я понимаю, у них тоже несчастье. Но слышат они только себя. Через зав. кафедрой передают мне фотографию. Она приходит, кладет ее передо мной. Я ей пытаюсь объяснить: "Я не могу же работать, я не в том состоянии, у меня же горе. У меня отец умер". Нет, не понимает. Не знаю, как я вышла к ним. И я все-таки работала. А они плачут. Потом одна из них сует мне деньги. Я говорю: "Мне не надо ваших денег. Я вам все сказала. Идите". И тогда одна из них, видно, поняла что-то и говорит: "Это ж надо. У нее горе, и у нас горе. И она оказалась лучше нас".

Я запомнила эту фразу. Но это скорее исключение. Вообще же, когда у людей горе, ко всему другому они глухи. Я восемь часов на работе, возвращаюсь усталая. У моего дома уже толпа. Устала я, не устала, могу работать или нет — они звонят в дверь и режут. Так я живу.

Живет так не она одна.

Другой ясновидящий рассказывал мне, что когда раздается очередной оглушительный междугородний телефонный звонок, порой он старается вообще не брать трубку. Но телефон звонит не переставая и ночью и днем, и тогда он все-таки поднимает трубку и, стыдясь и презирая себя, отвечает, что такого-то нет, он уехал, в командировке, будет не скоро. Но телефон звонит опять и опять.

— Конечно, я все-таки отвечаю на звонки, хотя далеко не на все. Если бы я отвечал на все обращения, мне нельзя было бы ни есть, ни спать, ни просто жить. Звонит не только телефон. Звонки раздаются и в дверь. Какое-то время я могу не подходить к двери, но потом не выдер-

живаю. А если открыл, не могу же я не впустить тех, кто стоят за порогом. И это надолго. Никто не может ни понять, ни поверить, как это трудно — прийти в определенное состояние, держаться в нем. Конечно же, я устаю, очень. Мечтаю уехать куда-то, на месяц-другой, где никто бы меня не знал, где не было бы телефона... Бывают

ситуации, когда для ясновидящего или целителя бегство действительно оказывается единственным выходом.

Как-то "Труд" опубликовал статью о целителе П. Д. Утвенко. Причем у автора и редакции хватило ума указать там полный его адрес. Что последовало за этим, можно предположить, но трудно себе представить. В не- большое украинское село хлынули сотни, тысячи со всей страны. Некоторые приехали на машинах. С немощны- ми и болящими, которых привезли с собой. С детьми, при виде которых разрывалось сердце. Не мог, физиче- ски не мог их принять Петр Дементьевич. Как не мог сказать: "Вот тебя приму, а тебя нет, ты приезжай как-ни- будь потом, через полгода, год". К тому же толпа есть тол- па. Она одновременно и жаждет справедливости, но еще больше рада любому случаю, когда можно попать ее.

Кто-то пытается устанавливать очередь, вести номера, списки. Другие не признавали этого: важно не то, кто приехал раньше, а кому хуже, у кого серьезней болезнь.

Третьи устанавливали отдельные очереди для ветеранов, для инвалидов, отдельную для детей. И все это под от- крытым небом. Дождь ли, ночь ли. Что есть, где спать, с больными, с детьми? Единственный, хоть и жестокий выход был, — отправить всех по домам: Утвенко не при- нимает. Но никто не мог принять на себя этого. И никто не уезжал: я уеду, а вдруг он начнет лечить. Только через несколько дней местной власти пришла спасительная мысль — дать людям заполнять открытки со своим адре- сом. Когда очередь подойдет, их пригласят. Под такую, пусть слабую, но надежду, заполнив открытку, несчаст- ные, замотанные и отчаявшиеся люди начали разъез- жаться. Но на место их приезжали новые — из Сибири, из Казахстана. В первые же дни было собрано около двад- цати тысяч открыток.

Сначала целитель надеялся отсидеться в осаде. Ворота и калитка были заперты, дом на замке. Но люди карабка- лись через забор, подсаживали детей. Барабанили в две- ри, облепляли окна. От этих сотен, тысяч отчаявшихся и потерявших надежду не было спасения и никуда невоз- можно было укрыться.

Целителю оставалось одно — скрыться, бежать из сво- его дома. Но где бы ни прятался он: у родных, у соседей, — через день-другой

его находили. И вдруг он пропал.

Нет деда, нет целителя. К тому времени волна стала спа- дать, люди начали разъезжаться. Утвенко же, никем не uznанный, лежал в это время в больнице, причем ради еще большей конспирации не под своей фамилией. Толь- ко когда все более или менее успокоилось, он смог вер- нуться домой. Но и тогда, чтобы не дать повода нахлы- нуть новым тысячам, он вынужден был не вести прием.

Отказывать всем. Я застал его именно в эти дни. Дорога, идущая мимо его дома, перегорожена бревном. У поворо- та и на самих воротах написано, что "Диду не принима- ет". На шоссе, ведущем к деревне, заметив машины с не местными номерами, ГАИ останавливает и заворачивает обратно: "Утвенко болен. Уехал. Не принимает".

Каково было людям, добравшимся сюда, за тысячи километров, порой в последней надежде и на последние деньги? Но каково было и целителю при виде этой толпы страдающих и больных, помочь которым он был бесси- лен?

Мало кто из непрichастных этому дару может понять, ' какой это крест.

— Когда мне нужно сказать близким, — говорит Кора- бельникова, — что человека, о котором пришли они уз- нать, нет в живых, произнести это мне почти так же тя- жело, как им услышать мои слова. При этом есть еще па- уза, когда я-то уже знаю тяжелую весть, а они еще нет, они еще надеются, ждут и смотрят на меня. И вот эту се- кундную, минутную паузу мне всякий раз нужно преодо- леть. При этом просто сказать, что близкого человека нет, что нет и надежды, и оставить его в отчаянии и сле- зах нельзя. Я пытаюсь не то чтобы успокоить, а обьяс- нить, что смерти нет. Люди обычно не готовы к этому.

Но сделать это всегда удается. Уходит на это не десять и не двадцать минут. Мать за это время не успокоишь.

Приходится говорить и час и два. И таких стрессовых, шоковых ситуаций бывает у меня по несколько на день.

Я присутствовал, когда Балашов, взглянув на фото- графию, должен был сказать родственнице, что того, о ком пришла она

спросить, нет в живых. И я видел, как тяжело было ему сообщить это.

— Когда мне приходится быть человеком, несущим плохую весть, — говорит он, — лишать кого-то пусть сла- бенькой, пусть призрачной, но надежды, это всегда омра-

чает мне день. Я много раз мысленно возвращаюсь к си- туации. Привыкнуть к этому невозможно. А говорить та- кое, к сожалению, приходится часто. Ведь ко мне и та- ким, как я, приходят, когда все шансы уже исчерпаны, остается лишь вера в чудо. Чудо же происходит так ре- дко... И так получается, что именно я оказываюсь челове- ком, которому выпало нанести этой вере последний удар.

Не могу передать, как это бывает тяжело.

Не легче приходится и целителю, когда он ясновидче- ски видит, что человеку, который с надеждой пришел к нему, ни он, ни кто другой ничем помочь не сможет.

Правда, он не сообщает, понятно, несчастному того, что открылось ему. И этот груз, это бремя, которое собирает- ся в нем и которое он должен носить в себе, день ото дня становится все больше.

Этот постоянный стресс, соседство с горем и злом и ги- бельные тупики духа, о котором бегло упомянул я, еще не самое печальное, не самое тяжкое, поджидающее из- бранника на пути, который он выбрал или который, ско- рее, сам избрал его.

Безусловно, те, кто приняли дар или лишь стоят перед таким выбором, понимают и чувствуют все это лучше, чем могли бы мы с вами. Не потому ли так упорно мно- гие пытаются отказаться от шаманского дара? Не потому ли так избегают принять дар от умирающих колдунов и ведуний те, кого они часто и тщетно упрашивают сделать это?

Возможно, сам уход на тропы соблазнов, деградации, ослабления и, в конечном счете, потери дара есть неосоз- нанная попытка таким, как бы косвенным образом, от- речься от дара, снять, сбросить с себя бремя, которое ока- залось превыше сил?

Могут сказать, что венец этот украшают не только шипы и тернии. Есть у него и цветы. Безусловно, это так.

Это и "экстаз удачи", и восторг достижения, и удивление от беспредельности границ бытия, и радость, когда удает- ся помочь

кому-то.

Таким образом, ситуация эта, как и всякая, имеет как бы две стороны. При этом все темное: тяготы дара, опасности, соблазны — целиком достояние того, кто был удостоен его. Заслуга же — светлая сторона — лично к нему может быть отнесена весьма условно. Он лишь несет по жизни то, что было дано ему. И в этом есть справедливость и чистота. Так носителя некой вести не должно путать ни с самой вестью, ни с тем, кто его послал.

Подойдя к этой черте, однако, я вынужден остановиться. Потому что дальше идут вопросы о смысле и значении дара. Какие силы стоят за ним? Почему выпал он на долю именно этого человека? Во имя чего, зачем вообще все это?

Одни полагают, что дар дается избранному ради того, чтобы он мог помогать людям. Другие — ради самого принявшего дар, как некий этап его собственного совершенства в цепи рождений. Третьи предлагают еще один, неведомо какой расклад, но, главное, как и другие, объясняют все до последней ниточки. Признаюсь, что построенные эти не убеждают меня, и при всем желании я ничего не могу поделаться с собой. Это вовсе не значит, будто у меня есть какая-то иная версия, убедительнее и лучше этих.

Разве знаю я или знает кто-то, почему в одном случае молния ударяет в дерево, а в другом — в человека? А знает ли кто-нибудь, почему идет дождь, а потом светит солнце? Почему незнакомые до этого мужчина и женщина встречаются друг друга, открывая тем приход в мир новой жизни? Зачем вообще приходим мы сами в этот мир и

куда уходим, покидая его? Я не ведаю всего этого и множества других вещей, о которых не могу, наверное, даже помыслить и которым не знаю слов.

Значит ли это, что "автор хочет сказать..." Да, значит.

Сам я — одна из фигурок, стоящая у края доски, не различая лица Играющего и замечая временами лишь беглую тень от Его руки. Могу ли я, должно ли мне вести бессмысленные и лишние речи? Вот почему, подведя читателя к этой черте, я покидаю его.

Если же кто-то жаждет концепций или теорий, объясняющих то, о чем прочел он здесь, то я предоставляю ему самому искать их. Если,

конечно, он захочет. Хотя лучше, гораздо лучше не делать этого.